

sf_detective
love_sf

Александра
Лисина

Ведьма в белом халате

Испокон веков рядом с людьми жили кикиморы, лешие, вампиры, оборотни, домовые. Долгое время мы скрывали свое существование, но со временем магия, как и человеческие технологии, достигла такого уровня, что прятаться по лесам и подземельям стало невыгодно. Теперь, благодаря заклинаниям, мы свободно живем среди людей: в городах, бок о бок с вами, хотя вы об этом даже не подозреваете. И мы так же, как все, посещаем магазины, ночные клубы, пользуемся интернетом. У нас даже полиция своя есть! И, конечно же, собственная медицина, о которой я, Ольга Белова, знаю не понаслышке. Ведь по профессии я врач. Хотя обычно меня называют ведьмой в белом халате.

ru

Александра
Лисина

calibre 3.40.1, FictionBook Editor Release 2.6.6
8.5.2019
d6d50406-adc8-40eb-92a0-7165e3e5bcad
1.0

Ведьма в белом халате
Александра Лисина

ПРОЛОГ

– Итак, коллеги, начнем, - сказала я и обвела строгим взором столпившихся в вестибюле студентов. - Меня зовут Ольга Николаевна. И на сегодня я – ваша мама, папа, гид, надсмотрщик и, если понадобится, инквизитор, имеющий индульгенцию на ваше сожжение в том случае,

если вы меня разозлите. К сожалению, ваш преподаватель этим утром попал в аварию, поэтому вовремя прибыть на занятие не сможет. И, раз уж вы решили выбрать престижную профессию врача, то, пока господин Усачев добирается до нас на общественном транспорте, я покажу, как работает наше лечебное учреждение. Только чур от меня не отставать, вперед не забегать и руками ничего не трогать, пока не разрешу. Договорились?

Студенты медицинского университета, которых насчиталось целых двенадцать штук, вразной закивали. Четыре паренька и восемь девочек, которых этим утром к нам прислали на практику. Совсем ещё юные, симпатичные, такие смешные в белых халатиках, криво сидящих шапочках и бахилах. И кто вообще придумал отправлять детей на практику за две недели до Нового года?

Я ещё раз глянула на будущих коллег. Убедилась, что они поняли меня правильно, и двинулась прочь, оглашая коридор цокотом острых каблучков. Студенты посеменили следом, с любопытством оглядываясь по сторонам.

– По правую руку от вас находится приемное отделение, – на ходу бросила я, кивнув в сторону закутка с одной-единственной дверью, где виднелась табличка с надписью «приемный покой». – Сюда прибегают, приходят, а иногда даже приползают больные, которые считают... иногда по совершенно непонятным нам причинам... что им необходима медицинская помощь.

– А почему на двери нарисованы череп и перекрещенные кости? – боязливым шепотом спросила одна из девочек.

Я отняла от груди папку с историями болезни, которую ещё полчаса назад надо было занести в ординаторскую, но увы, на полпути меня застал врасплох звонок шефа. А затем повернула ее так, чтобы дети увидели тисненую эмблему в правом верхнем углу.

– Это – неофициальный знак нашего лечебного учреждения. Он символизирует плачевные последствия несвоевременного обращения к врачу и напоминает пациентам, что все они смертны.

– А цифра шестьсот шестьдесят шесть на документах тоже что-то символизирует?

– Разумеется. Ровно шестьсот шестьдесят шесть лет назад госпожа Беллатриса дер Яга, которую в те времена совершенно несправедливо считали черной ведьмой, создала прототип лечебного учреждения, которое сейчас носит название «Клиника святого Варфаломея». В этом году мы как раз отпраздновали юбилей. Идемте дальше.

Широкий коридор снова огласился цокотом моих шпилек.

– Слева от вас находится комната дежурного врача, санпропускник, а также служебные помещения.

– А почему тут никого нет? – поинтересовался кто-то из студентов, с любопытством заглянув в приоткрытую дверь санпропускника. – Неужели у вас так мало пациентов?

Я глянула на часы.

– Сейчас четверг, восемь утра. Обычно пациенты начинают поступать позже.

– Почему? – спросил все тот же любознательный студент.

– Потому, молодой человек, что ночью даже нелюди предпочитают спать. Те, кто умудрились вляпаться в неприятности накануне, уже находятся в дежурной клинике. А наша смена начинается с половины девятого, так что полчаса времени у нас ещё есть.

Пройдя дальше по коридору, я привела студентов в просторный холл.

– Коридор налево ведет в рентгенологическое отделение, коридор направо – в лабораторию, лестница прямо ведет на второй этаж, где находятся палаты, перевязочные и операционные.

– А на третьем?

– Административные помещения, но мы с вами туда не пойдем.

Неожиданно из левого коридора, перекрытого тяжелой металлической дверью, раздался смех и приглушенные голоса. Дойдя до двери, я решительно ее толкнула, какое-то время изучала творящееся за ней безобразие, а затем открыла створку настежь, чтобы вытягивающим шею детям тоже было видно.

– Обратите внимание, коллеги, чем занимается в рабочее время коллектив нашей клиники. Вместо того, чтобы прилежно сидеть в кабинетах и ждать больных, они изволят делать селфи для инстаграма.

Говорила я достаточно громко, поэтому собравшиеся и что-то живо обсуждавшие коллеги, в числе которых было сразу пять дежурных врачей, семь медсестер, четыре санитарки и даже один регистратор, дружно обернулись. В руке регистратора Димки как по волшебству появился фотоаппарат, а сам Димка расплылся в широкой улыбке.

– Ольга Николаевна, это не селфи, а общая фотография для журнала!

– Какого к черту журнала? Шеф считает, у нас мало работы?!

– Ничего вы не понимаете. Это же рек-ла-ма. Для привлечения инвесторов. Идите к нам. Вы станете украшением обложки!

– Еще не хватало. Я ведьма, а не модель, - фыркнула я.

– Ну хотя бы помогите, а то мы уже замучались удачный ракурс искать. То у одного глаза закрытыми выходят, то у второго улыбка кривая...

Отставив студентов мяться у дверей, я подошла к Димке, как раз примеривающегося сделать очередной снимок, и, оглядев неестественно лыбящихся в камеру коллег, покачала головой.

– Скажите «сы-ы-ыр», - протянул паренек, прищулив один глаз.

– Дим, ну что ты как маленький? Надо им сказать что-нибудь по-настоящему смешное. Например, «зарпла-а-ага»...

Народ гоготнул, а фотоаппарат радостно сверкнул белой вспышкой. В этот момент двери в противоположном конце коридора с грохотом распахнулись, и оттуда вышел шеф: высокий, худой, изрядно немолодой и вечно хмурый некромант в строгом черном костюме, поверх которого был небрежно наброшен белый халат.

– Ольга! – при виде меня его черные глаза сузились, а мохнатые брови сошлись на переносице. Обычно это означало, что будет гроза. Но внезапно Юрий Иванович Черный или попросту Чуи, как мы за глаза его называли, заметил выглядывающих из холла детей и поправился: – Ольга Николаевна! Что опять за инсинуации я слышу в сторону заработной платы? Вы считаете, наши сотрудники мало получают?

Я сделала скорбное лицо.

– Юрьиваныч, я уже который год пытаюсь вам на это тонко намекнуть. Но вы так упорно делаете вид, что ничего не замечаете, и все мои послылы безнадежно пропадают в недрах вашего большого, прекрасно обставленного кабинета. А между тем сотрудники едва сводят концы с концами. Даже спецодежду им не выдают. Безобразия!

– Ольга!

Глаза шефа метнули молнии, но я лишь демонстративно приподняла полу своего короткого халатика, из-под которого выглядывала строгая, до колен, черная юбка-карандаш.

– Вот видите, в чем мне приходится ходить?

В моих глазах появилась вселенская скорбь и всемирной укор, который должен был разжалобить шефа и хотя бы на пару десятков тысяч рублей поднять мне оклад. Но увы, некромант опять не повелся. Наверное, ему не понравились нарисованные на юбке человеческие черепа. Или же он вспомнил, что выглядывающие из глазниц, выдвигающиеся, как у «чужих», челюсти могли из вредности кого-нибудь цапнуть.

– Ольга Николаевна... – тяжело посмотрел на меня Юрий Иванович, и его глаза ещё больше потемнели. – Ну-ка, зайдите-ка ко мне в кабинет.

– Не могу. У меня занятие, – с достоинством сообщила я и, вручив стоящему поблизости травматологу папку с историями, выпорхнула за дверь.

Столпившиеся за ней студенты неловко потупились, когда я одернула халат и, приняв вид строгой воспитательницы, двинулась к лестнице. А уже на втором этаже, остановившись у двери в отделение, указала на убегающий в бесконечность коридор и пояснила:

– Справа находятся палаты. В обычные дни их двадцать, но на время дежурств мы разворачиваем дополнительное пространство и увеличиваем размеры отделения вдвое. Палаты небольшие, на двух-трех человек. Есть пара одноместных, для богатых клиентов. Плановых больных у нас немного – нелюди, как вы знаете, практически не болеют. А вот травм, переломов, порезов, случайных или не очень ранений хватает, поэтому отделение у нас, в основном, хирургического профиля.

– А простые смертные у вас лечатся? – задала забавный вопрос одна из девочек.

Я усмехнулась.

– Нет. Люди о нас не знают. А для тех, кто знает, существуют обычные больницы. Пойдемте, я познакомлю вас с отделением. Только сумки оставьте у входа, нечего грязь сюда нести. И проверьте бахилы – если у кого-то порвались, надо будет сбегать вниз, сменить.

Минут через пять я уже шла по коридору, звонко цокая каблукчиками.

– Это вход в операционный блок, где есть три операционных, палата реанимации и отдельная палата для платных больных. Они уже полностью развернуты, но делать там ещё нечего. Рядом находятся две перевязочных: чистая и гнойная, процедурный кабинет... Яна, привет, ты почему не на фотосессии? – я на мгновение заглянула внутрь и приветливо кивнула совсем ещё молоденькой оборотнице в кокетливом белом колпачке и обтягивающем костюмчике веселого рыжего цвета.

– Так дела, Ольга Николаевна, – улыбнулась оборотница и показала на целую батарею заряженных капельниц. – Если не сделаю сейчас, потом будет некогда.

Я понимающе хмыкнула и двинулась дальше.

– Чуть дальше находится медицинский пост... по уже известной вам причине тоже пустой... потом душевые, уборные, санитарная комната, клизменная...

– Не надо! – вдруг раздалось из-за двери, когда мы проходили мимо клизменной. – Зачем делать клизму, если у меня перелом?!

Следом раздался скрип отодвигаемой кушетки и увещевающий голос медсестры. Надо же, похоже, Инна тоже проигнорировала общебольничную фотосессию и предпочла ей работу, что было похвально.

– Альберт Станиславович, помимо перелома ребер, у вас сотрясение головного мозга и проникающее ранение брюшной полости.

– Оно было давно! – громогласно взвыл пациент. – Я уже почти здоров!

– Вы были бы здоровы, если бы соблюдали режим. Но вы слишком рано встали после операции и изволили наесться на ночь, хотя вам было строжайше запрещено употреблять пищу на протяжении суток. Доктор на обходе сказал, что рана плохо заживает и, скорее всего, скоро откроется внутреннее кровотечение. Поэтому я должна подготовить вас для повторного вмешательства.

– Но повязка была сухой!

– А диагностическое заклинание показало наличие кровопотери... слава богу, пока незначительной. Но если промедлить, у вас возникнут осложнения.

– Все равно я больше не буду делать клизму! Хватит! Второй раз лишиться себя девственности не дам!

Я со вздохом открыла дверь и воззрилась на молодого взъерошенного парня с роскошной мускулатурой, которой мог бы позавидовать даже бывший губернатор Калифорнии. Рослый, почти на голову выше меня, заросший до бровей и одетый в одни только узкие плавки молодчик с подозрительно крупными зубами. Бугрящиеся на груди мышцы выглядели устрашающе, особенно когда загнанный в угол молодой волк поставил тяжеленную кушетку вертикально и, использовав ее на манер щита, попытался отгородиться от приближающейся медсестры.

Нет, маготехника не дошла до таких высот, чтобы избавить пациентов от ряда неприятных процедур. Да, правила предоперационной подготовки для хирургических больных за последние десятилетия практически не изменились. Поэтому бедному волчонку придется смириться с неизбежным, тем более что я лично на прошлом дежурстве ушивала этого лохматого дурака, умудрившегося сдуру попасть под бензовоз.

– Альберт, - вкрадчиво сказала я, и волк непроизвольно сжался. - Ты опять игнорируешь предписание лечащего врача? Мне сообщить твоему отцу, где и почему ты сейчас находишься?

– Не надо, Ольга Николаевна! – неожиданно взмолился здоровенный, почти на голову выше меня детина, которому на днях исполнилось пятнадцать. Но оборотни все такие. Физиология у них особенная. И даже этот сопляк мог в бараний рог согнуть любого качка. – Пожалуйста, только не говорите отцу!

– Помнится, мы с тобой эту тему уже обсуждали...

Рослый оборотень понурился.

– То, что ты проголодался, ни в коем разе не является оправданием. Поэтому, если через пятнадцать минут ты не будешь готов к операции, я набираю номер твоего отца и сообщаю, что ты находишься вовсе не на даче у друга, а зализываешь раны у меня в отделении. Просто потому, что на днях перебрал спиртного и решил не уступать дорогу грузовику.

У парня обреченно опустились плечи: дисциплина в семьях оборотней была железной, поэтому, если начальнику одного из ведомственных столичных управлений станет известно, как и где провел прошлую ночь его старший сын, Альберту будет грозить знатная головомойка. В пьяном виде на спор играть с друзьями в догонялки на федеральной трассе... да ещё и проиграть каким-то котам...

Кушетка с визгом проехала ножками по кафельному полу и со стуком встала на свое законное место.

– Ладно, – уныло вздохнул Альберт. А потом угрюмо зыркнул на медсестру. – Только пусть она выйдет! Я все сделаю сам!

Я кивнула Инне, и та, усмехнувшись, удалилась, оставив невостребованную клизму сиротливо лежать на подоконнике. Как только она ушла, я щелкнула пальцами. Клизма тут же взвилась в воздух. Молодой волк, на волосатом животе которого красовалась тугая, уже начавшая пропитываться кровью повязка, снова вздохнул и повторил:

– Я сам... можно?

Я пожала плечами и вышла, прикрыв за собой дверь. Но ещё успела услышать скрип потревоженной кушетки и эротичный женский голос:

– Здравствуйте. Вас приветствует бюро современных маготехнологий. Предлагаем воспользоваться услугами нашего прибора «Клизма летающая, модель УЙ-1» с удлиненным самосмазывающимся наконечником. Ультрамодный дизайн, удобный интерфейс, никакого дискомфорта. Летающая клизма сделает все сама. Чтобы правильно воспользоваться прибором, лягте на левый бок...

– Доктор Белова! – неожиданно прокатился по отделению механический голос. – Пройдите, пожалуйста, в приемное отделение!

Я вздохнула.

Ну, вот и смена началась. Скоро тут опять начнется дурдом. Одного привезут, другого увезут, потому что тяжелыми черепно-мозговыми травмами, инфарктами и инсультами мы не занимаемся. Еще одного надо будет со всех ног бежать оперировать. Только из одной операционной выйдешь, как тут же позовут в другую... потом у кого-нибудь рана откроется. Кому-то придется срочно заказывать кровь редкой группы. И так целый день. С тех пор, как в нашем районе осталась лишь одна больница для нелюдей, работать стало совсем тяжело. Хорошо хоть, не сказали по громкоговорителю «срочно». Значит, прибывший первым пациент не испустит дух в ближайшие полчаса.

– Так, – я развернулась к притихшим студентам. – Сейчас я отведу вас в одно замечательное место. Вы там посидите, почитаете или просто поговорите с нашим самым знающим сотрудником. А я, как освобожусь, отпущу всех по домам.

Снаружи послышалась сирена приближающейся на всех парах «скорой», и я заторопилась. Почти бегом спустилась в подвал, протащила с трудом поспевающих за мной детей по выложенному белоснежным кафелем коридору. Затем толкнула отчаянно скрипящую дверь с надписью «морг» и, заскочив внутрь, гаркнула:

– Саны-ыч, выручай!

Сидящий на секционном столе большой рыжий кот вперил в меня хитро прищуренный взгляд.

– И что, позволь спросить, у тебя случилось на этот раз?

Я отступила от двери, пропуская внутрь неуверенно озирающихся студентов.

– Вот. Посиди с ними чуток. Расскажи что-нибудь интересное...

Кот окинул взглядом лежащее перед ним, накрытое белой простыней тело и задумчиво пошевелил усами. А затем поднял вверх правую переднюю лапу, продемонстрировал оторопевшим детям средний палец, откуда с громким щелчком выскочил острый коготь, и промурлыкал:

– Я им лучше покажу.

– Спасибо! – выдохнула я и стремглав выскочила за дверь. А из секционной вскоре полился размеренный, прямо-таки усыпляющий голос нашего штатного патологоанатома:

– Итак, дети, что вы знаете о вскрытии?..

Примерно через час, выкроив пару минут, я заскочила в морг снова, ничуть не удивившись, что оттуда по-прежнему доносился все тот же спокойный и размеренный голос Сан Саныча. Сам кот сидел на том же месте. Такой же невозмутимый, безупречно чистый, даже капельку крови не посадивший на элегантные белые «носочки» своих пушистых лап. Однако теперь перед ним лежал идеально, как по учебнику, разделанный труп, а у стеночки сидели бледно-зеленые студенты, половина из которых явно собиралась грохнуться в обморок.

Нет, это студенты или кто? Как они людей... то есть, нелюдей лечить будут, если от вида крови их тошнит?!

– Ребят, а вы вообще какой курс? – с подозрением осведомилась я, оглядев этих недо-медиков.

– П-первый, – мужественно выдавил из себя оказавшийся самым крепким паренек.

Я кашлянула.

– Ну что ж... Зато вы узнали весь путь, который проходят пациенты в любом лечебном учреждении. Так сказать, от входной двери до гроба. А теперь марш по домам. Занятие окончено.

ГЛАВА 1

– Так-так-так, – поцокала языком я, увидев в палате под номером восемь необычного пациента. Пациентов в отделении я вела «от» и «до» не так уж часто, но, заметив знакомое имя в списках поступивших, не могла не зайти. – И кто это тут у нас объявился? Неужто опять с переломом?

Сидящий у окна в кресле-каталке молодой вампир повернулся и одарил меня клыкастой улыбкой.

– Здрассти, Ольга Николаевна, – он чуть ли не с гордостью продемонстрировал загипсованную до самого паха левую ногу. Гипс, правда, был временным, из специального быстро застывающего раствора, который можно было размочить и снять за пять минут. Но сам факт меня насторожил: раньше парню не требовалась иммобилизация. – Клевый, да?

Я фыркнула, выудила из папки историю болезни с именем «Сергей Долгоруков», а затем мельком глянула на анамнез и результаты анализов.

– Сереж, это уже не смешно. Какой это по счету перелом за полгода?

– Седьмой, – ухмыльнулся вампир.

– И я так поняла, что останавливаться на достигнутом ты не собираешься...

Я быстро пролистала записи лечащего врача и, подняв взгляд на довольного нелюдя, вздохнула. И чего ему неймется?

Вампиры, в отличие от оборотней, отличались более хрупким телосложением и утонченной, слегка болезненной красотой. А ещё они традиционно выбирали для себя творческие профессии. Художники, писатели, музыканты... в балете их было особенно много, поскольку при внешне изящном телосложении вампиры не уступали в силе оборотням, а природная грация помогала им создавать потрясающие образы на сцене.

Но Серега... вернее, Сьерж де ла Роэно ин Даэро и ещё как-то-там-много-непонятных-букв... из аристократического рода, двадцатилетний оболтус и единственный наследник огромной финансовой империи... к вящему неудовольствию отца, выбрал в качестве занятия не балет или музыку, а мотофристайл. Да-да, то полубезумное увлечение, где надо было не ездить, а аж летать на мотоциклах, прыгать с трамплинов и крутить в воздухе умопомрачительные кульбиты.

Само собой, при таком роде занятий... а всерьез опасным спортом Сережа увлекся лишь два года назад... наследник рода Даэро (в миру – просто Долгоруких) регулярно получал какие-нибудь травмы. И поскольку вампиры издавна слыли крайне увлекающимися личностями, то неудивительно, что за последние полгода это уже был седьмой случай, когда он обращался в нашу клинику.

– У тебя хоть ребра-то срослись с прошлого раза? – поинтересовалась я, глянув на дату последней выписки. Две недели назад. Я тогда была на выставке медицинского оборудования в Германии, и им занимался Игорь, наш травматолог. И вот опять этот упрямец откуда-то свалился, умудрившись заработать одновременно перелом левой бедренной кости и тяжелое сотрясение головного мозга. Если бы не знаменитая вампирская регенерация, лежать бы ему сейчас в коме. И на вытяжке заодно. Но Серега, пока сюда ехал, успел частично восстановиться, нейрохирурги сказали, что оперировать парня не надо, и теперь лишь от нас зависело, насколько правильно срастется бедренная кость, и не появятся ли осложнения.

– А то! – в ответ на мой вопрос вампир жизнерадостно оскалился. Клыкастики вообще были компанейскими ребятами. При этом они не являлись бессмертными, их можно было ранить и даже убить, но в определенные периоды жизни им действительно требовалась кровь. А ещё они, как большинство живых существ, спокойно переносили солнце. Просто из-за высокой светочувствительности глаз гораздо лучше видели в темноте, чем при ярком свете, да и в целом ночной образ жизни наложил на их физиологию определенный отпечаток.

Я скептически оглядела нашего постоянного клиента.

– А что на это сказал отец?

– Буду я ему докладываться! – фыркнул Сережка и осторожно пристроил ногу на специальную подставку. – Перебьется!

Я укоризненно покачала головой, а затем вынула из истории рентгеновский снимок, подошла к окну и, отдернув штору, глянула повнимательнее.

– Оскольчатый... Серж, это уже серьезно. И ты посмотри, как за этот месяц снизился уровень кальция в крови. Одной регенерацией тут больше не обойтись. Придется ставить штифт и не один.

– Ну и что? – беспечно отозвался вампир.

– А потом снова резать ногу и убирать железки, когда срастется кость. Это ещё неделя на постельном режиме и исключительно кровяная диета.

– Да мне не страшно. Делайте что надо. Боли я не боюсь.

Я обернулась.

– А если бы это был позвоночник? Что-то мне подсказывает: в один прекрасный день ты свернешь себе шею на этом мотоцикле. И мы при всем желании не сумеем собрать тебя обратно.

Усмешка Сереги стала злой.

– Да и плевать. Кому я нужен?

Я улыбнулась и, отложив в сторону снимок, взъерошила короткие светлые волосы мальчишки. Вот же дуралей. Даже в этом решил пойти наперекор отцу. Конечно, статус клыкастых уже лет сто как не определялся одной лишь длиной шевелюры, но постричься «под машинку» для наследника знатного рода и сейчас считалось неприличным. Не говоря уж о неподобающем для вампира хобби.

– Серж, сколько пакетов крови Игорь Васильевич скормил тебе на этот раз, чтобы ты пришел в себя?

– Четыре, – отвел глаза паренек.

– Человеческой?

– Да.

– Плохо, – покачала головой я. – Если перестало хватать синтетической крови, значит, организм уже на пределе. Еще пара-тройка таких травм, и ты загремишь в реанимацию не на пятнадцать минут, как сегодня, а на две недели.

– Да кому какая разница, сдохну я или нет? – зло повторил клыкастик и мотнул головой, сбрасывая мою руку. Но я лишь погладила его снова.

– Мне есть разница. Я не хочу однажды сдавать твои останки на хранение Сан Санычу. И отец к тебе тоже неравнодушен. Думаешь, кто нам поставляет столько «синтетики» в холодильник? Да ещё той самой группы, что нужна именно тебе?

Вампир непримиримо сжал зубы.

– Он считает, что я позорю семью! Он сказал, что мое увлечение неприемлемо! И я веду недостойный образ жизни! А что я, в балеруны должен был пойти, как некоторые?! Да меня от этих их лосин тошнит! Даже больше, чем от пуантов!

– То есть, вчера вы с ним в очередной раз поругались, и ты решил что-то ему доказать, – заключила я. - Еще, небось, и сел на новый мотоцикл?

Сергея скривился.

– На старый. Только оказалось, что отец категорически запретил его чинить, а я не посмотрел, что тормоза не до конца отлажены.

– Очень неумно с твоей стороны. Я, конечно, так себе психолог, но на твоём месте нашла бы другой способ убедить отца в нелепости его предрассудков. У тебя когда ближайшие соревнования начнутся?

– Через месяц. В середине января. А что? – настороженно спросил вампир.

– Серьезные соревнования?

– Кубок России. Мой первый.

– Замечательно. Подари родителям два билета в центральную ложу.

– Да ну! Так отец туда и пойдет! – отмахнулся Сережка и взялся за колеса, намереваясь отъехать от окна. – Он, как увидит, тут же в мусор их вышвырнет и велит больше не показывать.

– А ты поймай его на «слабо», – посоветовала я. - Пospорь, побейся об заклад... пообещай, что, если он придет, ты навсегда завяжешь с мотофристайлом.

Вампир вздрогнул.

– Да ни за что на свете!

– Пообещай, - настойчиво повторила я. - Только потом будь добр выиграть эти чертовы соревнования. Придумай такой трюк, чтобы стадион тебе аплодировал стоя и скандировал на все лады твое родовое имя. Сумеешь – тебе не придется отказываться от любимого занятия. Не сумеешь... значит, сам дурак.

Сергея поднял на меня светло-голубые глаза, которые, как и светлые волосы, могли принадлежать лишь чистокровному вампиру, и недоверчиво переспросил:

– Думаете, сработает?

Я усмехнулась.

– После нескольких тысячелетий пребывания в подземельях, вампиры всего за сто лет сумели пересмотреть свои взгляды на мир. Сделали гигантский скачок в развитии, переселились в города, заполучили монополию на лекарственном рынке и всерьез подтолкнули в развитии человеческую и заодно магическую науку... ты считаешь, после этого имеет смысл держаться за традиции? Твой отец не дурак. Он понимает, что вы, как вид, должны развиваться дальше. Так почему бы не напомнить ему, что спорт – это не только азарт, но ещё и бизнес? Который, к тому же, не до конца успели поднять под себя оборотни?

Я выжидательно посмотрела на Сергея, и тот всерьез задумался.

Давнее соперничество между клыкастиками и мохнатиками недаром вошло в легенды. Просто раньше они конкурировали, так сказать, за кормовую базу. Затем, по мере внедрения в человеческое общество, мотивы нелюдей изменились. Обратни быстро заполнили государственные, преимущественно силовые, структуры. Вампиры же создали крупнейшую в стране сеть частных банков, а заодно ударились в науку, особенно в фармацевтику. Именно их усилиями была создана и внедрена в медицину синтетическая кровь. Благодаря им в России было начато изучение стволовых клеток. Именно они разрабатывали новейшие вакцины и средства от рака... само собой, в скором времени весь фармацевтический и целый ряд смежных рынков оказался под их полным контролем. Обратни тем временем, подсутившись, урвали важные сырьевые базы, и хрупкое равновесие между расами сохранилось, но конкуренция что ни год, то росла. Во всех отраслях. На любых уровнях. А за такую немаловажную отрасль как спорт вампирам имело смысл побороться.

Видимо, подумав об этом, Сергей посветлел лицом.

– Пожалуй, я найду способ, как заставить его прийти. Спасибо, Ольга Николаевна!

– Да не за что. А сейчас иди готовься, – строго велела я. – Надо тебя прооперировать до вечера, пока кость не начала толком срастаться. Только крови больше не пей. Отпаивать тебя завтра будем, чтобы быстрее зажило. И после этого я, надеюсь, мы с тобой долго не увидимся.

Дежурство на этот раз выдалось бешеным: народ поступал чуть ли не каждые полчаса, бригада хирургов и анестезиологов буквально с ног сбилась, переходя из одной операционной в другую. И это несмотря на то, что я взяла часть пациентов на себя, а ближе к обеду шеф вызвал из дома вторую бригаду. Ну а ближе к ночи, когда в приемное доставили девчонку-оборотницу после жуткой аварии, все врачи оказались заняты, и Юрию Ивановичу самому пришлось встать к операционному столу.

Чаще всего нам традиционно привозили травмы: переломы всех частей тела, которые только существовали у нелюдей, сломанные носы и челюсти, выбитые зубы... к сожалению, драки в кабаках и просто на улицах случались регулярно. Обратни – существа вспыльчивые, подчас взрывоопасные, особенно если выпьют, поэтому случались и ушибы, и укусы, и рваные раны от когтей. Бесплатным приложением к ним шли дорожные происшествия, несчастные случаи, бытовые травмы. А довершали дело мелкие обращения вроде «шел-поскользнулся-упал». Все же зима, перепады температур, гололед на дорогах, а наши дорожные службы и по сей день работали кое-как.

– И все-таки ты ведьма, – сообщил коллега-травматолог уже ближе к вечеру, когда мы наконец-то доползли до ординаторской, чтобы выпить кофе и съесть парочку бутербродов. Ну, в смысле это у Игорька была пара бутербродов, а у меня – целая тарелка всяких вкусностей, включая свежие пончики, пирожки с яблоками и огромный кусок торта. – Как можно столько есть и не толстеть?!

– Магия забирает много калорий, – фыркнула я, с удовольствием уплетая сладости. – А нервы – и того больше. Кто их мне потом восстановит?

– Шефа попроси, – гоготнул коллега, которого я знала ещё со студенческой скамьи и который всего три года назад пришел в нашу клинику. Невысокий, шуплый, но весьма ловко управляющийся с хирургическими инструментами ведьмак занял должность хирурга, когда я пошла на повышение. Ну а поскольку коллектив у нас маленький, и все друг друга знали как облупленных, то вот так, наедине, формальности вроде «выканья» и обращения по имени-отчеству были не нужны. – Он у нас мастер на все руки. Что можно – выдернет, что нельзя – отрежет.

Я снова фыркнула.

– У шефа фиг чего допросишься. Вон, опять прибавку к зарплате зажал. А я же девушка... мне туфельки новые купить надо? Надо. А шубку? А сапожки из новой коллекции? А новые брюлики, наконец? Второй год хожу в одних и тех же комплектах! Для уважающей себя ведьмы это неприлично!

Игорек не сдержался и гнусно заржал.

– Мужика себе богатого заведи, вот гардеробчик и обновится! А ещё лучше было бы слегка занизить притязания и начать выбирать шмотки из того, что подешевле.

Я мрачно посмотрела на него поверх коробки с тортом.

– Подешевле ты жене своей присматривать будешь... если она вообще у тебя появится. А я уважающая себя ведьма. И размениваться на мелочи не собираюсь.

Этот тощий глист в хирургическом костюме только отмахнулся, а я пренебрежительно отвернулась.

Дурак. Рыжий, веснушчатый и не в меру языкастый дурак с никому не нужным красным дипломом. Что он вообще в жизни понимает? Хорошая ведьма должна быть умна, предусмотрительна, уверена в себе и сногшибательна во всех своих проявлениях. Рыжие волосы и зеленые глаза в наше время – дурной тон. А вот миниатюрные жгучие брюнетки всегда были в тренде. Само собой, если ведьма умна, она и с рыжей шевелюрой найдет способ эффектно себя подать. И вообще, в любом облике будет выглядеть ослепительно. Но я не любила менять подаренную природой внешность, поэтому магией пользовалась совсем чуть-чуть, свои длинные черные локоны старалась беречь. А ещё частенько носила мини, любила эксперименты и давно для себя решила: если уж покупать бренды, то мировые, если выбирать украшения, то не дешёвее тех, что с пятизначной цифрой на ценнике.

– Доктор Белова, вас срочно ждут в третьей операционной! – прервал наш увлекательный диалог механический голос из громкоговорителя.

Я удивленно приподняла брови.

– Кажется, шеф не справляется? – буквально сорвал с моего языка животрепещущий вопрос коллеги.

Я набросила на плечи халат и, прямо на ходу дожевывая пончик, помчалась к выходу: если Юрий Иванович просит помощи, обычно это означает, что пациент очень скоро окажется в гостях у Сан Саныча. Потому что там, где не справился наш великолепный шеф, менее опытным докторам делать было нечего. Но, поскольку слово «срочно» в нашем учреждении имело силу приказа, то в предоперационную я буквально влетела. Проворно выпрыгнув из туфель, влезла в обычные мягкие тапочки. Прямо на ходу нырнула в висящий в воздухе и терпеливо ожидающий меня чистый халат. Только после этого зашла в следующую комнату, окунула руки в дезинфицирующий раствор, затем подняла их, дожидаясь, пока магический фен их высушит. Затем левитацией подняла в воздух сложенную на столе упаковку со стерильным одноразовым халатом, так же дистанционно его распаковала. Когда он смиренно раскрылся, нырнула в рукава, подставила руки под взлетевшие в воздух перчатки из другой упаковки. И, пока завязки на халате сами завязывались на спине бантиками, надела выпорхнувшую из стерильного бокса маску.

– Юрьиваныч, звали? – запыхавшись, спросила я, забежав непосредственно в операционную

Шеф, не отрывая взгляда от распростертого на столе тела, кивнул.

– Помоги. Не успеваю. Слишком много травм.

Я молча встала с другой стороны от пациента и обменялась взглядом с анестезиологом.

Себе в пару шеф, как всегда, выбрал Леху – симпатичного циклопа лет тридцати с небольшим, который частенько у нас поддежуривал. На Руси таких раньше звали Лихом одноглазым, но Лешка был абсолютно безбидным, даром что умел одним взглядом увести в кому. С его талантами кома всегда была управляемой и хорошо контролируемой, так что в наркозных аппаратах мы почти не нуждались. Одно плохо – когда «наркоз» затягивался, Лешка начинал терять силы. И, судя по его сосредоточенному лицу, нынешний пациент требовал от него предельного внимания.

Вернее, это была пациентка. Совсем ещё молоденькая, очень худенькая лисичка, по которой словно проехался тяжелый бульдозер. Обратни вообще-то крепкие ребята, сломать им даже одну кость – довольно трудоемкая задача. Однако девчонку просто смяло в лепешку, ее лицо превратилось в кровавое месиво, на руки и ноги вообще было страшно смотреть. Не зря шеф уже больше часа колдовал над ее искалеченным телом, по кускам собирая его в единое целое.

Я с уважением покосилась на порхающие в воздухе инструменты.

У меня, если я в силе, обычно получалось зачаровать всего пару скальпелей, с пяток зажимов, штук десять марлевых тампонов и всего один пинцет. А Юрий Иванович одновременно успевал не просто держать в воздухе, но и ловко управлять сразу тремя с половиной десятками всевозможных приборов. Одни делали аккуратные разрезы, другие собирали раздробленные косточки, третьи зашивали, четвертые меняли тампоны... причем не только над лицом пациентки, но буквально над каждым сантиметром ее тела! Это была колоссальная работа, глядя на которую, я могла лишь молча завидовать. Но на то шеф и некромант с почти полувековым стажем, а я – всего лишь его лучшая ученица, которой до такого мастерства ещё расти и расти.

– Придержи, – сухо бросил Юрий Иванович, мельком покосившись на края обширной раны на груди лисички. – Раздвинь. Отверни. Убери. Раскрой...

Я молча повиновалась, не порываясь вмешиваться в процесс. По опыту знала, каких усилий требует контроль над операцией, поэтому делала лишь то, на что шеф не считал нужным отвлекаться. Таких сложных пациентов к нам уже давно не поступало, да и плохо это было – хоронить молодежь. Поэтому, заполучив на стол ребенка, каждый из нас был готов наизнанку вывернуться, лишь бы не спускаться потом к Санычу на разбор полетов.

Над девчонкой мы в общей сложности колдовали часа три с половиной. Я безумно устала, здорово потратилась в плане магии. На Леху и вовсе было больно смотреть. Но шеф справился – к концу операции лисичка дышала почти ровно, кровь больше не теряла, большую часть костей мы ей выправили, а те, что все-таки разлетелись на осколки, по мере возможностей собрали и заключили в магические лубки.

– Все, – устало произнес шеф, закончив с самым сложным. – Оль, зашьешь ее сама?

Я, хоть и едва стояла на ногах, кивнула и привычно перехватила управление над оставшимися инструментами. А когда некромант, пошатываясь, вышел из операционной, со смешанным чувством посмотрела на чудом выжившую девчонку.

– Везучая ты, лисичка. Сам бог велел сегодня шефу задержаться на работе, иначе мы бы тебя точно не вытянули.

Она, разумеется, не услышала и даже не почувствовала, как санитары перекадывают ее на каталку и увозят в реанимацию. Лежа после этого тихонько сполз по стеночке, он был полумертвым от усталости, рубаху на нем можно было выжимать, но в глазах горело мрачное удовлетворение: мы справились. И я его отлично понимала.

Отмывшись и переодевшись, я поплелась обратно в ординаторскую, а затем по палатам – посмотреть на других наших подопечных, но, хвала небесам, остаток смены прошел спокойно. Никто не умер, никому не сделалось хуже, все, кого мы сегодня приняли, уже начали выздоравливать. В операционную меня выдернули всего один раз, где-то часа в четыре утра. И то, ненадолго. Ну а с мелочами дежурные врачи прекрасно справились сами. Даже Альберта успели прооперировать, а потом Игорь закончил с Серегой, так что в ближайшие день-два и боящийся клизм оборотень, и склонный к суициду вампир должны были снова встать на ноги.

За это время я успела несколько раз провести в реанимации девочку со звучной фамилией «Лисовская». Звали ее, как следовало догадаться, Алиса, а по отчеству она была Александровна. Очень типично, кстати, для мохнатиков – брать в миру говорящие фамилии, поэтому всевозможных Волковых, Медведевых, Кабановых и прочих «звериных» личностей у нас водилось в достатке.

Алисе, если верить данным из медицинской базы, недавно исполнилось восемнадцать. Она, кстати, оказалась милой девочкой. Всего через час после операции пришла в себя. Почти сразу попыталась заговорить и подняться с постели. Еще через полчаса перестала плакать, узнав, в какую развалину превратилась. И заметно повеселела, когда я заверила, что через пару недель она снова станет прежней. Правда, о том, что случилось на дороге, лисичка ничего толком сказать не смогла, поскольку разговаривать шеф ей строго-настрога запретил. Сломанную челюсть и раздробленные скуловые кости нельзя было тревожить ещё дня три. Да и потом, насколько я поняла из едва заметных движений век и оставшихся целыми пальцев, Алиса мало чем могла помочь следователям: она не видела машины и того, кто сбил ее на улице.

Убедившись, что с девочкой все будет в порядке, я попросила ее не грустить и, закончив дела в отделении, вскоре после обеда собралась домой. Спать. И отдыхать в грядущие выходные. Но когда я вышла из ординаторской, то обнаружила, что перед дверьми в палату реанимации топчутся два здоровенных мордovorота в одинаковых пальто, которых тщетно пытается вытолкнуть за дверь молоденькая медсестричка. А рядом с ними находился ещё один... нет, не мордovorот, а весьма даже представительный мужчина. Рослый, ничуть не уступающий в ширине плеч телохранителям, но холёный, роскошно одетый и источающий аромат власти оборотень. Судя по ауре, лис. При виде которого я вдруг вспомнила, что где-то уже слышала фамилию «Лисовские», и с беспокойством поняла: появление девочки Алисы могло обернуться для клиники крупными неприятностями.

ГЛАВА 2

– Кто вы? Что вам нужно? – строго спросила я, приблизившись к посетителям. Медсестричка при виде меня с облегчением выдохнула и бесследно испарилась: бодаться с наглыми клиентами не входило в ее обязанности. Это была исключительно моя прерогатива. Ну и шефа, конечно, но его я раньше времени тревожить не буду.

Мордovorоты (тоже лисы, естественно) при виде меня одновременно усмехнулись, а их хозяин не без раздражения глянул на меня сверху вниз.

– Моя фамилия Лисовский, - коротко рыкнул он. - В ваше отделение недавно поступила моя дочь. Я должен ее увидеть.

Я прищурилась.

– Я могу взглянуть на ваши документы?

Мужчина скривился, но все-таки выудил из внутреннего кармана пиджака визитку.

«Лисовский Александр Александрович», – гласила вытисненная на дорогой бумаге надпись. – «Генеральный директор группы компаний «Global IT Corporation».

Чуть ниже шел рабочий телефон, сотовый, факс.

Вот блин. Не зря мне его морда показалась знакомой: этого нелюдя частенько показывали по телеку! Он стоял во главе одной из крупнейших российской компаний по разработке и продаже программного обеспечения, а также других сопутствующих товаров. Типа компьютеров, комплектующих, бытовой техники, производственного оборудования и фиг знает чего еще. Огромная торговая группа. Многомиллиардные обороты. У них, говорят, даже оборонка заказы делала. Так что сейчас передо мной стоял очень-очень высокий чело... то есть, нелюдь, с очень большими связями и просто огромным влиянием в незнамо каких кругах.

– Теперь я могу войти? – все ещё раздраженно поинтересовался лис, чуть наклонившись. Меня тут же окутало облако незнакомого, но на редкость приятного парфюма. Карие глаза оборотня чуть прищурились, сквозь темную радужку на мгновение проступила звериная желтизна. Ноздри гостя чуть дрогнули, из его глотки вырвалось бархатистое рычание. И...

И это было уже слишком.

– Нет! – отрезала я, с вызовом уставившись на склонившегося надо мной мужчину.

Он недовольно нахмурился.

– Это ещё почему?

– Потому что в больницах существует такая вещь как санитарно-эпидемиологический режим. Здесь не приемная губернатора, а хирургическое отделение, если вы не вы курсе. Поэтому будьте любезны выйти в коридор и подождать лечащего врача там. Я сообщу ему о вашем визите.

Оборотень пару секунд помолчал, изучая меня, как прилипшую к его ботинку жвачку. Непонимание в его глазах отчетливо боролось с раздражением. А когда раздражение все же победило, он негромко рыкнул:

– Как зовут этого врача?

– Вашу дочь оперировал Юрий Иванович Черный, – сухо сообщила я. – Это наш главный врач. Третий этаж. Триста шестой кабинет. Пока он не даст своего разрешения, в реанимацию я вас не пущу.

Один из бодиков все-таки не сдержался: стоило мне открыть дверь в оперблок, как амбал метнулся следом, но был немедленно отброшен защитным заклинанием.

– Шеф, она зачарована, – хмуро сообщил он, так и не сумев проникнуть внутрь.

Я недобро сузила глаза.

– Разумеется. А если вы, господа, попробуете туда войти и притащите на своих ботинках кучу бактерий, то господин Лисовский получит судебный иск. Скорее всего, не один. И с высокой степенью вероятности потеряет дочь, которой совершенно не нужен сейчас бактериальный сепсис.

Гендиректор «Global IT Corporation» ожег телохранителя ледяным взглядом, и мордорот счел за лучшее испариться. Второй тоже долго ждать не стал и, едва шеф отвернулся, тоже слинял. Сам же господин Лисовский какое-то время холодно изучал мою физиономию. А когда мне это надоело, и я собралась захлопнуть перед его носом дверь, коротко бросил:

– Подготовьте документы на перевод. Я забираю Алису из вашей клиники и перевожу ее в другое лечебное учреждение.

– Тогда вам потребуется реанимобиль и медицинское сопровождение, – так же сухо сообщила я.

– Они будут здесь через полчаса. Будьте любезны меня не задерживать, доктор... не знаю вашего имени. Но хотел бы его услышать. Хотя бы для того, чтобы сообщить вашему руководству о нарушении закона о посещении пациентов.

Ах ты козел! Еще о правах своих давай вспомни!

– Белова Ольга Николаевна, – оскалилась я, мысленно желая проклятому лису куда-нибудь провалиться. – Врач-хирург высшей категории, заместитель главного врача и руководитель отделения. Можете обращаться. Только, перед тем как ссылаться на какой-то закон, будьте добры сперва его изучить. И, прежде чем ломиться в помещение со строгим лечебно-охранительным режимом, снимите пальто и наденьте бахилы!

У оборотня закаменело лицо, а желтизна в глазах стала ещё более явной, что свидетельствовало о стремительном приближении трансформации. Как я уже говорила, оборотням была свойственна вспыльчивость и, чего греха таить, некоторая несдержанность. Но конкретно этот лис не занял бы столь высокий пост, если бы не умел себя контролировать. Он не сорвался. Не перекинулся. Даже ругаться не начал. Напротив, одарив меня ледяным взглядом, он бесшумно отступил к выходу из отделения, а затем раздвинул тонкие губы и, показав кончики ослепительно белых клыков, бросил:

– Я тебя услышал, ведьма. Реанимобиль уже в пути, так что поторопись с документами.

Убедившись, что этот гад вышел, прямо на ходу доставая из кармана мобильник, я едва сдержалась, чтобы не грохнуть со злости дверью. Нет, это надо... умудриться всего парой фраз так меня оскорбить! Я ему что, слуга? Рабыня? Явился сюда, понимаешь, без приглашения, наследил, нахамил дежурной сестре, да ещё распоряжается, как у себя дома!

«Еще посмотрим, кто кого», – хмуро подумала я, когда лис принялся мерить шагами коридор, с кем-то разговаривая по телефону. Выглядел он при этом недовольным. В какой-то момент его лицо стало жестким, хищным, словно его что-то не устроило. А затем он снял с себя дорогое пальто, бросил на стоящий у стены стул и совсем не по-доброму оскалился.

Я аккуратно закрыла дверь и, недолго думая, отправилась в палату реанимации.

– Алиса-а... Алисочка, солнышко, ты меня слышишь? – позвала, оказавшись возле постели лисички.

Девочка слегка приоткрыла заплывший глаз и посмотрела на меня с неммым вопросом.

– Там твой отец пришел, – с виноватой улыбкой сообщила я. – Хочет тебя забрать. Ты как... горазда отправиться к другому доктору?

У девчонки неожиданно глаз распахнулся полностью, несмотря на отек, а монитор, на котором отражались давление и пульс, встревоженно пискнул. Сто двадцать. Мгновенно. Лисичка дернулась, из ее разбитого рта вырвался сдавленный хрип, загипсованные почти до самых кончиков пальцы на правой руке задрожали и скрючились, словно девчонка вдруг испугалась.

– Не-е-ет... – прошептала она, умоляюще уставившись на меня единственным уцелевшим глазом, из которого вытекла горькая слезинка. – Пожалуйста... не... пускай...те...

Та-а-к.

Мой счет к лису мгновенно вырос на несколько пунктов.

Не знаю, что за отношения в этой семье и почему Алиса так боится отца, но вот теперь я ему девочку точно не отдам, пока мне не принесут постановление из суда.

– Все хорошо, солнышко. Никуда ты от нас не уедешь, – пообещала я, погладив израненную щеку. Вторая была от подбородка до лба покрыта прозрачным фиксирующим составом, не дающим особо шевелить челюстью. Такой же состав был и на груди, на левой руке и на обеих ногах лисички. Но дня через два, если все сложится удачно, его можно будет постепенно снимать. А ещё через неделю девочка сможет высказать свои претензии вслух. И объяснить, почему она так не хочет видеть отца.

Через пятнадцать минут я снова вышла из оперблока и, застав господина Лисовского сидящим на стульчике для посетителей... кстати, гость уже был без верхней одежды и в бахилах, как положено... всучила ему стопку бумаг.

– Что это? - с подозрением осведомился оборотень.

– Бумаги, которые вы должны подписать, чтобы иметь возможность забрать отсюда дочь.

Лис молча сгреб документы и углубился в изучение. Но заметив, что я не ухожу, пренебрежительно осведомился:

– Что-то еще?

– Нет, – холодно улыбнулась я. – Просто жду. На случай, если у вас возникнут вопросы.

Господин Лисовский недоверчиво вскинул голову, правильно распенил выражение моего лица и, справедливо заподозрив подвох, принялся быстро просматривать бумаги. Делал он это привычно, с видом человека, чье время стоит очень дорого. Буквально пробегался взглядом по строчкам договора, мгновенно вычленил самое важное и, так же быстро проанализировав информацию, принимал решения.

Правда, дойдя до списка повреждений, он явственно напрягся.

– Все настолько плохо?

– Да. Иначе я бы не настаивала на соблюдении формальностей.

– Насколько велика вероятность того, что во время перевозки Алисе станет хуже?

– Процент девяносто, – не стала скрывать я. – На данный момент она нетранспортабельна вообще. Костные мозоли даже не начали образовываться, поэтому всёго одна встряска, и осколки придется соединять заново.

У лиса на лице проступило жесткое выражение.

– Я все равно заберу ее в другую клинику. Там ее ждут лучшие специалисты.

А мы, значит, так себе больничка?!

– Это ваше право, – бесстрастно отозвалась я. – Вы закончили?

Оборотень досмотрел документы до конца, поставил в конце подпись, поднялся. Но прежде, чем он протянул бумаги, за окном пару раз мякнула сирена «скорой».

– Машина прибыла, – ровно сообщил господин Лисовский, подчеркнуто глядя куда-то мимо.

Быстро!

Я невозмутимо кивнула. Спокойно забрала у него договор, а затем всучила ксерокопию еще одной бумаги.

Лис подозрительно прищурился, но задавать глупых вопросов не стал – просто прочитал. Там и читать-то было всего несколько торопливо отпечатанных в ворде строчек. Но, пробежав их глазами... и особенно увидев внизу корявую подпись... мужчина замер. Перечитал бумагу повторно. Затем вскинул на меня неверящий взгляд и коротко выдохнул:

– Что?!

– Ваша дочь только что в письменной, не дающей повода для двойной трактовки форме отказалась и от свидания с вами, и от перевода в другую клинику. Ее полностью устраивает качество медицинского обслуживания в нашем лечебном учреждении. И поскольку даже по людским меркам Алиса считается совершеннолетней, то у меня нет оснований не прислушиваться к ее желаниям. Как и у вас, кстати. У вас ещё остались ко мне вопросы?

Взглядом Лисовского можно было убивать.

– Прекрасно, – невозмутимо кивнула я и развернулась, чтобы пройти мимо. – Когда Алиса изъявит желание с вами поговорить, мы вам позвоним.

Обойдя бешено раздувающего ноздри оборотня, я направилась к лестнице – на третьем этаже у меня был свой кабинет. Но на полпути меня догнал тихий, откровенно ненавидящий голос:

– Я не хочу, чтобы моя дочь в чем-либо нуждалась. Что вам нужно? Деньги, лекарства, свежее мясо?

Я ненадолго обернулась.

– Деньгами нас обеспечивают спонсоры. Лекарств в клинике хватает, как и хороших специалистов. Что же касается мяса... у вашей дочери врожденная непереносимость сырого белка, господин Лисовский. Разве вам, как отцу, не положено об этом знать?

На холеном лице лиса проступило растерянное выражение, и это еще раз убедило меня в правильности принятого решения.

Отец, который не знает, чем именно болеет его ребенок, вряд ли достоин того, чтобы нарушать ради него негласные правила клиники. Алиса своей рукой подписала отказ от перевода. Она знала, что именно там написано: я дала ей возможность прочитать. Она плакала, но категорически отказалась увидеться с отцом. Она боялась этого человека! И я, как врач, сделаю все, чтобы эта девочка как можно дольше с ним не встречалась.

Когда я выбралась на улицу, там шел снег. Пушистый, мягкий, за прошедшие сутки он успел наместить такие сугробы, что, если бы не шваркающий лопатой дворник, к машине мне пришлось бы брести по колено в снегу.

Когда за мной закрылась дверь клиники, из стоящего у крыльца большущего серебристого джипа приоткрылось окно, и оттуда выглянул еще один мордоворот. Окинув меня равнодушным взглядом, он снова поднял тонированное стекло и отвернулся.

Очередной хам. Хоть бы комплимент сделал даме. Неужто я его не заслужила? Короткая белая шубка, отороченный искусственным мехом капюшон, тонкие колготки и высокие каблуки... зимой это была моя привычная одежда. Даже по сильным морозам грех было носить толстые юбки или ещё хуже – штаны. Настоящая ведьма до такого безобразия никогда не опустится. А чтобы поменьше скользить, у меня в запасе имелась пара полезных заклинаний, благодаря которым я могла спокойно дефилировать в любую погоду и при этом не чувствовать себя как корова на льду.

Хм. А «перевозка»-то уехала. И кажется, я догадываюсь, кому мог принадлежать стоящий неподалеку «гелендваген» последней модели. Но нафиг-нафиг такие гости. Вероятно, Лисовский пошел-таки наверх, к шефу, для частного разговора. Неужели надеется, что Юрий Иванович оспорит мое решение и по каким-то причинам пропустит гостя в реанимацию?

У нас в клинике железное правило: если главврач что-то сказал, то остальные молча выполняли. Но если в его отсутствие что-то сделала или сказала я, то шеф мое решение никогда не оспаривал. И не отменял. Тем более на людях. Так что Лисовскому ничего не светило, а шефу, если он все-таки засомневается и позвонит, я объясню ситуацию. И думаю, мои аргументы покажутся ему убедительными.

Добравшись наконец до стоянки, я отыскала взглядом небольшой сугробик, внутри которого за сутки почти непрерывного снегопада скрылась моя машина, нажала кнопку на брелоке и услышала из-под снега ласковое «пилик». Машинка у меня была поскромнее, чем у лиса, но серебристому «гелику» я бы и сейчас предпочла свой старенький черный «фольксваген» с милым и почти домашним прозвищем «жук».

Когда я легонько хлопнула ладошкой по дверце, моя машинка встрепенулась и, отряхнувшись как собака, тихонько заурчала мотором. Из-под снега, как из-под белого покрывала, промелькнула жутковато оскалившаяся хэллоуинская тыква на капоте, а на боковых дверцах проступило изображение самой обычной метлы. Их, правда, никто из простых людей не видел – для этого требовалось обладать хоть капелькой магии или интуитивно чувствовать ее проявления, как оборотни или вампиры. Но да. Вы правы. Машинка у меня была необычной. Я все-таки ведьма. Причем ведьма современная, не гнушающаяся использовать достижения цивилизации, и не считающая зазорным слегка облагородить... в некотором роде даже оживить продукт германского автопрома.

Забравшись на сидение, я стряхнула снег с сапожек, залезла в салон уже полностью и только после этого захлопнула дверцу. Все. А теперь домой. И до самого понедельника, надеюсь, я больше не услышу ни об оборотнях, ни о вампирах, ни о господине Лисовском, который так неблагоразумно решил меня разозлить. Мы, ведьмы, создания мстительные, злопамятные. Так что меня ничуть не расстроила мысль, что лис сегодня раскошелится на реанимобиль и целую

команду врачей. Кто они и откуда он их выкопал, меня волновало мало. Тем более было фиолетово, сколько денег ему пришлось выложить, чтобы сорвать с места полностью укомплектованный экипаж, да ещё в столь сжатые сроки.

Алису он заберет из клиники только через мой труп. А если вдруг выяснится, что причина ее страха кроется в какой-нибудь гадости вроде домашнего насилия... честное слово, господин Лисовский, вы огребете с моей помощью целое море проблем. И ни ваша должность, ни ваши деньги меня не испугают.

Тихонько урча, мой «жучок» проворно выкатился на дорогу и устремился по заснеженной улице к дому. В салоне было тепло, сухо, едва слышно играла музыка в стареньком, но еще исправно работающем радио. Снаружи по-прежнему кружился и оседал на крышах домов снег. Украшенный в преддверие новогодних праздников город выглядел умиротворяюще. Тут и там горели разноцветные огоньки в гирляндах, и это было так красиво, так уютно и по-домашнему мило, что постепенно мысли о работе выветрились из моей головы.

Признаться, я всегда любила столицу в это время года. Большой, светливый, переполненный людьми, как муравейник, город... именно зимой он приобретал какую-то исключительную, совершенно особую красоту. Густой снежный покров надежно скрывал всю грязь, которая так надоедала нам осенью. Серые крыши домов становились похожими на увенчанные белыми шапками горы. Сами дома тоже преобразались. Оставшиеся без листьев деревья обрастали инеем, делая улицы необычными, сказочными. Народу на них становилось гораздо меньше, чем обычно – в морозы пешеходы предпочитали пользоваться метро или общественным транспортом. И даже поток машин, опасаясь гололеда, двигался в это время года по дорогам гораздо аккуратнее, чем всегда.

Поскольку наша клиника располагалась далеко от центра, то добираться до дому надо было часа полтора. Чтобы не скучать за рулем, я включила заклинание-автопилот и, отбросив козырек над рулем, придиричиво изучила свое отражение.

Ярко-красная помада, тонкие брови, аккуратные стрелки в уголках тщательно подведенных глаз... макияж, как и всегда, выглядел безупречно. Может, чересчур ярким для середины дня, но жгучим брюнеткам маленькие слабости не возбраняются. Крохотная родинка в левом уголке рта эффектно подчеркивала вызывающий цвет помады, а к темным, почти черным глазам прекрасно подходили светлые тени.

– Би-и-п! – вдруг яростно просигналил какой-то хам на синем «форде», которого мой «жучок» не пропустил с левой полосы.

– Правила учи, кретин, - фыркнула я, проверив работу автопилота. – У тебя помеха справа.

– Бип!

– О, да ты умеешь бибикать? Наконец-то выучил, где находится клаксон?

– БИ-И-ИП!

– Да чтоб у тебя шины квадратными стали, козел, - с чувством пожелала я, когда злополучный «форд» с яростно жестикулирующим хозяином промчался мимо, едва меня не подрезав.

Буквально через мгновение его машина вдруг подпрыгнула, опасно вильнула на дороге и, захрохотав, словно ржавое ведро, с визгом и грохотом вылетела на тротуар. На пути ей, разумеется, попался фонарный столб, который я заметила чуть раньше. А перед ним ещё и ограждения, скрытые за громадным сугробом. В него-то автохам благополучно и врезался, подняв в воздух целое облако снежной пыли.

– Ведьма-а-а... – понеслось мне вслед разъяренное.

Я удовлетворенно кивнула.

Ты прав, человек: я ведьма. Но, если бы ты мог видеть скалящуюся на моем капоте тыкву со зловеще горящими глазницами, то вряд ли посмел бы орать об этом во весь голос. Нет, мне совершенно не стыдно за свое поведение. Да, я считаю, что хамов нужно учить. Всегда. Везде, в том числе и на дороге. Машину, конечно, жаль, не ее вина, что хозяин дурак, но может в следующий раз этот торопыга хотя бы не убьется сам и не угробит своего пассажира.

Заметив издали красный сигнал светофора на приближающемся перекрестке, я сосредоточилась, и вместо цифры «двадцать» на алом фоне возникла надпись «двадцать пять» уже на зеленом. Само собой, не только на этой дороге – на встрече случилось все равным счетом наоборот. И сигналы для пешеходов тоже изменились соответственно ситуации, поэтому ни аварий, ни заторов на перекрестке не произошло. А мой «жук» вместе с попутным потоком благополучно проскочил неудобное место, где после обеда частенько случались пробки, и свернул на второстепенную дорогу.

Согласна: устраивать крохотный сбой в работе сразу нескольких светофоров довольно накладно в магическом плане. Но я сегодня устала. Разговор с лисом вымотал меня больше, чем можно было предположить, поэтому я прямо-таки мечтала поскорее вернуться домой, забраться в горячую ванну и, утопая в пене, растворить в ней... смыть с себя этот нелегкий день. Чтобы наутро снова встать молодой и счастливой.

– Добро пожаловать домой, дорогая и горячо любимая Оленька, - пробормотала я примерно через час, поднявшись на последний этаж пятиэтажного дома и отперев ключом дверь.

Квартира досталась мне от прабабки – потомственной ведьмы в стонадцатом поколении. Бабуля при жизни сумела неплохо устроиться, а после ее смерти большая часть имущества, включая жилье в центре столицы, перешло ко мне.

Денег на его содержание, конечно, уходило немало, но продавать квартиру я не стала бы ни при каких условиях. Атмосфера старинного, ещё дореволюционной постройки особняка, со временем переделанного под нужды многоквартирного дома, едва уловимый запах древесины, раритетная мебель, доставшая мне почти в идеальном состоянии... все это было овеяно тёплыми воспоминаниями детства. Но я вообще любила красивые вещи. Слегка потертые, покрытые благородной патиной и хранящие неповторимый запах прожитых бок о бок с ними поколений, который не был способен перебить ни один современный дезодорант.

Жаль, что ни в одной из четырех больших комнат меня никто не ждал – держать домашних животных при моем графике было бы жестоко. Я могла целый день пропадать на работе. Иногда по двое-трое суток вообще сюда не возвращаться. Поэтому меня никто не обнял и не поцеловал на пороге, а просторная, по нынешним меркам дорогая и обставленная по моему вкусу квартира выглядела пустой и унылой. С другой стороны, никто и не предъявлял мне претензий: мол, где была? Почему так поздно? Я просто пришла, разделась, набрала ванну и, включив музыкальный центр, с блаженным вздохом забралась в горячую воду.

– Хозяйка, ты одна? – вдруг проскрипел из вентиляционной шахты надтреснутый старческий голос.

Ах да, позвольте представить: Кузьма, мой домовый.

– Угу, – кивнула я, заметив сверкнувшие за решеткой глаза, и отсалютовала прячущемуся в вентиляции Кузьке бокалом с шампанским.

– Это хорошо, - облегченно вздохнул домовой, и глаза тут же погасли. - А то от твоих ухажеров бывает много проблем.

Да, жил у меня тут в позапрошлом году один колдунишка. Средненький по силе, средненький по уму. Зато красавчик. Щедрый. Да и в постели он был неплох. Но однажды ему пришла в голову нездоровая мысль, что мой Кузька поутру обязан приносить ему кофе в постель... вместе с тапочками. Что мне незачем ходить на какую-то там работу. Что я должна и просто обязана с утра до ночи его ублажать, отложив в сторону свои собственные желания и потребности... надо ли говорить, что в тот же день незадачливый колдун птичкой выпорхнул из окна? Хорошо еще, что он сумел слевитировать и не забыл набросить заклинание для отвода глаз. Не то этого голозадого красавца непременно кто-нибудь снял бы на мобильный, и пришлось бы ему оправдываться потом в комиссии по нарушению правил использования магии.

Больше я этого идиота не видела, а сейчас, лежа в ванной, мысленно недоумевала : и что я вообще в нем нашла? Ну хорош собой, ну умеет удивить даму в постели... но разве это повод впускать его в дом?

Впрочем, как говаривала прабабушка, вечер – не время для сожалений. Так что я от души глотнула шампанского и, откинувшись на мягкий подголовник, всецело отдалась на волю мягкой, тихо льющейся из колонок музыки.

ГЛАВА 3

Проснувшись поутру полной сил и новых устремлений, я первым же делом щелкнула пультом и под нудное бормотание зомбо-ящика упорхнула в ванную.

— На ближнем востоке вновь произошел теракт... – унылым голосом сообщила ведущая новостей.

Щелк. Я отправила ящику мысленный сигнал, и канал тут же переключился.

– В этом сезоне на юго-западе Китая вновь замечено несколько крупных стай красноклового скворца, - самозабвенно вещал по другой программе какой-то мужик. - Для этого вида птиц такое поведение типично, однако от их нашествия пострадало несколько десятков машин в центре китайского города...

Щелк.

– В ближайшие дни в столице ожидаются обильные снегопады и дальнейшее понижение температуры, – наконец сообщил что-то дельное очередной диктор. - Будьте бдительны и осторожны. А теперь к финансовым новостям. Вчера, на фоне громкого скандала в крупной американской фирме «IT Pharmaceuticles», замешанной в финансовых махинациях с государственными активами, произошел существенный рост акций российской группы компаний «Global IT Cogrogation». Ее генеральный директор, Александр Лисовский, прокомментировал ситуацию так...

Я раздраженно отмахнулась, и вместо знакомого бархатистого голоса из телека вырвались истеричные вопли какого-то рок-вокалиста.

– Дыщ! Дыщ! Дыщ, бум, бамс... а-а-а... мазафака!

Тьфу ты. Не туда переключила.

Щелк.

– И сегодня у нас в гостях присутствует представитель генерального спонсора грядущего Кубка России по мотофристайлу, один из руководителей компании «Global IT Corporation» – Александр Александрович Лисовский...

Да что ж такое?! Ни о ком другом репортажей, что ли, не успели снять?!

Щелк.

– «Все гениальное просто» – утверждает человек, который собственным примером готов доказать, что при наличии желания и упорства любой из нас способен добраться до вершины карьерной лестницы. Здравствуйте. Меня зовут Владимир Андреев, и я ведущий программы «Карьерист», где сегодня присутствует один из вдохновителей нашей передачи, обладатель премии «за лучшие достижения в бизнесе» этого года, Александр Лисовский...

Я поражено замерла, позабыв даже о зажатой в зубах щетке, а из телека тем временем полился до отвращения знакомый голос, со знанием дела рассуждающий о проблемах современного офисного работника.

Я прямо слушала и поражалась про себя. Нет, это что-то невероятное! Когда этот тип успел влезть сразу на три центральных канала?! И при этом умудрялся вещать так, словно не получил бизнес готовеньким от отца, а и впрямь поднимался с самого низа, пока наконец не занял кресло руководителя!

Раздраженно выключив зомбо-ящик, я наскоро позавтракала и как была, в ночнушке и босиком, уселась за комп.

Ну? Какие у нас сегодня по Яндексю новости?

– За ночь в столице России произошло восемь ДТП. Погибших нет, четверо пострадали...

Знаю. Все они сейчас лежат у нас в отделении, выздоравливают.

– Ночью в центре столицы сгорело три автомобиля...

Ну и что? Главное, мой «жучок» не тронули. А до остальных мне дела нету.

– Вчера генеральный директор группы компаний «Global IT Corporation» Александр Лисовский провел деловую встречу с губернатором области...

– Да вы издеваетесь! – я в шоке уставилась на очередную новость. – Когда этот гад все успевает?! Он что, ночью с губернатором встречался?!

Честное слово, я вовсе не собиралась тыкать курсором на эту ссылку. И вообще, подробности жизни некоего лиса меня абсолютно не интересовали. Но чертова «мышка» внезапно заглянула, и вместо статьи на тему открытия зимней выставки в Ботаническом саду меня перебросило на совершенно другую страницу. Так что всего через миг на меня с экрана воззрилась тщательно выбритая, загорелая и отвратительно бодрая физиономия Александра Александровича Лисовского.

Здесь он хотя бы улыбался – скупое, сдержанное, но все же. И глаза у него были совсем не злыми. Идеально прямой, почти что квадратный, как в комиксах про супергероев, подбородок, аккуратно очерченные губы, жесткие складки в уголках глаз... Журналистка, которая писала статью, видимо, впечатлилась представительным оборотом, поэтому снимок вышел ярким,

крупным, так что можно было рассмотреть на лице каждую черточку. И настолько удачным, что даже я не могла не признать, что мерзавец был на редкость хорош собой.

Интересно, какой цвет шерсти у его зверя?

Рыжий? Белый? Черно-бурый?

На снимке, да и в реальности тоже, у Лисовского были густые, с нарочитой небрежностью уложенные темно-каштановые волосы. Но в наш век продвинутых технологий, такой же продвинутой магии и самой обычной косметики, оттенок волос на голове можно было сделать любым. Бороды и усов оборотень не носил. Рубашка на фотографии была застегнута «под горло». Так что реальный оттенок его шерсти можно было узнать, лишь увидев растительность на груди. Или же в любом другом месте, которое было неудобно красить. Но скорее всего меня не поймут, если я вдруг полезу рассматривать у высокопоставленного нелюдя волосы в ушах или же прилюдно попрошу его показать подмышки.

Блин. О чем я вообще думаю?! Утром! В субботу! Сидя недетой у экрана монитора?!

– Так, пора идти на шоппинг, – пробормотала я, поспешно выключая комп. -Шоппинг – лучшее лекарство от проблем, так что срочно в магазин. И желательно до следующего утра никаких Лисовских больше не видеть.

Сказано – сделано.

Через час я уже подруливала к стоянке перед самым большим столичным торговым центром. А ещё через три, уже расслабленная и полностью умиротворенная, тащила на себе целый ворох пакетов со всевозможными шмотками, на которые ушла почти вся ноябрьская зарплата.

Деньги я всегда тратила легко и с удовольствием, и, наверное, именно поэтому в моем кошельке они надолго не задерживались. Но накопленная на банковском счете заначка позволяла не переживать о сегодняшних тратах, которые, к тому же, помогли мне восстановить душевное равновесие. Единственное, до чего у меня не дошли руки, это ювелирка, но на ближайший месяц лимит удовольствий я уже исчерпала: в кошельке осталось ровно семьсот пятьдесят рублей. А с банковского счета я, установив для себя однажды некие правила, больше десяти тысяч не снимала. Более того, в оставшиеся две недели до следующего аванса я не планировала серьезных трат, так что шопинг, можно сказать, прошел успешно.

Забросив шмотки в машину, я блаженно вздохнула и вернулась обратно. Не за покупками, а просто поглазеть. Чисто ради получения эстетического удовольствия. Золото и камни я, как всякая ведьма, любила, причем очень искренней, чистой любовью. И не зря. На золотые украшения лучше всего ложились заклинания. Их можно было использовать в качестве артефактов так, чтобы не привлекать внимание. Ну и сам факт того, что я могла позволить себе красивые побрякушки, делал процесс выбора не только волнующим, но и приятным.

Поднявшись на второй этаж, я долго переходила из магазина в магазин, жадно рассматривая выставленные на витринах драгоценности. Кольца, цепочки, серьги, браслеты, кулоны... от блеска камней уже рябило в глазах, а я все ходила, смотрела, мысленно примеряла и получала несказанное наслаждение от процесса, как, наверное, любая нормальная женщина. Естественно, меня интересовал не ширпотреб, а лишь исключительно дорогие, дизайнерские вещи, на которые пока не хватало сбережений. Но в душе все-таки жила надежда, что однажды я раскулачу шефа на повышение оклада, и через полгода-год все же куплю что-нибудь этакое. Что-нибудь... ну-у-у... например...

Неожиданно мой взгляд натолкнулся на потрясающей красоты комплект из кольца, сережек и колье, усыпанных рубинами и бриллиантами, и я замерла, в восторге уставившись на витрину. Потрясающе... ух, и какую же кто-то умудрился создать красоту! Век бы стояла и смотрела.

— Нравится? - негромко хмыкнул у меня за спиной подозрительно знакомый мужской голос, и я, все ещё будучи не в силах оторваться, завороченно кивнула.

Еще бы не нравилось!

— Саш, это кто? - добавил к мужскому ещё один. Более тонкий, капризный, женский. Одновременно с этим ноздрей коснулся подозрительно знакомый аромат, и тут в моем затуманенном блеском камней мозгу что-то щелкнуло. Я резко повернулась и с выражением крайнего изумления воззрилась на человека, чей образ упрямо преследовал меня все утро.

Александр Александрович Лисовский.

Собственной персоной. Прямо тут, в двух шагах. Только не в строгом деловом костюме, а почему-то в джинсах, в коротком пуловере и с небрежно брошенной на предплечье спортивной курткой.

Новый образ ему определенно шел. Из крупного бизнесмена оборотень в мгновение ока превратился в элегантного хищника на отдыхе. Расслабленного, сытого, но все ещё смертельно опасного.

Я поискала глазами по сторонам, но телохранителей поблизости видно не было. Зато вместо них рядом с генеральным директором одной из крупнейших российских компаний стояла миловидная, нетерпеливо теребящая его за рукав, не обремененная интеллектом и совсем ещё молоденькая особа в вызывающе короткой юбочке и обтягивающей водолазке. По виду – немногим старше его восемнадцатилетней дочери. Но при этом имеющей смелость обращаться к нему по имени. Это что? У господина Лисовского нездоровая страсть к молоденьким девочкам? Даже с учетом того, что физиологически оборотни созревали довольно рано, все равно – увидеть здесь эту с позволения сказать «пару» было неприятно.

— Са-а-аш... ну, Саш... – снова капризно протянула оборотница, требовательно и вместе с тем заискивающе уставившись на рослого партнера снизу вверх.

— Юль, иди погуляй, - бросил на нее снисходительный взгляд лис. Сколько ему? Сорок? Вроде в статье указывали год рождения. А этой пигалице в лучшем случае двадцать. Хотя какое мне до этого дело? - Ты там, кажется, что-то себе присмотрела? Сходи, купи. Может, ещё что-то понравится. Бери, не стесняйся. Я оплачу.

Девушка... если аура не врет, тоже лисичка... восторженно взвизгнула, когда в пальцах Лисовского, как по волшебству, нарисовалась безлимитная банковская карта. После чего красотка подпрыгнула, сочно чмокнула его в щеку и, выхватив карту, устремила в тот самый ювелирный, на пороге которого я застопорилась.

— Как дела, Ольга Николаевна? – как ни в чем не бывало поинтересовался оборотень. - Когда снова на работу?

И вот именно после этого у меня кардинально испортилось настроение.

— Всего хорошего, – сухо ответила я и развернулась, намереваясь уйти.

— Как это невежливо, госпожа заместитель главного врача, – издевательски бросил лис мне в спину. – Попрошаться до того, как соизволили поздороваться... по-моему, это моветон.

Я на мгновение обернулась и смерила скалящегося оборотня раздраженным взглядом. Чего-то он больно веселый. Ночь прошла удачно? Или его больше не заботит здоровье дочери?

– Добрый день. И счастливо оставаться, – так же сухо бросила я и, пока оборотень не надумал выкнуть что-то еще, быстро направилась в сторону эскалатора.

Надо бы Алису проведать. Как она там? Не нарушил ли кто из дежурентов моего распорядка? Может, Лисовский такой довольный ещё и потому, что втихаря сумел кинуть кому-то на лапу, и его-таки пропустили в реанимацию? Да нет. У нас с этим строго. Если кого поймают на взятке, Чуи уволит в тот же день. Наша клиника много лет создавала свою репутацию. Даже я на нее работала как проклятая. И чтобы кто-то из сотрудников надумал рискнуть...

«Но проверить все равно надо», – решила я, спускаясь на первый этаж торгового центра. При этом взгляд почти сразу зацепился за две крепкие фигуры возле эскалатора. При виде знакомых мордovorотов я насторожилась. Напряглась, когда телохранители Лисовского заметили меня и явственно сдвинулись, наверняка получив недвусмысленный знак сверху. Но, сойдя с эскалатора, не остановилась – много чести. А когда мой нос едва не уткнулся в грудь одного из бодиков, хмуро осведомилась:

– Какие-то проблемы?

Впрочем, даже если до этого мига проблем у них не было, то, заступив мне дорогу, они их определенно заработали. Не дожидаясь, пока хамы расступятся, я сделала неуловимый пасс рукой. Мои сережки-гвоздики в виде крохотных паучков внезапно ожили. Спрыгнули на плечи, сжимая в жвалах по бриллианту. Вокруг камней тут же образовалось по крохотному грозовому облачку. Внутри каждого отчетливо стрельнула молния. А в довершении всего прятая до поры до времени в волосах заколка-змея без предупреждения ожила и, вскинув голову, раззявила пасть с ядовитыми клыками.

При виде моего личного арсенала бодики дрогнули и не слишком охотно расступились. Я прошла мимо, до последнего ожидая подвоха. Выбралась на улицу, где, как и обещали синоптики, уже ощутимо похолодало. И только когда села в авто, позволила себе выдохнуть.

Вот же лис проклятый... вообще-то я ведьма уравновешенная, рассудительная, не буйная. И крайне редко позволяла себе совершать необдуманные поступки. Но этот оборотень действовал мне на нервы. Вчера я встретила с ним первый раз, а сегодня мне уже хочется его убить. Это, надо признать, серьезный показатель.

Может, я зря отговорила девчонку от поездки в другую больницу?

«Точно надо ее проведать», – повторила про себя я, слегка придя в себя. А затем решительно повернула ключ зажигания.

Когда я поднялась в отделение, за окном уже смеркалось, но на стуле для посетителей все равно кто-то сидел, быстро-быстро перелистывая страницы в смартфоне. Парень. Судя по всему, молодой, лет пятнадцать не старше. Взъерошенный. Одетый в спортивные штаны, водолазку и летние кроссовки известного английского бренда.

Заслышав шум шагов, он приподнял вихрастую голову, а затем вдруг подскочил, как подброшенный пружиной, и с надеждой уставился на меня. Крепкий, хорошо сложенный, русоволосый, кареглазый и весьма симпатичный паренек, чье лицо мне определенно кого-то напоминало.

– Ольга Николаевна? – спросил он, едва я подошла к двери. – Здравствуйте. Можно с вами поговорить?

Я остановилась.

– Слушаю.

– Меня зовут Андрей. Моя сестра лежит у вас в реанимации...

Что?! Еще один Лисовский?!

Я воззрилась на юношу с плохо скрываемым раздражением.

– Мы не пускаем посетителей в палату реанимации. По крайней мере, до тех пор, пока существует угроза жизни для пациентов.

– Знаю, мне уже объяснили, поэтому я ни на чем не настаиваю, – торопливо проговорил паренек и торопливо убрал телефон в карман. – Вы просто скажите ей, что я здесь, ладно? Пусть она знает... пусть не волнуется... Спасибо.

Я поколебалась, но все же кивнула, и мальчишка, облегченно выдохнув, снова сел на стул. Правда, на этот раз Лисовский-младший сидел как на иголках. Он выглядел встревоженным, его взгляд беспокойно перебегал с меня на дверь и обратно. Однако верхней одежды при нем не было – в отличие от отца, он, похоже, знал больничные правила. И сидел тут уже давно: мокрых следов возле входа я не увидела, а значит, за ним или кто-то помыл, или же прошло несколько часов с того момента, как он сюда явился.

Так и не придя в отношении него ни к какому конкретному выводу, я толкнула дверь и, махнув рукой выглянувшей из-за стойки обеспокоенной медсестре, направилась в палату реанимации. Не в общую, где лежали самые тяжелые, а в отдельную, куда мы на время помещали тех, кому уже не требовалось находиться под круглосуточным присмотром, но и переводиться в отделение было рановато.

Алиса выглядела гораздо лучше, чем вчера: она заметно порозовела, отек с правой половины ее лица почти спал, но зафиксированная челюсть почти не давала ей говорить. Так что при виде меня она лишь приветливо улыбнулась краешком губ.

– Привет. Ты как, солнышко?

Девочка шевельнула пальцами правой руки, где не было жесткой фиксации магическими лубками, и сложила их буквой «о». Типа окей, не волнуйтесь.

— Ничего не болит? – осведомилась я, глянув на монитор, а затем потянувшись к лежащей на столе истории болезни.

Так. Все, что нужно, девочка получала в полном объеме, хотя ее пребывание в клинике обходилось довольно дорого. Поскольку питаться сама она не могла, то кормили ее через капельницу. Понемногу, но круглые сутки в нее вливали питательные растворы, в том числе жизненно необходимые ей аминокислоты.

– Там к тебе брат пришел, – обронила я, внимательно отслеживая реакцию лисички.

Та удивленно замерла, моргнула свободным от фиксатора глазом. А потом вдруг так явственно улыбнулась, что у меня отлегло от сердца.

– Хочешь, я его сюда приведу? – неожиданно даже для себя предложила я.

Алиса улыбнулась еще шире и едва-едва слышно выдохнула:

– Да!

Ободряюще ей улыбнувшись, я вернулась в коридор и, поманив пальцем подпрыгнувшего от нетерпения парня, строго на него посмотрела:

– Ты почему без бахил?

– Я в сменке, – к моему удивлению смутился Андрей Лисовский. И стал ещё больше похож на отца. Только на его гораздо более мягкую и намного более приятную версию. – Но если надо, то сбегая вниз!

Я покачала головой и, открыв дверь пошире, кивнула.

– Заходи. Алиса сказала, что хочет тебя увидеть.

– А можно? – неожиданно забеспокоился брат. – Вдруг она... вдруг ей хуже станет?

– Не станет. Я буду следить. А если она утомится, ты немедленно уйдешь.

– Конечно! Сейчас! Я только сумку захвачу!

Я задержалась в коридоре, чтобы набросить на плечи мальчишке рабочий халат, и, проведя его в палату к сестре, осталась у входа. Нередко случалось, что при виде ран и горы бинтов родственники пугались, теряли присутствие духа, кому-то даже становилось плохо, и зачастую свидание оказывалось очень коротким. Но при виде искалеченной сестры Андрей замешкался лишь на мгновение. А затем стянул с плеча увесистый рюкзак, небрежно швырнул его в угол, подошел к постели и, придирчиво оглядев Алису, так же небрежно бросил:

– Ну и видок у тебя, Лиска. Вот скажи: какой трактор умудрился тебя переехать? Или ты с колеса обозрения грохнулась? Переломала по пути всю конструкцию, а потом тебя сверху железками завалило?

В глазах девчонки промелькнули слезы, но она по-прежнему улыбалась.

– Так, – деловито распорядился парень и, поискав глазами куда бы присесть, решительно подвинул к постели стул. – Раз говорить ты не можешь, то придется делать это мне. Ты как? Что-нибудь болит? Нет? А руки чувствуешь? Хочешь, я тебе персика дам? Ну, нет, целый ты не заслужила... зато сок выжму. Хочешь?

Я собралась было возразить, но тут парень коснулся кончиков пальцев лисички и очень бережно их сжал.

– Давай, сестренка, борись. Тебе нельзя долго болеть. Скоро сессия, помнишь?

Девочка тут же сникла.

— Но есть и хорошая новость: я принес тебе учебники! – радостно ухмыльнулся Андрей. – Здорово, да? Сама ты читать, конечно, не сможешь, но я могу почитать для тебя вслух! Согласна?

Я удивленно воззрилась на лисичку, но Алиса и впрямь обрадовалась.

– Она у нас жуткая зубрила, – доверительно сообщил ее брат, ненадолго обернувшись. – Прямо жить без своих книжек не может. Зачет для нее – это праздник. А экзамен вообще... вот ведь сумасшедшая, да? Ольга Николаевна, можно я немного ей почитаю?

– На кого она учится?

– Онкологом хочет стать.

– Ого, - я взглянула на будущую коллегу совсем другими глазами. – Это сложная профессия. Не каждый решится.

– Алиска у нас смелая, – кивнул Андрей. – И, что самое главное, ей нравится. Так что она сама нашла репетитора, сама подготовилась к экзаменам и сама поступила, хотя отец был категорически против.

Я нахмурилась.

– Почему это он был против?

– Быть врачом не престижно, видите ли, - фыркнул молодой лис. – А то, что Алиска с детства медициной бредила, это он из виду совершенно упустил. Но ничего. Лиска сильная. И умная. Намного умнее меня. И запоминает очень быстро... мы со всем справимся, да, сестричка?

Он вдруг хитро ей подмигнул, и девочка снова улыбнулась краешком рта.

– А отцу потом скажем, что он сам дурак. Я знаю, у тебя все получится. И если Ольга Николаевна не против...

– Нет, конечно, – твердо сказала я, подходя ближе и заглядывая в лицо девочке. – Ты поправишься, солнышко. Обещаю. И экзамены свои сдашь на «отлично». Какой у тебя курс?

– Второй, она на год раньше закончила школу, – ответил за сестру Андрей. А потом кивнул на тянущиеся к руке сестры трубки. – Что вы ей капаете?

– Витамины, минералы, аминокислоты...

– У нее аллергия на сырой белок! – немедленно встрепенулся молодой лис.

– Мы знаем, - против воли улыбнулась я и только после этого окончательно успокоилась на его счет. – Ее данные есть в общей базе, так что всю необходимую информацию о здоровье Алисы мы уже получили. Выздоровливать она будет недели две. Кризис уже миновал, но шевелиться ей будет нельзя еще три дня.

Парень тут же расслабился и, потянувшись к рюкзаку, с наигранным энтузиазмом спросил:

– Ну что, Лиска, с чего начнем? Анатомия, микробиология или нормальная физиология? У тебя впереди две недели строгого постельного режима. И горе тебе, несчастная, если за это время ты не вызубришь все до от корки до корки!

По щеке девочки скатилась крохотная слезинка, но она все еще улыбалась. Той искренней, теплой и полной благодарности улыбкой, которую можно подарить лишь очень близкому человеку.

Оставив детей одних, я, раз уж пришла, пробежалась по палатам и проверила, как поживают остальные наши пациенты. Как руководителю отделения мне положено было знать, как ведут своих подопечных наши лечащие врачи. Поэтому иногда на выходных я действительно сюда

забегала. И, кстати, хорошо, что сегодня тоже пришла, потому что в одной из палат обнаружила, что наш повторно прооперированный волчонок снова втихомолку пожирает принесенное кем-то сырое мясо!

Ох и получил он у меня по ушам! Отчитала несдержанного волка так, что тот стал малиновым, как свекла.

– Еще раз узнаю, что нарушаешь режим, и у тебя в лечении появятся клизмы по три раза в день! – предупредила я его.

– Масляные? – непроизвольно вздрогнул бестолковый оборотень.

– Сифонные! С битым стеклом!

Покрасневший до кончиков ушей волк испуганно втянул голову в плечи.

– А может, не надо, Ольга Николаевна?

– Надо, милый. Надо, - зловеще пообещала я, взглядом прожигая в дурном мальце огромную дыру. - Простых слов, по-видимому, ты не понимаешь!

– Только отцу не говорите, ладно? - обреченно пробормотал оборотень и окончательно сник.

Балбес. Тупица. Вот как эту гору мышц с интеллектом новорожденной устрицы еще назвать?! Сказано было : НЕ ЕСТЬ после операции! Сутки! Но нет, даже после того, как его повторно зашили, все равно рот на замке удержать не может!

– В следующий раз в клинику тебя не возьмем, – уже спокойно сообщила я, поняв, что ничего до этой орясины не доходит. Он даже сейчас, говоря со мной, жадно поглядывал в сторону шмата мяса на тарелке. – Лечись где угодно и у кого угодно. Но ко мне за помощью не обращайся.

– Я больше не буду! – неожиданно всполошился Альберт. - Честное-пречестное! Зверем клянусь!

Он вдруг подскочил, сорвал со стола тарелку с недоеденным ужином и протянул мне.

– Вот. Возьмите.

– Нет уж, - так же неожиданно передумала я. - Пусть лежит здесь. У тебя перед носом. Если к завтрашнему дню он останется нетронутым, так и быть, прощу. А если не утерпишь в третий раз, слово даю: больше к твоим ранам не притронусь.

У завязатого драчуна и задиры на лице проступило выражение искреннего ужаса. Как и Сережка, этот волк был в нашей клинике частым гостем. Раз в месяц-то точно его или привозили после очередной драки, или же он сам приползал, оставляя за собой кровавые следы. То нос ему ломают, то суставы вывихнут, то подстрелят, то когтями порвут... о том, где и от кого этот волк с завидной регулярностью получает криминальные травмы, я никогда не спрашивала. У нас полиция есть, вот и пускай работает. Для меня Альберт был всего лишь пациентом. И как от любого другого пациента, от него требовалось не так уж много – просто выполнять рекомендации.

Раз он этого не делает, значит, ни здоровье, ни мои советы ему не нужны. Клиника и врачи, лекарства и перевязки... плевать он на это хотел. А с таким отношением я его без зазрения совести вытолкну на улицу, как только буду уверенной, что он не умрет. Если мохнатый дурак

не нужен сам себе, то пусть и не просит тогда помощи. Наши услуги и наше время понадобятся другим нелюдям. Тем, кому не наплевать. Тем, кому это действительно нужно.

– Простите, – наконец, тихо уронил волк, опустив бесстыжие глаза.

Я сухо кивнула. И только после этого ушла, оставив истекающее соком мясо на столе и отдав приказ медсестре утром обязательно его проверить.

Когда я заглянула в палату реанимации, было уже довольно поздно. Но, к моему удивлению, Андрей Лисовский по-прежнему сидел возле постели сестры и исправно зачитывал ей учебник по анатомии. Более того, у него на коленях лежал амулет-иллюзор, а над ним одна за другой мелькали довольно качественные изображения картинок из учебника.

– Не мешай им, – попросила я заглянувшую из коридору Яну, которая дежурила эти сутки. – Пусть сидят до вечера, если хотят. А если что-то останется на пищеблоке, покормите парня.

– Хорошо, Ольга Николаевна, я присмотрю, – улыбнулась оборотница-кошка, и только после этого я ушла, аккуратно прикрыв дверь в палату.

ГЛАВА 4

Вернувшись домой, я не удержалась и снова полезла в комп. Только на этот раз информацию о семье Лисовских искала уже намеренно, и поводом для этого послужил недолгий разговор с детьми.

Как выяснилось, я неправильно вспомнила дату рождения Лисовского-старшего – сейчас ему тридцать восемь. Для оборотня – самый расцвет сил и пик сексуальной активности. А вот насчет карьеры, как это ни удивительно, ведущему «Карьериста» лис не соврал: придя в компанию отца в восемнадцать, Александр Александрович и впрямь начинал обычным программистом в самом простом отделе. Как он утверждал – по собственному желанию. За несколько лет прошел серьезную школу, своими собственными усилиями добился повышения. Успел жениться, обзавестись детьми. А годам к тридцати поднаторел так, что отец доверил ему руководящую должность сперва в его собственном отделе, затем перевел в руководители одной из дочерних фирм. И вот теперь, в тридцать восемь, он уже стоял во главе целой группы крупнейшей компании.

В отношении семейных дел информации в сети оказалось немного. Как выяснилось, Лисовский-старший был много лет женат на женщине по имени Алина. Единственная дочь его делового партнера, была, как ни странно, обычным человеком, но, судя по фотографиям, эта женщина обладала безупречным вкусом и прекрасно дополняла более массивного и рослого мужа. Алиса, кстати, пошла именно в нее: такая же рыжеволосая и зеленоглазая, на редкость хрупкая и изящная для обычной оборотницы. А вот Андрей, наоборот, больше походил на отца, и лишь характер ему, похоже, достался от матери.

К сожалению, четыре года назад Алина Лисовская умерла. От «тяжелой и продолжительной болезни», как скупно написали в СМИ. При виде этой фразы я искренне посочувствовала детям, потому что для нас, для врачей, «долгая и продолжительная» традиционно означала только одно заболевание. И в этой связи я прекрасно понимала неистовую страсть Алисы к медицине и ее фанатичное желание стать онкологом.

О новых пассиях Лисовского-старшего СМИ почему-то молчали. Так что, если какие-то женщины и были в жизни богатого вдовца, журналисты об этом не распространялись. Думаю,

не без причины. Более того, до меня вдруг дошло, что за те два дня, что Алиса находилась в нашей клинике... напомним: дочь известного бизнесмена, одного из богатейших людей страны, пострадавшая в страшной аварии... но ни один писака до сих пор не то что об этом не проноухал, но даже ни строчки в газетах не черкнул!

– Нда-а. Удивили вы меня, господин Лисовский, – пробормотала я, когда сделала новый запрос и воочию убедилась, что это действительно правда. – Даже про сгоревший автомобиль написали все кому не лень, а об Алисе – молчок. Заткнуть все до единого СМИ да ещё в такие короткие сроки – это надо было суметь.

Подумав об Алисе и невольно вспомнив о ее брате, я машинально улыбнулась. А следующим утром, бесцельно бродя по пустой квартире и продолжая упорно думать о необычном семействе, внезапно решила, что делать в воскресенье дома абсолютно нечего. Таращиться в телек было скучно, листать ленты в соцсетях лениво, валяться на диване противно. Так что я позавтракала, оделась, выскочила на мороз и, по-быстрому отчистив своего верного «жука» от нападавшего за ночь снега, снова направилась в клинику.

Уже подъезжая к воротам, я с сожалением подумала, что здесь, на окраине столицы, в одном из не самых престижных районах, нашему учреждению было не место. Уровень и качество медицинской помощи, которую мы оказывали, позволял претендовать на звание одного из лучших хирургических отделений города. Но верность традициям, необходимость скрывать свое существование от простых людей делало затруднительным переезд на более престижное место. А вечная нехватка средств, о которой я умолчала в разговоре с Лисовским и которая порой доводила до иступления нашего шефа, являлась тем камнем преткновения, который не позволял нам не только переехать, но и мешал расширить спектр оказываемых услуг.

Собственно, проходя мимо забора клиники, простой человек не увидел бы ничего, кроме заснеженного пустыря на территории бывшего детского садика, вход на который был перегорожен обычной металлической цепочкой и табличкой с надписью: «Готовится под жилищное строительство». Сколько таких пустырей было разбросано в столице, не сосчитать, поэтому сам факт их существования не вызывал ни у кого удивления. Другое дело, что, мельком глянув на табличку, любой прохожий мгновенно забывал о том, что ее видел. И, конечно же, у него и мысли не возникло бы туда зайти и проверить, а нет ли там чего спереть.

Собственно, сюда даже бомжи не заглядывали – заклинание отвлечения внимания надежно предохраняло нас от непрошенных гостей. Ну а то, что по этой дороге носились «скорые»... так о них никто из жителей не помнил. И сирен не слышал – они звучали в том диапазоне, которое человеческое ухо было не в силах уловить. Помимо прочего, клинику оберегало огромное количество разнонаправленных заклинаний и специальная техника, не позволявшая посторонним просто так проникнуть в здание, так что я не лгала студентам, когда говорила, что о нас мало кто знает.

Кому надо – знают. В том числе и особые бригады «скорой». А для остального города нас попросту не существовало. И в этом, как считал шеф, заключалась наша главная проблема.

Когда я зашла в реанимацию, Андрей Лисовский был там и довольно громко, с выражением, зачитывал сестре очередную главу из учебника анатомии. От дежурной медсестры я уже знала, что парнишка вчера ушел отсюда в девять и ровно в восемь утра уже стоял у входа в отделение. Но стоял тихо, скромно, не привлекая внимания. И терпеливо ждал, когда закончившая с утренними уколами медсестра заметит его и пропустит к Алисе.

Проверив мониторы и состояние повязок, с удовольствием поболтала с детьми, отметила, что отек на левой стороне лица Алисы тоже почти спал, и под слегка опухшим веком уже показался симпатичный зеленый глазик, которого еще вчера не было видно из-за обширной гематомы. Говорить девочка тоже пыталась, но я посоветовала ей не спешить, и большую часть времени мы общались жестами, а Андрей, если требовалось, переводил.

Вообще, как я заметила, эти двое были очень близки. Молодой лис понимал сестру с полуслова, порой даже с одного взгляда, был готов часами сидеть рядом, разговаривая и отвлекая от тяжких мыслей. Он без промедления присоединился, когда я попросила его помочь сестре повернуться на бок. И без единого возражения испарился, когда пришло время для гигиенических процедур.

– Так мы полжизни с ней прожили в одной комнате, - со смешком пояснил Андрей, когда мы вышли в коридор, и я набралась наглости его об этом спросить. - Мама считала, что это воспитывает в детях ответственность. Само собой, она надеялась больше на Лиску, но чаще всего именно мне приходилось за ней присматривать и отмазывать у родителей! Да и сейчас еще бывает. Она ведь у меня такая ранимая!

Я только головой покачала, поражаясь про себя тому, как у Лисовского-старшего могли вырасти такие замечательные дети. После чего распрощалась с обоими, наскоро прошлась по отделению, убедилась, что все в порядке и, переодевшись в обычную одежду, со спокойной душой отправилась домой.

Огромный сверкающий на солнце «гелендваген» возле крыльца стал для меня полнейшей неожиданностью. А выбравшийся оттуда господин Лисовский и того хуже: при виде него хорошее настроение мгновенно испарилось, будто его и не было. А лис, словно не заметив моей помрачневшей физиономии, скупно усмехнулся.

– Надо же... похоже вы, Ольга Николаевна, трудоголик. Даже в воскресенье ходите на работу.

– Вас это не касается, – ровно отозвалась я, аккуратно спускаясь по обледеневшей лестнице.

Лис едва заметно нахмурился.

– Думаю, что касается. В вашем отделении лечится моя дочь.

– Как замечательно, что вы об этом вспомнили, – не преминула съязвить я, остановившись перед загоротившем мне дорогу оборотнем и раздраженно глянув на него снизу-вверх.

Эх, как же иногда плохо быть маленькой! Даже высокие шпильки не позволяли смотреть на этого амбала прямо!

– Что вы хотите этим сказать? – ещё больше нахмурился Лисовский-старший и, когда я собралась пройти мимо, бесцеремонно ухватил меня за локоть.

Я сердито выдернула рукав шубы из его железных пальцев.

– Помнится, вчера состояние Алисы вас не особенно заботило. Так что я сильно удивлена, снова встретив вас здесь.

– Ведьма... – едва слышно сцедил сквозь зубы лис, и его глаза снова пожелтели. - Ты переходишь всякие границы!

– Убери лапы! – прошипела в ответ я, когда он снова схватил меня за рукав. – Тут повсюду камеры видеонаблюдения. Так что в случае чего у меня будут железные доказательства для суда.

Оборотень коротко выдохнул.

– Ты что, думаешь, я не найду на тебя управы?!

– А ты считаешь, что весь мир принадлежит тебе?! – разозлилась я. А затем снова дернулась, едва не оставив в его лапище рукав. – Убери лапы, кому сказала! Алиса лечится здесь, потому что сама этого захотела! И ни ты, ни кто-либо другой не способен забрать ее отсюда без ее желания!

– Молись, что бы она поправилась, ведьма, – тихо, угрожающе рыкнул оборотень и, наконец, отступил в сторону.

Я одарила его презрительным взглядом.

– Для Алисы я и так сделаю все, что смогу, лис. Она этого заслуживает. А вот тебе, к счастью, я ничего не должна. Так что будь добр, не провоцируй.

У оборотня раздраженно дернулась верхняя губа, продемонстрировав миру прекрасно сохранившийся звериный клык. Но меня это уже не волновало: отвернувшись, я обогнула неудобно поставленную машину, прошла на стоянку, забралась в свой «жук». Но, трогаясь с места, со злости слишком сильно вдавила педаль газа в пол и напрочь позабыла, что по выходным никто не обрабатывает заледеневшие дороги солью. Само собой, при излишне резком развороте меня занесло. И надо же было такому случиться, что на пути потерявшей управление машины оказался серебристый «гелендваген».

Визг тормозов. Хруст снега под шипованной резиной. Мой испуганный вопль. Удивленные глаза мордворота за рулем дорогого джипа.

Всего один миг, и мой «жук» на полном ходу врезался в представительную тачку генерального директора группы компаний «Global IT Corporation». Причем врезался плохо, смяв ему передний бампер, изуродовав крыло и разбив переднюю фару. Но самое ужасное, что, когда я пришла в себя и выбралась из покореженной машины, совсем рядом прозвучал до отвращения спокойный, полный скрытой насмешки голос:

– Ничего мне не должна? Очень интересное заявление. Обсудим твои слова, ведьма, или сразу вызовем полицию?

Домой я вернулась поздно и в таком бешенстве, что выглянувший из вентиляции Кузьма при виде левитирующих на кухне ножей счел за лучшее на глаза не показываться.

Да, я была зла. На собственную оплошность, на нелепое стечение обстоятельств, на отчего-то не сработавшее заклинание на покрышках и особенно на то, что на время мой «жук» вышел из стоя и теперь будет скучать на стоянке перед домом, пока я не накоплю денег на ремонт. Виновнику ДТП страховые выплаты не положено, поэтому чинить машинку мне придется за свои кровные. Но особенно я была зла на проклятого оборотня, которого эта авария ничуть не огорчила. И который прямо там, у больницы, осмелился предложить обсудить сложившуюся ситуацию! Да не абы где, а за ужином! Сегодня! В девять! В одном из самых дорогих столичных ресторанов, где я со своей зарплатой могла скромно поужинать в лучшем случае раз в год, а у этого хвостатого был заказан постоянный столик!

Поскольку с дорожной полицией у меня были давние счеты, то лишний раз с ним встречаться не хотелось. С другой стороны, лис ведь не просто так предложил поход в ресторан? Где-то в его предложении крылся подвох... жаль, что, находясь в расстроенных чувствах, я подумала об этом только дома.

– Да чтоб у него все колеса на трассе поотваливались! – шипела я, раздраженно роясь среди развешанных в шкафу платьев. – Чтоб ему век неприбыльные сделки заключать! Сволочь! Хам! Будущий банкрот!

Самое отвратительное, что полицию этот гад решил не вызывать . Да и зачем, посмеялся он, ведь вы, Ольга Николаевна, сами сказали, что тут есть камеры видеонаблюдения, так что при необходимости никто не помешает нам поднять запись и обратиться в дорожную инспекцию чуть позже...

Проклятье! Ну, кто меня за язык тянул, а?!

Хотя у него же есть свидетель. Водила. И, возможно, в машине сидел ещё кто-то из телохранителей, которого я с улицы не увидела. Так что даже при отсутствии камер у лиса были все шансы успешно содрать с меня энную сумму за ремонт. И никого не волнует, что у Лисовского, наверное, целый автопарк дорогих машин. Никому нет дела до того, что мне после всего этого еще надо будет за свои кровные делать ремонт «жука». Нет... он сказал, что готов обождать с предъявлением претензий! А для того, чтобы нам не пришлось ждать приезда сотрудника ДПС, пригласил в более уютное, как он выразился, место!

Я сорвала с вешалки маленькое черное платье и приложила к себе перед зеркалом, но поняла, что я буду выглядеть в нем, как леди на свидании, и отшвырнула бесполезную тряпку в сторону: не то!

– Хозяйка, тебе помочь? – робко поинтересовался из угла домовой.

— Нет! – рявкнула я. Но быстро одумалась и уже спокойнее добавила : – Да. Прости, я сегодня злая.

– Что ты хочешь найти? – уже смелее поинтересовался Кузьма, по-прежнему не показываясь на глаза.

– Мне нужно платье для вечера.

– У тебя встреча с мужчиной?

– Да.

– С хорошим мужчиной?

– Нет, – хмуро ответила я, стоя в нижнем белье возле раскрытого шкафа. – Этот поганец меня оскорбил, потом разозлил, а сегодня окончательно выбесил. Поэтому я хочу выглядеть так, чтобы он об этом пожалел.

– Тогда надень красное, – со знанием дела посоветовал Кузьма. – То, что вчера купила. Я видел, как ты его распаковывала.

Я поморщилась.

– Оно для светских приемов. Или для театра. А мне идти в ресторан.

– Зато оно шикарное. Ты будешь смотреться в нем королевой, особенно, если наденешь комплект украшений, который тебе подарил бывший.

Я помолчала.

Да, у того колдунишки был ещё один полезный талант: он чуял природу камней и умел безошибочно определять, кому какой камень подходит. А моими камнями всегда были рубины. И, когда два года назад красивый парень вдруг расщедрился на дорогой, идеально мне подходящий, да ещё и специально зачарованный под меня комплект, я... наверное, растаяла?

Мне почему-то показалось, что из простой симпатии такие подарки мужчина дарить не станет, и поэтому решила рискнуть. Какое-то время упорно закрывала глаза на мелкие недостатки. Со многим смирилась, к чему-то приспособилась, простила, хотя мне это обычно несвойственно. Я даже поверила ему, представляете? И всего через полгода после знакомства рискнула впустить в дом постороннего человека в надежде, что тот отнесется к этому жесту доверия соответственно...

Но он не понял. Не оценил. Он решил, что теперь я всецело принадлежу ему, как самая обычная вещь, и совершил непростительную ошибку – посмел посягнуть на мою свободу. И вот с тех пор он живет один, старается держаться от меня подальше. А я с того времени дважды сменила гардероб, решила отрастить длинные волосы, получила новую должность... и в общем-то горя не знала, пока на моем пути не появился проклятый лис.

В ресторан я поехала на машине. Да, на побитой, но с наложенной на переднюю часть иллюзией, что бы простые люди не оборачивались вслед и не задавали дурацких вопросов.

Припарковалась в сторонке. Так, чтобы швейцар на входе не видел, кто именно из нее вышел. Затем вернулась к дверям пешком, тем самым удивив представительного мужичка намного больше. Назвала фамилию. Была очень любезно встречена, а затем меня со всем почтением проводили вглубь небольшого, но изысканно оформленного зала, где за накрытым столиком меня уже ждал искренне нелюбимый мной оборотень.

Кстати, даже ради вечера с леди господин Лисовский решил не изменять своим привычкам и прибыл на встречу в строгом деловом костюме. Цвет он на этот раз выбрал светло-серый, и я с раздражением отметила, что даже в этой спокойной гамме гадский лис выглядел превосходно.

Меня он, что удивительно, соизволил встретить как полагается: стоя. Наверное, правила ресторана предполагали некоторую приверженность правилам этикета. К тому же, я и впрямь надела рубиновый комплект и то самое вызывающе-красное платье, к которому больше часа пришлось изобретать прическу и соответствующий макияж. С ними помог все тот же Кузьма, обладавший безупречным вкусом и редким умением подбирать цветовую гамму под мое настроение.

Сегодня я была раздражена, чуточку зла, надменна и недоступна, как настоящая королева. Я выглядела сногшибательно даже для самого престижного столичного ресторана. Неудивительно, что в мою сторону прилетело сразу несколько заинтересованных мужских и парочка завистливых женских взглядов: красный цвет обязывал женщину поражать и блистать. И я без преувеличения добилась желаемого эффекта.

Тем не менее поданную оборотнем руку я не приняла: много чести мохнатому, чтобы я позволяла помочь себе присесть. Вместо этого я кивнула проводившему меня швейцару, тот, бросив недоуменный взгляд на лиса, подвинул стул и очень аккуратно помог мне устроиться, чтобы никто и ничто случайно не прищемил складки длинного платья.

— Прекрасно выглядите, Ольга Николаевна, — вернувшись за стол, расщедрился на комплимент Лисовский-старший. Я, разумеется, промолчала, а он, знаком отослав болтающегося неподалеку официанта, собственноручно налил мне вина.

Вино было красным, густым, с насыщенным виноградным духом и обладало настолько тонким ароматом, что у меня невольно дрогнули ноздри. Но я не притронулась к нему. Даже когда мужчина наполнил второй бокал и жестом предложил выпить.

— Ну что? За встречу?

– Отличный выбор, – без улыбки кивнула я, мельком покосившись на этикетку. – Шато Мутон-Ротшильд, урожай сорок пятого... редкая вещь. Благодарю. Но я пришла не для того, чтобы побаловать вкусовые рецепторы. Что вы хотели мне предложить?

Лис, не сводя с меня задумчивого взгляда, сделал маленький глоток и, покатав вино на языке, так же задумчиво уронил:

– Вообще-то я планировал провести вечер с красивой женщиной. Но раз вы настаиваете...

Он достал из кармана пиджака незапечатанный конверт и протянул его мне.

– Ознакомьтесь.

Я неторопливо достала оттуда сложенный вчетверо счет. Конечно же, за машину. Не за визит же в ресторан! А потом увидела сумму внизу перечня работ и помрачнела.

Сто тысяч рублей!

Нет, вы слышали?! Ремонт этой дурацкой тачки обойдется мне в невероятные сто тысяч с лишним рублей! Там что, блин, фара была из золота?! Или под краской на бампере прятался не парковочный датчик, а наборная картинка из природных бриллиантов?! Да там повреждений на два дня работы! Поменять фару, бампер, выправить крыло и заново его покрасить! Да даже если фара была эксклюзивной, лазерной или снята с марсохода... даже если такую краску могли подобрать лишь в вип-салоне мерседес-бенц... сто тысяч рублей! Проклятье! Это почти все мои накопления!

Я усилием воли подавила подступающую панику и подняла на оборотня спокойный взгляд.

– Откуда такая сумма? У вас что, машина не застрахована?

На губах мужчины мелькнула подозрительная улыбка.

– Застрахована, конечно. Но ремонт дополнительного магического оборудования ни одна страховка не покрывает. Его стоимость вы только что видели.

Я мельком пробежалась по списку работ.

Мда... супернавороченная магическая камера, артефактный радародетектор, куча ещё какого-то сложного оборудования, которое фиг знает как уместилось в проклятом бампере. И квитанция солидная: с подписями, печатями... все как положено. Блин. Ну неужели вся эта хрень действительно столько стоит?!

Я сложила бумажку и снова подняла взгляд на Лисовского.

– И что же вы хотели мне предложить?

– Если честно, поначалу я полагал оформить договор, по которому вы, сударыня, оплатите издержки по ремонту моего автомобиля постепенно. Равными долями. В течение... ну, скажем, полугодя. Размеры вашей заработной платы я могу себе представить и полагаю, она не настолько высока, что бы вы возместили мои потери сразу...

Вот, Юрий Иванович! Слышите, что про вас говорят?!

— Но потом я решил, что у этой проблемы может быть другое решение,— неожиданно усмехнулся лис и, снова взяв бокал, весомо качнул его на ладони.—Ольга, как вы смотрите на изменение способа оплаты вашего долга?

Я насторожилась, но виду не подала.

– На каких условиях?

– Ну, скажем... что, если вы выплатите его не деньгами?

– Будьте любезны выразаться точнее, господин Лисовский, – ледяным тоном попросила я, внутренне подобравшись, но все ещё надеясь, что это не то, о чем я подумала.

– Ну что ж. Тогда я озвучу свое желание прямо: я бы хотел купить... вас, Ольга Николаевна, – вдруг растянул губы в улыбке оборотень, заставив меня зло прищуриться. – Понимаю, что деньги небольшие, а вы себя очень дорого цените, поэтому предлагаю вам перейти в мое полное распоряжение всего на один день. Скажем, на следующую пятницу. Или четверг. Когда вам будет удобно?

Я уставилась на лиса долгим немигающим взором.

– Может быть, на новогоднюю ночь?

– О, это было бы чудесно, – поощрительно улыбнулся этот мерзавец, и у меня внутри все заледенело.

Это было даже не оскорбление. Уже давно никто не смел так на меня смотреть и пытаться таким образом унизить. Никто и никогда не рисковал сделать мне подобное предложение. Я ведьма, а не продажная девка. Однако Лисовский, хоть и улыбался, был абсолютно спокоен и полностью уверен в себе. Его глаза не горели ни предвкушением, ни азартом. Они по-прежнему оставались холодными и оценивающими. Этот расчетливый сукин сын просто-напросто надо мной издевался. А ещё ему, похоже, было любопытно, до какой степени бешенства он сможет меня довести и чем все в итоге закончится.

Я молча раскрыла клатч, достала оттуда банковский чек и ручку, в полном молчании вписала в чек нужную сумму и встала из-за стола. Подошла к внимательно изучающему меня снизу-вверх мужчине, свернула чек трубочкой и, бросив его в бокал с вином, спокойно сообщила:

– Предложение неприемлемо.

После чего развернулась и без спешки вышла, до последнего чувствуя пристальный, буквально обжигающий кожу взгляд между лопаток.

Ровно через час на телефон пришла смс-ка: сто тысяч оказались списаны с моего банковского счета, так что в моем активе осталось всего шесть рублей и шестьдесят шесть копеек.

ГЛАВА 5

На этом, как водится, неприятности не закончились. Поутру, закрыв входную дверь, я обнаружила на полу смятую квитанцию и глухо выругалась, поняв, что несколько часов назад какой-то бдительный гибэдэдэшник уволок моего поцарапанного «жука» на штраф-стоянку.

Как за что? За неправильную парковку, конечно!

Вчера, вернувшись домой в расстроенных чувствах, я только плюнула с досады, в который раз убедившись, что в воскресенье нормально припарковать машину в центре города, да ещё поздно вечером, попросту нереально. Даже мне, ведьме с немалым опытом, не удалось зарезервировать для себя парковочное место! Не потому, что их не было, отнюдь! Просто, помимо меня, в старинном, но недавно отреставрированном доме проживало немало нелюдей, и иллюзия занятого стояночного места на них не действовала!

Оборотни в этом плане были особенно толстокожи, поэтому мне не повезло дважды. Сперва наглый сосед-кот занял облюбованное мною парковочное место. А этим утром в надежде схитрить я решила добраться на работу на такси, но вместо обычного человека за рулем оказался пожилой волк. В итоге пришлось отдать последние деньги ему – иллюзия его бы не обманула. И уже на выходе из такси я с грустью осознала, что на целых две недели оказалась без гроша в кармане. Да, совсем, потому все мои сбережения до последней копейки ушли на оплату ремонта чужой машины.

Решительно отогнав воспоминание о вчерашнем вечере, я поднялась на третий этаж, переделалась и, перебирая бумаги на столе, принялась строить планы, как пережить оставшиеся до Нового года две недели.

Почему именно две недели, а не месяц? Просто декабрьскую зарплату нам обычно выплачивали до новогодних праздников, а не после, поэтому все свои кровные я получу вместе с авансом. Осталось только правильно распланировать время, и может статься, что в Новый год я войду без серьезных потерь.

Скажем, расходы на проезд можно свести к нулю, если не возвращаться после работы домой, а ночевать прямо тут, в кабинете, благо у меня возле окна стояла удобная кушетка. Насчет того «что надеть» тоже вопросов нет – рабочая одежда позволяла не ломать голову над ежедневной сменой гардероба. Накинул халат и – порядок, большая часть коллег даже не догадается, что за платье на мне надето.

Помыться, уложить волосы, почистить зубы поутру – не беда. В моем кабинете, как и положено руководителю, имелась уборная и даже душевая, так что с гигиеной трудностей не предвиделось. Одежду и белье я прихватила с собой... немного, конечно, потому что большая сумка вызовет подозрения, а с пространственной магией я не в ладах, но все же лучше, чем ничего. Все необходимое я постираю и почищу магией. Украшения, если будет нужно, сниму. Наложу иллюзию. Скажу разок-другой, что забыла. А сменной обуви я хранила в шкафу достаточно, что бы каждый день хоть чуточку, но менять свой врачебный образ.

Так. Теперь с едой... допустим, я попрошусь на пищеблок, где уже много лет царствовала наш бессменный повар, тетя Галя, которая голодной меня уж точно не оставит. Ежедневный диетический супчик, горячая каша, макароны, компот... с голоду я всяко не помру. А вот со сладостями дела обстояли хуже. Игорек... Игорь Васильевич, то есть... зря насмеялся: сахар и шоколад – две чрезвычайно важные добавки в рационе любого мага, поскольку продукты с высоким содержанием глюкозы спасали нас от магического истощения и позволяли быстрее восстанавливаться.

Для такого темпа магических затрат, какие ожидали меня в грядущий четверг, супчиков и каш будет явно недостаточно. И даже сладкий компот не исправит положение. А значит, за ближайшие четыре дня мне кровь из носу нужно будет найти способ запастись сладостями перед дежурством.

– Ну что, доброе утро, коллеги, – бодро возвестила я, заходя в ординаторскую.

Какие бы ни были у меня проблемы, другим докторам знать о них было необязательно. Поэтому я, как всегда, вошла к уже собравшемуся на пятиминутку персоналу с улыбкой на лице и

намеревалась сделать все, чтобы никто из них не догадался, насколько сложные мне предстояли дни.

Я все же женщина, хоть и ведьма. И гордость у меня тоже есть. Так что справлюсь, выдержу, а проклятый оборотень пускай катится в бездну, потому что я, как и сказала наперед, абсолютно ничего ему не должна.

Приняв отчет у дежурного врача и обсудив с коллегами график операций на предстоящие дни, я сделала с ними общий обход, проверила всех наших пациентов. Скупо похвалила Альберта за нетронутое с субботы мясо. Пообщалась со студентами, которых Вадик Усачев привел поработать в отделение. Всех ободрила, распределила обязанности, разрешила вместе с преподавателем присутствовать на плановой операции... ну, тем, кто захотел, конечно. И приятно удивилась, обнаружив, что поутру Игорь успел снять с Сереги гипс, а радостно ухмыляющийся вампир уже дефилировал по палате на двух костылях.

– Выписывайте меня скорее, - заявил он, как только я поинтересовалась его самочувствием. – У меня дел невпроворот... отец скоро машину пришлет, а гимнастику для мышц я смогу делать и дома.

Я вопросительно приподняла бровь, но вампир лишь заговорщицки подмигнул. Из чего я поняла, что Сережка-таки воспользовался моим советом, и для этого ему даже ходить никуда не понадобилось: он просто взял телефон и позвонил.

– Ладно, оформляйте выписку, Игорь Васильевич, - разрешила я, глянув на свежий рентгеновский снимок. – Кость почти в порядке, смещения нет, костная мозоль развивается правильно. Сереж, но через неделю надо будет прийти на прием и сделать ещё один снимок.

– Да нет проблем!

– Тогда до свидания.

Здоровяка Альберта я тоже разрешила отпустить под честное слово, что он вскоре явится на осмотр. Волк не возражал: больничная диета была ему не по нраву, и, если бы не друзья, которые что ни день снабжали раненого волка свежим мясом, он бы и вовсе сбежал.

Переходя из палаты в палату, я привычно раздавала распоряжения, все ещё чувствуя иногда дискомфорт от того, что мне не приходилось вести больных самой. Заведующий выполняет больше функцию контроля за отделение. Решает текущие проблемы. Занимается самыми сложными пациентами. Советует. Консультирует. Помогает. Но все остальное, включая оформление бумажек, доктора делают без моего участия. И это, конечно, правильно, хотя по-прежнему непривычно.

Когда мы проходили с коллегами мимо клизменной, внутри снова раздался какой-то шум, грохот опрокинутого ведра и увещевающий женский голос.

– Олег Владимирович... Олег Владимирович, немедленно слезьте с подоконника и верните на место швабру!

– Врешь! Не пройдешь! – отчаянно вскрикнул изнутри совсем еще юный мальчишеский голос, а параллельно с ним послышалось эротичное:

– Здравствуйте. Вас приветствует бюро современных маготехнологий...

Я вопросительно уставилась на докторов.

– Плановая операция, сегодня на девять. Олег Медведев. Паховая грыжа.

Ну, все ясно. Очередной мохнатый дуралей, который почему-то решил, что над ним совершают насилие.

Я распахнула дверь клизменной и скептически уставилась на стоящего на подоконнике полуголого, волосатого и очень мускулистого оборотня, воинственно размахивающего шваброй в попытках отогнать от себя порхающую рядом клизму.

– Пошла вон, гадина! Живым не дамся!

– Олег Владимирович, – с укором повторила постовая медсестра Инна, без особого удивления глядя на молодого медведя. – Ну что вы как маленький? Нельзя же быть таким диким!

– Нельзя приличным людям засовывать во всякие интимные места эту штуку! – непримиримо рыкнул паренек, оскалив очень даже приличные зубки. Господи! Совсем ещё сопляк. Ну неужели никто не мог объяснить ему процедуру подготовки к операции?! А что будет, когда он узнает, что его еще и побрить придется?

– Медведев! – рывкнула я с порога, устав день изо дня наблюдать подобную картину. – Слез с подоконника! Живо!

Вот командный тон оборотни понимали прекрасно. Удивленно воззрившись на меня, медведь в последний раз отмахнулся от настойчиво лезущей ему в лицо клизмы (видимо, засбоила от удара и перепутала отверстия), а затем неуверенно рыкнул:

– Вы кто?

– Смерть твоя в белом халате! Живо слез на пол, я сказала! Лег на кушетку! На левый бок! Ну!

Здоровенный пацан, которому вряд ли исполнилось больше тринадцати помялся, зыркнул по сторонам, но все-таки перестал ломать пластиковый подоконник. Недовольно сопя и кряхтя, он взобрался на оказавшуюся для него узкой, жалобно скрипящую кушетку. Неловко повернулся на бок и замер.

– Штаны спусти, – приказала я, ничуть не смутившись. – Ноги в коленях согни. Не двигайся.

Он покраснел, но все же послушался. После чего я повелительно махнула Инне, вышла в коридор и, прежде чем закрыть за ней дверь, еще раз велела:

– Лежи тихо!

Оборотень только обреченно вздохнул. А чуть позже изнутри раздался тихий свист, почти радостное и немного торжественное «чмок», а следом возмущенное «уй!», но дело было сделано.

– И как у вас это получается, Ольга Николаевна? – пробормотала Инна, отойдя от двери и удивленно покачав головой. – С ним уже и Владимир Иванович говорил, и я объясняла, и Яна два раза подходила... а у вас он сразу раз и – как шелковый!

Я пожала плечами и отвернулась.

Ничего особенного. Опыт. Оборотни, кстати, тем и хороши, что нутром чувствуют того, кто сильнее, а впитанная с молоком матери привычка подчиняться вожаку делала все остальное. Не знаю почему, но для мохнатых я всегда была в авторитете. И мне не составляло большого труда управиться даже с самыми упертыми из них.

Ну, кроме одного-единственного случая.

Закончив обход, я вознамерилась заглянуть в реанимацию – проверить, как там наша симпатичная лисичка. Но стоило мне подойти к дверям, как оттуда буквально выскочил трепанный Лисовский-младший, прижав к груди большую картонную коробку.

– Простите, Ольга Николаевна. Извините. Доброе утро. Но я ужасно спешу, – скороговоркой пробормотал он, едва меня не толкнув

– На урок, что ли, опаздываешь? – догадалась я. Конечно, сегодня же понедельник, занятия начались!

– Ага! Я еще вечером заскочу, ладно?

Он промчался мимо, забрасывая за плечо рюкзак, но в последний момент вдруг остановился и хлопнул себя по лбу.

– Совсем забыл! Можно отдать это вам?

Я машинально сжала пальцы на толкнувшейся мне в руки коробке и так же машинально спросила:

– Что там?

– Пончики! – крикнул, уже выбегая, лис. - Кушайте на здоровье! Слишком много вчера купил, а в школу по любому теперь не донести-и-и!

Я растерянно замерла, глядя вслед торопящемуся в школу мальчишке, а затем недоверчиво приподняла крышку, увидела внутри целую гору политых сладкой глазурью пончиков. И вдруг поймала себя на мысли, что, если бы могла, то с чувством расцеловала бы этого потрясающе чуткого, отзывчивого, искреннего и внимательного к деталям паренька, который сам того не зная спас меня от неприятностей, созданных его отцом.

Закончив с текучкой, я поднялась к себе в кабинет и взялась за бумажную работу, которую, кроме меня, к сожалению, некому было сделать.

Заявка от рентгенолога на поставку нового флюорографа – старый уже на ладан дышит и только в этом месяце ломался трижды. Заявка на пленку и растворы для ее проявления. Оказывается, в декабре из-за небывалого наплыва пациентов мы слишком быстро израсходовали рентгеновскую пленку, и, если не дозаказать, через неделю и на все январские праздники клиника останется без рентгена.

Вот аналогичная заявка от лаборатории. Та же ситуация с реактивами. Надо заказывать дополнительную поставку, иначе на Новый год анализы будет делать нечем. Плюс ко всему у них окончательно накрылся клинический анализатор, и кровь два наших штатных лаборанта смотрят по старинке, через микроскоп, по одному подсчитывая форменные элементы.

Непорядок?

Конечно. Зачем им двойная нагрузка? Значит, заявку нужно не просто подписать, а порыться на сайтах производителей в поисках подходящей аппаратуры, оценить ее параметры, нашу потребность в том или ином приборе, что бы не заказать за бешеные деньги анализатор, не способный справиться с нашей нагрузкой или наоборот рассчитанный на клиники не ниже уровня областной больницы.

Ближе к обеду пришла старшая медсестра и принесла заявку на приобретение медикаментов и перевязочного материала на конец этого и весь следующий месяц. Исходя из того, сколько бинтов, марли, йода, антибиотиков и прочих вещей мы уже израсходовали, а зима ещё в самом разгаре, заказывать надо больше, чем обычно. Зимой потребность в наших услугах гораздо выше, чем летом. И это приходилось учитывать.

– Пересчитай заявку на январь с учетом нынешней ситуации, - велела я, глянув на ровные столбики цифр.

Медсестра ушла, но через час принесла заявку снова. И только убедившись, что Жанна дала правильные цифры, я забрала бумагу, подписала и отложила, чтобы потом составить отчет для шефа.

Увы. Клиника у нас была маленькой, так что держать целый штат заместителей, толпу бухгалтеров и экономистов мы себе позволить не могли. Будучи правой рукой шефа, мне приходилось заниматься в том числе и вот такими вещами, хотя окончательно заявки утверждал именно он. В плане финансов он обладал более полной информацией, чем я. Вернее, только он и обладал этой информацией, самолично контролируя все доходы и расходы. А из остального штата у нас имелся лишь один-единственный бухгалтер на полставки и точно такой же «полуставочный» экономист. Всем остальным занимались мы двое. И то, что в последнее время, шеф сбросил на меня львиную долю бумажной работы, которая сжирала целую кучу времени, радости не добавляло.

Неудивительно, что разбираться с заявками и оборудованием я закончила уже в конце рабочего дня, а итоговые ведомости принесла ему еще позже.

– Оль, ты все еще здесь? – мельком взглянул на меня шеф, когда я вошла в его кабинет и положила на стол пачку документов на подпись.

Я пожала плечами.

Что мне ещё делать-то? Домой я сегодня не поеду, не на чем, а работать все равно надо.

– Потом посмотрю, спасибо, – кивнул Юрий Иванович, даже не взглянув на бумаги. - А ты иди... иди домой, Оль.

– Поставщики по клиническому анализатору и флюорографу готовы уже завтра представить нам коммерческое предложение, – осторожно сообщила я. - Заявки надо утвердить сегодня. До шести. Тогда я смогу им перезвонить и сообщить, что мы готовы сотрудничать.

Шеф удивленно мигнул.

– Сегодня?

И я вдруг поняла, что он, хоть и повесил мне на плечи почти всю текучку, отчего-то очень и очень устал.

– Юрьиваныч, что-то случилось?

– Присядь, Оль, – со вздохом сказал наш железный шеф, которого я впервые видела в таком состоянии. – Не хотел тебя в это втягивать, но у нас большие проблемы.

– Проблемы какого плана? – насторожилась я. Отчего-то показалось, что даже за этими неприятностями торчат чьи-то рыжие уши, хотя это и было похоже на паранойю.

Шеф поднял на меня тяжелый взгляд.

– С января следующего года мы потеряем почти всех своих спонсоров, – уронил он, и я вздрогнула, прекрасно зная, что это означает. – Государственная поддержка у нас очень слабая. Она не покрывает и четверти наших потребностей. Поэтому рассчитывать на нее мы не можем, а из старых спонсоров нас согласился поддерживать только фармацевтический концерн Долгоруких. И то, в объеме лишь половины того, что нам нужно.

Я нахмурилась .

– Если я правильно помню, в этом году они согласились дать нам только сорок процентов от того, что вы им предложили.

– Да. В следующем денег от них поступит больше. Но ввиду того, что остальные четыре спонсора уходят, этого все равно мало. Мы на грани разорения, Оль.

– А почему они бросают нас в такой период? Почему сейчас?

– Кризис, – криво улыбнулся шеф. – Мы все в одной лодке. Банки закрываются, фирмы обанкрочиваются, лекарства дорожают... даже крупные компании предпочитают теперь экономить. Так что придется нам искать другие пути сохранить нашу клинику.

Я насторожилась.

– Вы что-то придумали?

– Последние три месяца только тем и занимался, – устало откинулся на спинку кресла шеф. – И пока реальным мне видится лишь один вариант: мы должны выйти из тени.

– Что?! – чуть не отшатнулась я. – Юриваныч, вы хотите открыть отделение для людей?!

– Пока не отделение. Пока только поликлиническое звено. Я посмотрел отзывы – доступность амбулаторной помощи в столице все ещё находится на очень низком уровне. В нашем районе вообще всего одна поликлиника для людей, и та переполнена. Так что, если мы сумеем составить другим медицинским учреждениям достойную конкуренцию, то получим от государства неплохой заказ.

Я принялась лихорадочно обдумывать новые сведения.

– Но это же куча денег... отдельная лицензия... нам придется отказаться от использования свернутого пространства в поликлинике. Это должно быть нормальное здание. С нормальной вывеской, хорошим подъездом и крыльцом для инвалидов. Определенно в два этажа, с лифтом или подъемником. И нам придется открывать новые кабинеты. Завести оборудование, чтобы работать с людьми... это очень серьезные вложения!

Шеф неожиданно улыбнулся.

– Рад, что ты это понимаешь. Да, работа с обычным населением для нас внове, но с другой стороны: почему бы нет? В других отраслях нелюдям удается совмещать такую деятельность. Почему этого не можем мы?

– Откуда взять столько денег? Если спонсоры от нас уходят...

– Я получил предварительное согласие на участие в государственной программе грантов «Высокотехнологичная поликлиника», – признался Юрий Иванович.

Так вот чем он занимался все последние месяцы!

– А вы уверены, что это будет оправдано? – все же позволила себе усомниться я. – Судя по всему, вы рассчитываете получать доход от фонда обязательного страхования. Но они платят копейки! Что такое пятьсот-шестьсот рублей за один прием, когда в любой платной клинике цена в два-три раза выше?

– В перерасчете на хотя бы полторы тысяч посещений в месяц это будет несколько миллионов в год, Оль.

– А врачам вы как будете платить? Из расчета пятьсот рублей за визит больного? Да кто согласится работать за такие деньги?!

– Фиксированная заработная плата с премиями упростит эту ситуацию. Плюс у нас останутся платные услуги, средства спонсоров... все-таки надеюсь, что их станет больше... сдадим часть вновь отстроенных помещений в аренду, будем развивать платные услуги для обычного населения... бизнес-план мне пришел еще на той неделе. Поступление средств из разных источников, в том числе из государственных, позволит нам продержаться на плаву хотя бы первый год. Прогнозы экономисты дают хорошие.

Я скептически вскинула брови.

– Да? А дальше?

– А дальше, Оль, будет видно, – по-отечески улыбнулся шеф. – А сейчас иди, отдыхай. Уже и впрямь очень поздно.

ГЛАВА 6

Домой я, разумеется, не пошла. Вместо этого просто вернулась к себе в кабинет, повесила на вешалку осточертевший халат, сбросила в угол туфли и уселась за комп, прикидывая, чем занять себя до вечера. Интернет у нас в клинике работал бесперебойно, комп, к счастью, не имел привычки виснуть в неподходящее время, на столе стояла коробка со сладостями, которые я планировала растянуть дня на три. И в целом жизнь казалась хорошей штукой, особенно после того, как я приняла душ и с удовольствием слопала большущий пончик.

Ничего интересного в новостях я для себя на этот раз не нашла. Смотреть фильмы не любила. Слушать музыку несколько часов подряд не хотелось, поэтому от нечего делать я снова взялась за рабочую документацию и за пару-тройку часов решила все дела, которые изначально планировала на завтра.

Потом на скорую руку сделала отчет за прошлую неделю для нашего шефа. Затем проанализировала показатели работы отделения за предшествующие одиннадцать месяцев. Набросала большую часть отчета за год, куда потом останется только вставить цифры за последний месяц. И с удивлением обнаружила, что, если не тратить на дорогу до дома и отдых от этой дороги несколько утомительных часов, то за это время можно удивительно много сделать.

Разохотившись, я съела ещё один пончик и открыла покрывшуюся плесенью папку со своей недоделанной диссертацией. Юрьиваныч одно время очень хотел, чтобы в его учреждении работали исключительно сотрудники с научными званиями. Но я тогда сумела его убедить, что

научное звание – ничто без практического опыта. И он был вынужден признать, что кандидаты наук, не прооперировавшие в своей жизни хотя бы пары сотен пациентов, ему не нужны.

Собственно, материала у меня в электронном виде было набрано достаточно, чтобы накропать довольно приличную кандидатскую. Но все времени не хватало, что бы взяться за анализ данных. А тут вон как получилось. Может года через два, получив наконец степень, я Лисовскому даже спасибо скажу и буду со смехом вспоминать, как ночами от скуки набивала диссертацию и занималась тем, на что в обычной жизни у меня не было ни сил, ни желания.

Признаться, я до того увлеклась, что даже не услышала, как по коридору прошел собравшийся домой шеф. Но он, похоже, заметил пробивающуюся из-под двери полоску света и не преминул узнать, в чем дело.

При виде меня, скрючившейся впотьмашках за монитором и азартно стучащей по клавишам, он изумленно замер.

– Оля!

Я подняла на него покрасневшие глаза.

– А? Чего?

– Ты что тут делаешь в такое время?!

– Да вот... – кашлянула я, с трудом отрываясь от формул и таблиц. – Вспомнила про диссертацию и что-то увлеклась .

Шеф покачал головой.

– Вот уж не замечал за тобой особого рвения к науке... тебя подвезти до центра?

– Нет, спасибо, – улыбнулась я. – Идите домой. И жене с мальчишками привет передайте.

Юрий Иванович, хоть и выглядел измотанным, все же расплылся в широкой улыбке. Семья у него была замечательная. Красавица-жена, ведьма как и я, только немного другой специализации, и два непоседливых пацана двенадцати и четырнадцати лет от роду. Один, как водится, унаследовал отцовскую склонность к темному искусству, второй был прирожденным травником и, как мать, обладал редким даром понимать и чувствовать обычных животных. Ветеринаром станет, наверное. Тогда как старшего лет через десять надо будет ждать у нас в клинике. Стажером. А затем и полноценным врачом, который, полагаю, будет стараться нагнать и перегнать известного во всей столице хирурга, которого я уважала и почитала как родного отца.

– Спокойной ночи, – все ещё улыбаясь, попрощался Юрий Иванович, закрывая дверь. Я в ответ невнятно уткнула и, засунув в рот очередной пончик, снова углубилась в загадочный мир цифр.

Когда я, наконец, разогнула спину, на часах уже была четверть двенадцатого, а в подаренной Лисовским-младшем коробке, к моему ужасу, остался всего один пончик. Блин! Ведь знала же, что во время работы себя не контролирую! Так нет, поставила рядом в надежде, что затуманенный диссертацией мозг забудет о том, что он с обеда не кормленный.

Ага. Как же! У ведьм и ведьмаков, как однажды пошутил Игорек, между желудком и мозгом существует прямое сообщение. И если в одном нет хотя бы одной жалкой плитки шоколада, то второй напрочь отказывается работать и изыскивает любую возможность добыть вожделенные сладости.

«У меня, похоже, та же история», – с грустью подумала я, уставившись на чудом уцелевший пончик. – «И что же с тобой теперь делать?»»

Было ясно одно: пончик следовало срочно спасать! Но где? В кабинете, где я в любой момент могла до него дотянуться? Снести его вниз? В ординаторскую и запереть на ключ?

«Ну да, а поутру кто-нибудь придет подальше и, не разобравшись что к чему, тут же его сожрет!» – шевельнулась в душе жадность, а не знающий сытости желудок недовольно квакнул.

«Нет, ординаторская не выход», – решила я, держа коробку в руках и все ещё не зная куда ее деть так, что бы раньше времени не уничтожить стратегический запас сладкого. Холодильника в кабинете у меня не было. На столе или на полу я точно ее замечу. Разве что на подоконник поставить и задернуть шторы?

«Да? А запах?» – возразил голос разума, и я все-таки решила не рисковать.

Как говорил шеф, хороший врач должен, помимо прочего, обладать хорошим обонянием, тогда даже на интуитивном уровне ему будет проще поставить диагноз, ведь все болезни, кто бы что ни говорил, пахнут по-разному. Да что там! Для обратной по-разному пахли даже эмоции! И не понаслышке знала, что порой обоняние быстрее глаз подсказывало, у кого из пациентов загноилась рана, а кто, как Альберт недавно, скрывает от врача промокшие кровью повязки.

В конце концов я нашла решение проблемы и, открыв окно, водрузила заметно полегчавшую коробку на карниз. Там у меня специальный крючок был – когда-то я на него кормушку для птиц вешала. А теперь, глядишь, пригодится. Подцепила им картонку, что бы ветром не унесло. И ничего, что снаружи холодно. Зато я заледеневший пончик смогу ещё долго грызть, не помышляя о том, где достать новые. А там, глядишь, у кого-нибудь шоколадку умыкну или ещё лучше – у кого-нибудь день рождения наклонится, и я власть оторвусь на торте, который обязательно принесет именинник.

Ночь прошла относительно спокойно.

Запах несчастного пончика меня не преследовал, кошмарных снов, где у меня его отнимают, тоже не было. Я неплохо выспалась. Встала раньше обычного. И, приведя себя в порядок, первым же делом спустилась в отделение, донельзя удивив дежурный персонал.

– Оль, ты чего в такую рань тут делаешь? – опешил Игорек, когда я зашла в ординаторскую и деловито огляделась.

Увы. В настенном календаре, где мы отмечали грядущие праздники, ничего дня рождения в ближайшие недели не числилось. Так что мимо пончика я прошла совершенно правильно. А вот от кофе бы не отказалась.

– О-оль? Ты в порядке? – настороженно уточнил коллега, когда я взяла чужую кружку, сыпанула растворимого кофе и от души бахнула сверху сахара из общей заначки.

Я добавила кипятка, пригубила горячий напиток и блаженно зажмурилась.

– Угу. Доброе утро, кстати. Никто тебя ночью не дергал?

– Да нет, – все ещё озадаченно отозвался травматолог. – Тихо все было. Даже в реанимации.

Все ещё дую на горячий кофе, я присела на диванчик, где недавно спал Игорек, откинулась на спинку и вытянула ноги.

Да. Вот так жить было можно. Главное, экономить магию и не забыть, что до зарплаты осталась одна жалкая неделя и каких-то шесть несчастных дней.

Рабочий день начался как обычно, за исключением того, что к приходу дневных докторов я уже прошлась по отделению, заглянула в истории болезни, нашла уйму косяков и сразу после пятиминутки тыкнула коллег в них носом. Они, конечно, поворчали, но пообещали исправить. А я тем временем направилась к посту и досконально прошмонала шкаф с лекарствами, до последней таблетки сверяя имеющиеся в наличии препараты с тем, что было записано в журнале.

Опять нашла косяки.

Устроила нагоняй теперь уже старшей сестре – за то, что недостаточно внимательно проверяет работу подчиненных.

Ушла в процедурную. Вывернула наизнанку аптечки «первой помощи», проверила журналы учета медикаментов и снова нашла недочеты. Один раствор хранился не в тех условиях, что было положено. Второй просто стоял в холодильнике, хотя по журналу давно там не числился...

Словом, коллектив вздохнул с облегчением, когда я закончила буйствовать, а врачи и вовсе поспешили сбегать в операционную в надежде, что я туда сегодня не доберусь.

Ошиблись. Времени у меня было море, поэтому, проверив как дела у Алисы, я почти два с половиной часа следила за тем, как они работают с пациентами. Разборки в операционной устраивать не стала – пусть сперва больного зашьют. Но уже в конце рабочего дня дала Игорьку втык за то, что тот поленился поставить лишний штифт пациенту со сложным переломом голени, а анестезиолога вежливо попросила не поминать все нижние отделы желудочно-кишечного тракта. Особенно во время проведения спинно-мозговой анестезии. Особенно в присутствии студентов. И особенно во время операции по удалению геморроя.

Часа в два я все же не выдержала и сбегала на пищеблок, тайком от шефа сметелив целую тарелку супа и скромную порцию макарон. Зато, когда я возвращалась обратно, то по чистой случайности заметила, как в ворота клиники въезжает уже знакомый серебристый джип, и внезапно передумала возвращаться в отделение.

– Саныч! Привет! – бодро гаркнула я, без приглашения вломившись в морг и оглядевшись в поисках умного, все в мире знающего и без преувеличения самого лучше диагноста в нашей клинике.

Сидящий на столе и с умным видом читающий книгу кот неторопливо обернулся.

– Ты по делу или как?

– Поболтать заскочила, – широко улыбнулась я и демонстративно уселась на стул. – Спросить: как у тебя дела, что новенького...

– КАР-Р-Р! – хрипло каркнул очнувшийся от спячки мобильник в моем кармане. СМС-ка пришла. От шефа.

Я мельком глянула на экран.

«Ольга, зайди ко мне в кабинет».

Угу. Щас. Пока Лисовский не уедет, я из морга даже нос не высуну.

– КАР-Р-Р!– снова сердито каркнул телефон.

«Оля, немедленно ко мне в кабинет. Слышишь?!»

Кот проследил за тем, как телефон снова исчез в недрах белого халата, и хмыкнул, когда я невозмутимо повторила:

– Так что у тебя новенького?

– Как сказать, – неопределенно дернул усами он. – Покойников возят многовато для этого сезона.

– Обычных? Отмороженных? – поинтересовалась я.

– Да нет. В последние дни все больше огнестрел да тяжкие телесные.

Я тихо присвистнула. Сан Саныч, хоть и был по рождению обыкновенным баюном, считался лучшим судмедэкспертом в столице. Ну, среди тех, кто о нем знал, конечно. Поэтому сюда нередко свозили криминальные трупы и вообще, все что выглядело подозрительно. К тому же, наш котик вел свою собственную статистику, досконально описывая каждый попадающий к нему труп, так что, если покопаться, в его архивах можно было нарыть столько интересного, что не один детективный сериал снять можно. Точно вам говорю!

– КАР-Р-Р! – в третий раз гневно выдал телефон у меня в кармане.

«Оля, тебе не стыдно?»

«Нисколечко», – подумала про себя я и отключила звук.

По поводу дочери Лисовский-старший вполне может поговорить и с шефом... все-таки официально именно Юрий Иванович числился ее лечащим врачом. А я в это время тут посижу, поболтаю с котом за жизнь. Как раз до тех пор, пока с территории клиники не уберется серебристый джип со знакомыми номерами.

Кстати, скоро он там?

Я выглянула в окно, но из мертвого царства Саныча, к сожалению, было плохо видны крыльцо и ворота.

– Ты что, с шефом повздорила? - с новым смешком поинтересовался кот, когда телефон у меня в кармане яростно завибрировал. – Или тебя кто-то из пациентов достал?

– Ну что ты? Все чудесно, - рассеянно отозвалась я. А когда увидела, как мимо окна проехали большие колеса, с облегчением выдохнула. - Просто чудесно... Ну вот. Спасибо за компанию. Завтра я, наверное, тоже к тебе загляну. Ты не против?

Кот только хвостом махнул, снова уткнувшись в книгу, а я почти бегом взбежала по лестнице на третий этаж, по пути снова выглянула в окно и, убедившись, что машина Лисовского действительно уехала, с самым невинным видом постучалась к шефу в кабинет.

– Вызывали, Юрьиваныч?

Шеф, мрачный как туча, взглянул на меня поверх монитора, а из глубокого кресла у дальней стены поднялся массивная фигура.

– Как хорошо, что вы заглянули, Ольга Николаевна. Мне нужно задать вам пару вопросов.

Честное слово, в первый момент мне показалось, что проклятый лис решил меня переупрямить и, притворившись, что уезжает, засел в кабинете у шефа, как враг. Но, к счастью, это оказался совсем другой оборотень. Пес. Да и с чего бы гендиректору крупной компании обманом настаивать на встрече, если мы вчера все уже выяснили и, так сказать, обговорили? Нет, сказать-то я много чего могла ему дополнительно, с чувством, с толком... хоть и не совсем приличными словами. Но он же не дурак. Не заигравшийся в плохого парня романтик, которому вдруг позарез понадобилось вытащить меня из морга. Да и намеки, я полагаю, понимать умеет. В том числе мое вполне понятное желание никогда с ним не встречаться и даже морду его холеную в своем отделении больше не видеть.

– Майор Гаврилюк, – басовито, слегка рыкающим голосом представился нелюдь, когда я вперила в него вопросительный взгляд. – Полиция. Особый отдел.

«Надо же... инспектор Гав!» – мысленно хихикнула я про себя, оценив стать, немаленький рост, ширину плеч и густую шевелюру оборотня, больше похожего на лохматого сенбернара.

– Где мы можем поговорить? – тем временем поинтересовался гость, и я, окончательно развеселившись, пригласила его в свой кабинет.

Под все ещё хмурым взглядом шефа мы удалились и всего через минуту я открыла перед необычным гостем еще одну дверь. Когда инспектор вошел, сидящие на полках книжного шкафа плюшевые зайчики, коих там было невероятное количество, встрепенулись и прямо на глазах обратились в крепко сбитых, твердо стоящих на лапах, определенно бойцовой породы псов.

Забавно.

Обычно индикаторы-зайки очень точно отображали эмоциональный фон заходящего в кабинет разумного. Нет, не меня. Обычно я ставила блок, что бы игрушечные зайцы лишней раз не нервировали. А сегодня первым зашел гость, и они оказались как нельзя более кстати. Потому что сейчас, несмотря на внешнюю расслабленность, передо мной находился собранный, готовый ко всему боец, который почему-то считал, что в нашей клинике ему может потребоваться его природная сила.

Я мысленно отметила поведение игрушек и, зайдя следом, плотно закрыла дверь.

– О чем вы хотели меня спросить, господин Гаврилюк?

– Алиса Лисовская – ваша пациентка? – огорошил меня неожиданным вопросом инспектор.

– Не совсем, но да, я тоже ей занимаюсь. Это входит в мои обязанности, как руководителя отделением.

– Господин Черный сообщил, что пока девушка не в состоянии ответить на мои вопросы. Вы подтверждаете эту информацию?

– Да. Ей действительно очень трудно говорить.

– Но все-таки возможно? – продолжал давить свою линию пес.

Я нахмурилась.

– Если редкие односложные слова, которые девочке приходится выговаривать с большим усилением, можно назвать утвердительным ответом на ваш вопрос, то я бы сказала «да». Но как врач, который хорошо представляет последствия смещения лицевых костей в результате преждевременной нагрузки на челюстные мышцы, я бы ответила все-таки «нет», товарищ майор. Что конкретно вас интересует?

Песики на полках подобрались и бесшумно оскалились.

– Я хочу знать обстоятельства, при которых к вам попала эта пациентка.

– А постановление прокурора у вас есть?

Оборотень молча протянул мне бумагу. И, пробежав ее глазами, я неохотно кивнула: все было сделано как надо.

– Девочку доставила «скорая». В пятницу. Около двадцати тридцати. Принимал ее доктор Черный. И он же ее оперировал.

– Какие у нее были травмы?

Я по памяти перечислила.

– Почему главврачу пришлось делать это в одиночестве? – снова осведомился пес.

– Потому что другие врачи были заняты. В дежурный день работают сразу три операционных. В тот день поступило много народу, поэтому Юрию Ивановичу пришлось пойти в операционную лично.

– Хорошо. Что вы можете сказать о причине травм госпожи Лисовской?

– По «скорой» нам передали, что ее привезли после аварии. Откуда, можете посмотреть в регистрационном журнале, – добавила я, пока он не задал очередного вопроса. – Там же указана фамилия врача, который доставил девочку. А также контактный телефон диспетчера, у которого можно проверить эту информацию. Подробности мне неизвестны: я не детектив. А сама Алиса пока не способна рассказать детали. Знаю только, что машины и водителя она не видела. Все случилось неожиданно.

– Как вы оцениваете ее состояние на данный момент?

– Травмы были очень тяжелыми, но сейчас она выздоравливает.

– Когда я смогу с ней побеседовать?

Я на мгновение задумалась.

– Скорее всего, послезавтра. Мы планируем снять фиксаторы с лица через два дня, если будет нормальный рентген. При хорошем состоянии нижней челюсти девочка к этому времени сможет разговаривать.

– Почему так долго? – с нескрываемым подозрением уточнил инспектор.

– У Алисы врожденная патология – она не способна усваивать сырой белок. Поэтому восполнять его потери мы можем только аминокислотами, парентерально... то есть, в капельницах. Это замедляет процесс регенерации.

Майор снова нахмурился, но потом кивнул.

– Благодарю. Через два дня я вас навещу. Если вы что-то вспомните или у вас возникнут вопросы, будьте добры позвонить. Номер телефона я оставил у вашего руководителя.

– Простите, товарищ майор... – спохватилась я, заметив, что он собрался встать. - Можно задать вам вопрос сразу: скажите, в чем дело? Почему вы интересуетесь деталями этой аварии?

У оборотня недобро сверкнули глаза.

– Есть основания полагать, что авария была неслучайной. Хорошего дня, госпожа Белова. Надеюсь, в следующую нашу встречу у меня появится более полная информация по этому делу.

ГЛАВА 7

«Вот тебе и инспектор Гав», - растерянно подумала я, когда за гостем закрылась дверь. - Неужели Алиску и впрямь сбили намеренно?»

Откинувшись в кресле, я так и этак повертела эту мысль, но в конце концов пришла к выводу, что это не так уж невероятно. Водитель с места аварии скрылся. Судя по вопросам майора, его до сих пор так и не нашли. А Лисовский-старший – видный бизнесмен. Наверняка не все его сделки законны. И готова дать стопроцентную гарантию, что у него масса конкурентов, которые только спят и видят, как бы подвинуть деловитого оборотня со сцены.

Но тогда непонятно, почему его дети расхаживают без охраны? И почему даже сейчас, после ситуации с дочерью, Лисовский не обеспечил хотя бы одним телохранителем взрослеющего сына, который тоже мог стать мишенью для недоброжелателей? Майор бы не пришел ко мне просто так, верно? Было бы дело лишь в сбежавшем дураке, который оставил девочку умирать на дороге, нас бы никто не опрашивал. Значит, отец Алисы рассматривал такую вероятность событий. Возможно, напряг свои немаленькие связи с просьбой уточнить обстоятельства дела. Но если он хотя бы на миг заподозрил... даже на крохотную каплюшку усомнился, что авария была неслучайной, то почему тогда напротив входа в наше отделение все ещё не стоит его личная охрана? И почему он не настоял на усилении магической защиты хотя бы вокруг палаты, где находилась Алиса?

– Странно все это, - пробормотала я, рассеянно раскачиваясь в кресле вперед-назад. И довольно долго еще сидела, пережевывая необычные сведения и силясь понять мотивы поведения Лисовского-отца.

За окном давно стемнело, а я все так же рассеяно таращилась на экран монитора, на котором застыли в неподвижности важные для меня цифры.

Алиса Лисовская... милая девочка, которую, возможно, кто-то пожелал убить...

Почему отец так мало о тебе знает? Почему ты до сих пор не изъявила желание его увидеть? Отчего он, если был заинтересован, не позаботился о твоей защите? И как вообще вышло, что ты оказалась одна, поздним вечером, на окраине большого города, да еще и без бдительной охраны, которая могла уберечь тебя от неприятностей?

От раздумий меня отвлек хлопок двери.

Черт! Шеф! Кажется, собрался сегодня домой пораньше?

Я опрометью вскочила, едва не опрокинув кресло, молнией метнулась к двери, повернула в замке ключ, торопливо выключила свет, быстрее молнии метнулась обратно к компу, ткнула кнопку на мониторе. И, услышав снаружи тяжелые шаги, замерла у стола в неудобной позе, на всякий случай затаив дыхание.

Шаги остановились напротив двери, и в коридоре ненадолго стало тихо.

Один раз Юрий Иванович мог бы поверить, что я случайно задержалась на работе. Во второй он бы точно спросил, в чем дело. На третий раз его подозрения окрепли бы до такой степени, что мне грозил бы допрос с пристрастием. А я женщина гордая. И со своими неприятностями привыкла справляться сама.

Само собой, если сильно прижмет, я как приличная ведьма приду к нему и во всем покаюсь. Даже помощи попрошу, потому что душой не была и старалась, что бы и остальные так считали. Но пока ситуация находилась под контролем. Я была сыта, одета, обута, у меня имелась крыша над головой, источник дохода и нормальное рабочее место. Ну а проблемы с Лисовским-старшим никого не касались, тем более что к концу недели Алиска, я надеюсь, все-таки встанет на ноги, и у ее отца больше не будет повода сюда приходить.

Пока я размышляла, ручка на двери с тихим скрипом наклонилась и, помедлив, вернулась в исходное положение. А еще через пару мгновений шаги в коридоре возобновились, и я смогла перевести дух.

Фу-у-у... обошлось.

Надо будет завтра на обход попозже прийти, что ли? А то, зная, какой я любитель поспать, кто-нибудь ляпнет не вовремя, что я стала приходить ни свет ни заря, и шеф ненароком заинтересуется. А наш некромант в гневе бывает страшен. Так что пусть он лучше ничего не знает. И ему так спокойнее, и мне.

Услышав, как за окном заурчала мотором машина шефа, я на цыпочках подкралась к окну и проследила, как со стоянки выезжает старенькая «ауди».

Вот теперь можно включать свет. Обратного шеф точно не вернется, а охранника на входе я предупрежу, что бы в случае экстренной ситуации сразу позвонил. Заодно намекну, чтоб не трепал языком. А взамен я ему потом бесплатный пропуск на Кубок России по фристайлу добуду. Говорят, парень фанат этого вида спорта, а у меня на примете как раз есть знакомый вампир, который мог бы достать билетик.

Эх, жаль, что Сережка сегодня выписался. Ну ничего. Телефон на истории все равно остался, а умыкнуть ее из стола Игоря дело пяти минут.

Так. Ладно. На чем я остановилась?

Неожиданно мое внимание привлек птичий гомон за другим окном. Я сперва не подумала дурного. Ну чирикают и чирикают себе воробьи. Но потом заметила необычайное оживление на карнизе. Вспомнила, что не так давно открывала окно. А ещё через миг вспомнила о коробке и кинулась к раме с испуганным криком:

– Мой пончик!

Увы. Крючок на раме сыграл со мной злую шутку и вместо того, чтобы просто удержать коробку на карнизе, он, наоборот, слегка приоткрыл крышку, сделав мою записку доступной для воробьев и синиц. Когда я высунулась из окна и яростно замахала руками, они целой стайкой разлетелись кто куда. А когда я заглянула в коробку, из моей груди вырвался горестный стон. И почти сразу над притихшей стоянкой пронесся мой возмущенный вопль:

– Сволочи пернатые! Что вы наделали?!

От роскошного, чудесного, большого и восхитительно сладкого пончика остались лишь жалкие крошки. Гребаные птички успели склевать его весь! Поэтому все, что мне осталось, это со злостью смотреть на крохотные осколки некогда белой глазури и измышлять страшную кару для проклятых тварей, которые лишили меня заслуженного ужина.

– Гады, - печально повторила я, уронив коробку на подоконник. – Какие же вы все-таки гады!

– Чирик-чирик, – дружно отозвались насытившиеся воробьи и вместе с синицами запрыгали по проводам, выразительно поглядывая в мою сторону. Явно в надежде, что я подам им еще что-нибудь вкусенькое.

С грохотом захлопнув окно, я плюхнулась на стоящую рядом кушетку и, подперев голову рукой, с унылым видом уставилась на стену. Есть захотелось с удвоенной силой. В животе тут же забурчало. При воспоминании о вкусном пончике рот сам собой наполнился слюной. Я даже пожалела, что в нашей клинике было не принято брать подарки от пациентов, и подумала, что именно сейчас мне бы очень пригодилась подаренная каким-нибудь оборотнем шоколадка.

– Пойти что ли, кофе еще налить? - задумчиво произнесла я вслух, очень кстати вспомнив, что в ординаторской остался казенный сахар. Риск быть застуканной дежурным персоналом, конечно, имелся, но есть хотелось все сильнее, а время ужина в больнице давно прошло.

Эх, была не была...

Я кинула взгляд на часы, а затем решительно встала и спустилась на второй этаж. Тихонько пробравшись мимо сестринской, я прокралась в заветную комнату для врачей, прекрасно зная, что дежуранты в это время делали вечерний обход. Пациенты, разумеется, все до одного находились в палатах, дежурная сестра спокойно пила чай у себя. Так что мне никто не помешал набулькать из кулера большущую чашку горячего кофе и, бухнув туда сразу пять ложек сахара, так же осторожно отправиться в обратный путь.

Когда я добралась до лестницы, снизу раздались раздраженные мужские голоса. Благодаря форме холла, слышимость была хорошей, однако слов я не разобрала. Поздние посетители ссорились тихо, видимо, зная об оставшемся в дежурке охраннике. Но по рыкающим голосам я быстро поняла, что это ссора между двумя оборотнями.

Встревать в чужие разборки мне, конечно же, не следовало, но, зная вспыльчивый нрав мохнатиков, я не могла не спуститься и не выглянуть из-за угла.

Как оказалось, ссорились и впрямь оборотни. Точнее, лисы. А ещё точнее – отец и сын Лисовские, при виде которых я так и застыла, держа в руке дымящуюся кружку.

Вероятно, они уже закончили выяснять отношения, потому что в коридоре неожиданно стало тихо. Видеть я могла только Лисовского-старшего – Андрей стоял ко мне спиной. Но по напряженным позам нелюдей было ясно: оба недовольны исходом разговора. Мальчишка набычился и смотрел на отца снизу-вверх, словно подросток, бросивший вызов более опытному сопернику. Его отец был бледен, а на лице застыла жутковатая полужверинная маска. Которая стала ещё страшнее, когда из глотки пацана вдруг вырвался низкий, вибрирующий и откровенно угрожающий рык.

Имея кое-какое понятия об обычаях оборотней, я откровенно струхнула, поняв, что Лисовский-младший только что по их, звериным, обычаям, высказал открытое неповиновение старшему в семье. Более того, глухой бархатный рык выкатывался из его изменившегося горла волнами, то тише, то громче. И это означало прямой вызов. Призыв к бою. То, что между собой оборотни

называют негласным судом. Причем не по человеческим, а по их собственным древним обычаям. То есть, в звериных обличьях. Бой не до первой крови. До смерти. Которого Андрей мог потребовать лишь в том случае, если по-настоящему перестал уважать отца.

Если вы думаете, что это интересное зрелище, то вы глубоко заблуждаетесь. Вторые ипостаси оборотней это вам не милые лисички и зайчики. Это даже не дикие волки и медведи. Нет. Это двухметровые, полные нерастраченной силы, свирепые монстры, поведением которых управляют только инстинкты, а разум стал бесплатным приложением. Вторая ипостась у них не зря звалась боевой. Находясь в ней, оборотни превращались в живые машины для убийства. И если вы способны представить, как на месте двух зрелых лисов возникают человекоподобные, заросшие шерстью, легко передвигающиеся на задних лапах и абсолютно невменяемые чудовища, то тогда вам станет понятно, отчего я так испугалась.

Не ответить на вызов Лисовский-старший не мог. Этого требовала его честь, его статус, его природа наконец. По сравнению с сыном он был более крупным и тяжелым. Неопытного юнца мог отправить на тот свет всего один удар мускулистой лапы. Однако время шло. Лисовский-старший, хоть и побелел как снег, по-прежнему не двигался. Его глаза стали ярко-желтыми. Дернувшаяся вверх губа обнажила резко удлинившиеся клыки. Сильные пальцы скрючились. Подушечки на мгновение потемнели, готовясь вот-вот выстрелить наружу звериными когтями. Но потом он вдруг потянул носом и...

Я глазам своим не поверила!

Неожиданно отступил.

– Жду тебя дома к ночи, - неузнаваемым голосом прорычал оборотень, буравя сына тяжелым взглядом. А затем отступил еще на шаг. Хлестнул по непокорному мальчишке бешеным взглядом. После чего ещё немного от него отодвинулся, почти развернулся к выходу... но в последний миг резким движением вскинул голову и уставился прямо на меня.

Я аж икнула от неожиданности и едва не выплеснула себе на туфли остывающий кофе. А в следующий миг Лисовский отвернулся, толкнул рукой дверь и скрылся в темноте зимней улицы. Еще через миг снаружи взревел мотор, и, судя по шороху шин, раздраженный донельзя лис покинул территорию больницы.

– Фу-у... – Андрей опустил плечи и как-то разом обмяк, в один миг превратившись в самого обычного мальчишку. Потом дрожащей рукой пригладил торчащие во все стороны русые вихры, вытер со лба испарину. Быстро обернулся и при виде меня изумленно воскликнул:

– Ольга Николаевна! А вы что тут делаете?!

Я посмотрела на парня неверящим, все ещё испуганным до крайности взглядом.

– Что вы не поделили?

– А... – отмахнулся молодой лис. - Он хотел, чтобы я уговорил Лиску вернуться домой. А когда я отказался, вспылит. Я тоже... хм... погорячился. Мне очень жаль, что вам пришлось увидеть эту некрасивую сцену. Но честное слово, это не то, что вы подумали!

Я машинально отхлебнула кофе.

Интересно, он вообще понимает, что минуту назад находился на волосок от смерти? Чего стоило старшему Лисовскому сдержаться и не ударить, я прекрасно видела. Он почти перекинулся. Почти потерял контроль. Но тот факт, что этого все-таки не произошло, красноречиво свидетельствовал: отец относился к Андрею не просто как к наследнику или продолжателю его дела. Он вовсе не формально воспитывал сына и не проявлял к нему

формальную заботу. Будь это так, сейчас на полу лежал бы остывающий труп: для зверя не имел значения ни социальный статус, ни важность соперника для бизнеса... им управляли только эмоции. И раз Лисовский сдержался и, что уж совсем невероятно, отступил, значит, он и впрямь любил сына. Любил искренне, помнил об этом даже в боевой ипостаси, поэтому не захотел его поранить.

Это оказалось неожиданным открытием. И чуть ли не первым положительным впечатлением об этом оборотне. Мужчина, способный в минуту бешенства помнить о дорогих ему людях и удержать своего зверя на поводке даже после того, что сделал мальчишка, мог вызывать лишь безграничное уважение.

– Он не так уж плох как отец, - извиняюще посмотрел на меня Андрей, видимо, догадавшись, какие мысли бродят в моей голове. - Просто с ним сложно... Когда была жива мама, она его сдерживала. И нами, в основном, занималась тоже она: отцу всегда было некогда. А четыре года назад мамы не стало, и отцу пришлось выбирать между работой и нами.

Я также машинально кивнула.

– Лиска всегда боялась его потревожить, – вдруг тихо признался Лисовский-младший. – Он так много делал для мамы... два последних года буквально жил ею. И мы все боролись за нее. Особенно он. Но мама ушла, и после этого с отцом стало совсем трудно. Ему нужно, чтобы все было так, как он сказал. Думает, он непогрешимый. Все знает, все умеет... порой это тяжело – говорить ему, что он неправ. Он злится. Психует, как все предки. Иногда рычит. Но я все равно знаю, что он нас любит. И меня, и Лиску... особенно Лиску. Просто иногда эта любовь становится чересчур навязчивой и порой, как бы это сказать... утомляет?

– Тогда почему Алиса отказалась с ним встречаться? - непонимающе нахмурилась я.

– Она знает, что слишком похожа на маму, – невесело усмехнулся парень. – Отец тяжело переживал ее смерть, и Лиска побоялась, что, увидев ее в таком состоянии, он... сорвется. Как после похорон. Поэтому она решила подождать, когда сойдут ушибы. Посчитала, что так ему будет не слишком больно видеть ее уродство.

Я изумленно уставилась на Лисовского-младшего.

– И только?!

– Да. Лиска за него переживает больше, чем за себя. Хотя поступать в медицинский все равно не отказалась. Но злость – это ведь не боль, правда? И вполне нормально, что дети выбирают не тот путь, который уготовили им родители. Жаль, что отец с этим ещё не смирился. Но он научится. Когда Лиска получит диплом, все равно никуда не денется. Признает. А вы о чем подумали?

– Ни о чем, - пробормотала я, мысленно устыдившись. - Но все же это неправильно, что она его сторонится. Если отец ее любит, он поймет. И наоборот, успокоится, когда своими глазами убедится, что с ней все в порядке.

– Вы думаете?

Я скрепя сердце кивнула.

– Тогда... может, мне поговорить с Лиской? – откровенно задумался Андрей. – Может, увидев, сколько вы для нее делаете, отец перестанет настаивать, чтобы увезти ее домой или в другую больницу?

– Как хочешь, – с деланным равнодушием пожала плечами я.

– А если Лиска согласится, вы позволите отцу сюда прийти? Дадите ему заглянуть к ней в палату?

– Ненадолго, – неохотно отозвалась я. – Буквально на полчаса. И только в том случае, если ваш отец не откажется соблюдать санитарные правила.

Андрей задумчиво пошевелил бровями и так же задумчиво кивнул.

– Хорошо, я ему передам. А почему вы находитесь тут так поздно?

– Дела, – неопределенно отмахнулась я.

– Дела? Эм... ну ладно. Вы извините, если что не так. Мы не хотели никого напугать, – ещё раз повинился молодой лис. – И... это... если что, когда отцу можно будет навестить Лиску? Есть какие-то специальные часы для приема?

Я вздохнула. Но в подобной ситуации препятствовать встрече Лисовского с дочерью я не могла. Это было бы прямым нарушением его прав. И с точки зрения закона, да и просто по-человечески. Хотя, конечно, узнать о нем такие детали я сегодня не ожидала.

– До свидания, Ольга Николаевна, – спохватился Андрей, когда я озвучила желаемое время для встреч и собралась уходить. – Спасибо вам за все.

– Да не за что, – против воли улыбнулась я, поднимаясь по лестнице. – До завтра, Андрей.

– До завтра! Я утром забегу! – крикнул он вслед. А потом спохватился: – Ой. Забыл спросить: а пончики-то вам понравились?

Я, не оборачиваясь, кивнула.

– Тогда я завтра свежие принесу! С клубникой! Ладно?!

Ну что на это можно было ответить?

– Приноси, не откажусь, – рассмеялась я, все-таки ненадолго обернувшись. А когда мальчишка просиял, а его лицо озарилось широкой, на редкость привлекательной улыбкой, неожиданно подумала, что, будь он лет на десять-пятнадцать старше, я бы обязательно захотела узнать его поближе.

ГЛАВА 8

«Неделя и пять дней до зарплаты», – вот о чем я подумала первым делом, когда открыла глаза и посмотрела на часы. – «Шесть тридцать утра. Точно по графику. Жаль, что я не дома, и просыпаться в такую рань больше не нужно».

Поспать я действительно любила, но полезное заклинание-будильник вот уже который год будило меня строго в одно и то же время, невзирая на сезон, температуру воздуха за окном, а также наличие или отсутствие в постели постороннего лица.

Вспомнив, что сегодня с высокой степенью вероятности к нам снова придет неприятный посетитель, я заторопилась и ещё до пяти минутки заглянула в реанимацию, придирчиво

проверила бинты, растворы для капельного введения, слегка изменила лечение, а затем с сомнением посмотрела на постепенно выздоравливающую лисичка, не зная как начать разговор.

– Алис, прости, но я все-таки должна ещё раз у тебя спросить...

– Па...па? – с трудом выдохнула Алиса.

– Да. Андрей вчера успел с тобой поговорить?

– Да...

– И что?

– Хо...чу...

Я тяжело вздохнула. И когда этот сорванец успел, если мы расстались с ним затемно? Разве что, дождавшись, когда я уйду наверх, все-таки сбегал разок сюда и в своей манере убедил сестру не упрямиться.

– Мож...но? - очень тихо прошептала Алиса, когда я с досадой поджала губы.

Я снова вздохнула.

– Можно, конечно. Только знаешь что... давай-ка мы приведем тебя немного в порядок?

Девочка благодарно улыбнулась, и на полчаса палата реанимации превратилась к импровизированный салон красоты. Зная о том, как переживала о своем внешнем виде лисичка, я потратила капельку магии, чтобы сделать ее волосы чистыми, блестящими, а покрытую синяками мордочку – чуточку более симпатичной, чем раньше. Я даже на диагностическое заклинание расщедрилась, чтобы понять, хорошо ли заживает нижняя челюсть. А обнаружив, что процесс почти завершен, решила снять часть фиксирующего раствора, чтобы девочка могла говорить.

– Спасибо, - неуверенно пролепетала она, с трудом ворочая онемевшей челюстью.

– Чувствительность вернется нескоро, – предупредила я. – И долго говорить тебе тоже нельзя. Полчаса, не больше. А потом надо будет отдохнуть. Хорошо?

– Да, - уже смелее улыбнулась Алиса, и я, не сдержавшись, погладила ее по голове.

– Все будет хорошо, солнышко. Ты уже поправляешься. Завтра можно понемногу начинать есть. Я тебя скоро в обычную палату переведу. А ещё через недельку останешься без гипса и без повязок.

Девочка молча кивнула. А когда я хмыкнула, поняв, что она хочет поберечь слова для встречи с отцом, снова улыбнулась и неожиданно мне подмигнула. Уже почти здоровым зеленым глазом, в котором впервые появились озорные огоньки.

Когда закончилась пятиминутка, и доктора потянулись на обходы в свои палаты, я вышла из ординаторской и едва не вздрогнула, обнаружив, что у входа в отделение уже приплясывает от нетерпения Андрей. А рядом с ним, тревожно и, вместе с тем, настороженно на меня смотрит его отец. Александр Александрович Лисовский, встречаться с которым я категорически не хотела.

На этот раз он был одет как положено: в бахилах, без пальто и с безупречно чистым халатом на широких плечах. Поверх костюма надевать его было глупо, поэтому оборотень его просто набросил сверху. Но мне почему-то показалось, что сегодня, если я потребую, он даже в костюме туда влезет, лишь бы хоть раз за эти четыре дня увидеть дочь.

Собрав в кулак волю и приняв невозмутимый вид, я подошла к дверям.

– Здрассти, Ольга Николаевна! – выпалил с порога Андрей, уставившись на меня со смесью нетерпения и надежды. – Мы пораньше пришли. Ничего?

– Ничего, конечно. Доброе утро.

А затем бросила на Лисовского-старшего равнодушный взгляд и ровно добавила:

– Заходите.

Он не стал дожидаться повторного приглашения и, как только я посторонилась, тут же втиснулся в дверной проем. В коридоре сразу стало тесно. На меня снова пахнуло его любимым... не зря же каждый день его использует... парфюмом. Потом он прошел дальше, а мимо меня ужом проскользнул Лисовский-младший, и я так же ровно бросила:

– Андрей, проводи отца.

И мимоходом подумала, что от мальчишки пахнет очень похоже. Видимо, они пользовались одной маркой туалетной воды. Приятной, надо сказать. Даже очень, хотя обычно оборотни не переносят посторонних запахов. Впрочем, Лисовские вполне могли себе позволить иметь в штате личного парфюмера. Я бы даже не отказалась узнать его имя, потому что впервые видела, чтобы кто-то умудрился спрятать за ароматом туалетной воды природный... довольно сильный, надо сказать... запах чистокровного оборотня.

Когда отец и сын скрылись за дверью оперблока, я ненадолго последовала за ними, чтобы убедиться, что все в порядке. Но заглянув в палату, увидела взволнованное лицо Алисы, присевшего на стул рядом с ее постелью отца, радостно скалящегося Андрея... и не стала мешать. А когда заметила, с какой нежностью Лисовский-старший взял искалеченную дочь за руку, и услышала от нее прерывистое, но такое эмоциональное «папочка!», то поняла, что делать тут больше нечего, и тихонько ушла.

– Привет, Саныч. Что делаешь? – поинтересовалась я, распахнув двери морга.

Наш вечно серьезный кот оторвался от созерцания двух лежащих на соседних столах тел и задумчиво уронил:

– Да вот... думаю.

– О чем, если не секрет?

– Какого мне вскрывать первым? Левого или правого?

– А тебе есть разница? – озадаченно спросила я.

Кот так же задумчиво шевельнул усами, ещё раз оглядел накрытые белыми простынями трупы. Какое-то время переводил взгляд с одного на другого, словно знаменитый буриданов осел, а затем глубокомысленно изрек:

– И правда никакой.

По непонятным причинам его выбор пал на левый стол, где, как вскоре выяснилось, лежал немолодой вампир с развороченной грудной клеткой. Как я уже говорила, клыкастики были не просто живыми существами, но еще и смертными, хотя на стол к Санычу такие клиенты попадали нечасто.

За тем, как он работал, всегда было интересно наблюдать. Разрезы у Саныча получались ровными, аккуратными, кровь из них никогда не брызгала за исключением случаев, когда он хотел кого-нибудь впечатлить (бедные студенты, ага). Тела он вскрывал по своей собственной, специально разработанной методике. А разделять их умудрялся так, что даже люди диву давались, и это при том, что работал наш котик исключительно с помощью когтей и каким-то необъяснимым образом никогда не пачкался.

– Ну? И что тут у нас? – пробормотал Саныч, запрыгнув на тело, сорвав простыню и сунув голову в огромную дыру в груди мертвого вампира. – Ау-у? Есть кто живой?

Хм. Ну да. Чувство юмора у патологоанатомов специфическое, но когда патологоанатом – кот, некоторые вещи даже ко всему привычным хирургам кажутся странными.

– Нет тут никого, - озадаченно вытащил морду наружу кот и, повернув голову, уставился на меня огромными желтыми глазами. – Удивительно, но это простой огнестрел. Пуля разрывная, калибр пока не скажу – надо ее вытащить. Но такой можно завалить и африканского буйвола. Вон как грудную клетку разворотило. Даже вампиру с его регенерацией такое не пережить.

– То есть, стреляли наверняка? – уточнила я.

Кот запихнул в дыру лапу и активно там пошуровал.

– Наверняка. Стреляли из винтовки. Метили в него, скорее всего, специально...

– Почему ты так решил?

– А на кого ещё можно охотиться в большом городе? Человеку и обычной пули хватит. А вот для вампира нужно кое-что посерьезнее.

Я поскребла затылок.

– Логично. Хотя, может, он стоял с кем-то рядом и получил в грудь чужую пулю?

– Вряд ли, - пропыхтел кот, продолжая орудовать в ране лапой. - По чистой случайности разрывные пули в грудь никому не попадают. Сердце в клочья. Ребра в кашу. Вот же гадина упрямая... вцепилась – не оторвать! И вообще, если бы метили в кого-то другого, то одним выстрелом бы не обошлись. Были ли бы еще раненые. Как считаешь?

– Наверное, да.

– Уф! – кот с недовольным видом выпрямился и с непонятным выражением уставился на дыру, откуда так ничего и не выудил. - Как же ее достать?

– Помочь? – предложила я.

– Давай. Только перчатку надеть – там немного грязно.

Я фыркнула и, взяв со стола пару перчаток, подошла к столу.

– Ну? И что я должна там найти?

– Пулю. В позвонке застряла, зараза.

Я взяла со стола щипцы, крохотный фонарик и, подсвечивая им, заглянула внутрь бездыханного тела, как спелеолог в пещеру. Увидев сверкнувший на свету металлический блик, заметила расположение пули. Потянулась щипцами. И минут через пять мучений, не без помощи кота, правда, вырвала изуродованную, больше похожую на дохлого осьминога, блямбу.

– Вот она, родимая, – удовлетворенно протянул Сан Саныч, когда я положила пулю рядом с раной. Внимательно ее оглядев, он вдруг фыркнул в усы и хорошо поставленным баритоном зашел: – Девять граммов в сердце – смотри, не слови. Не везет мне в смерти – повезет в любви!

Я от неожиданности даже закашлялась.

– Ну, Саныч... ты даешь!

– А что? – самодовольно облизнулся кот. – Я, между прочим, и романсы сам сочиняю. Хочешь послушать?

Ответить я не успела – в кармане зазвонил телефон. Пришлось снимать перчатки и брать трубку.

– Алло! Юрий Иванович? Что-то случилось? – настороженно спросила я, увидев имя абонента.

– Ольга, ты где? – пророкотал в трубке знакомый голос.

– У меня дела. А что?

– Какие дела? – уточнил шеф. – Ты можешь подняться? С тобой хотят поговорить.

Я мысленно прикинула время и, поняв, что отведенные на встречу семейства Лисовских полчаса прошли, твердо ответила:

– Простите, шеф. У меня консилиум.

– Какой еще консилиум? Где? С кем?

Я в затруднении оглядела выложенное кафелем помещение, два распростертых тела на секционных столах и азартно копающегося в животе вампира кота.

– Сложные пациенты, Юрьиваныч. Сразу двое.

– Очень сложные, – подтвердил из глубины чужого брюха кот. – Мне даже интересно стало в них поковыряться.

– Помощь нужна? – тут же насторожился некромант.

– Нет. Тут очень специфические повреждения. Мы сами справимся.

Из трупа раздался приглушенный хохоток.

– Эт точно.

– Кто это тебя там консультирует? – вдруг с нескрываемым подозрением осведомился шеф.

– Лучший специалист города, - без колебаний ответила я, а Саныч, услышав, довольно мурылькнул. - Боюсь, это надолго, шеф. Ваш посетитель может подождать?

– Нет, – после короткой паузы отозвался он. К моему огромному облегчению и почти искреннему, почти человеческому счастью. Нет, конечно, была очень рада за Алису и за ее теплые отношения с отцом. Ни в коем случае не отрицала того факта, что Лисовский-старший оказался лучше, чем я думала. Но предложения в ресторане я ему не прощу. Так что пусть он или ждет меня до посинения, или же проваливается. Все равно я раньше обеда отсюда не выйду. А то и до вечера просижу, пока не буду точно уверена, что приметный джип покинул территорию клиники.

– Ладно, работай, – со вздохом отступился шеф, и в трубке послышались короткие гудки.

Я перевела дух и спрятала телефон в карман.

– Что? Опять с Чуи поссорилась? - полюбопытствовал кот, ненадолго вынырнув из вампира.

– Нет. Пустяки. Обычная текучка.

– Замечательно. Тогда дай сюда во-о-он тот пинцет и будь добра, посвети вот тут, а то мне плохо видно...

На выходе из морга я нос к носу столкнулась с майором Гаврилюком и удивленно отпрянула, едва не протаранив спиной дверь.

– Вы?

– Оль, это ко мне! – крикнул из морга Сан Саныч. – Вампирюга и этот, второй, проходят у него по делу. Так что пусть зайдет! Я ему пулю на экспертизу отдам.

– Проходите, - посторонилась я, пропуская массивного оборотня.

– По Лисовской больше нет новостей? - на всякий случай уточнил инспектор Гав.

– Пожалуй, что нет. Но, думаю, завтра вы сможете с ней побеседовать. Сегодня мы частично сняли гипс.

– Очень хорошо. Я тогда заскочу с утра. Как насчет девяти?

Я мысленно прикинула свой график.

– Лучше в половину девятого.

– Договорились.

– Эй, майор, чего застрял? - вдруг донесся из морга сварливый голос баюна. – Тебе что, пуля не нужна?

Здоровенный оборотень извиняюще развел руками и ловко проскользнул мимо меня внутрь. Да, с нашим Санычем в полиции считались. Лучше, чем он, никто не давал информацию о покойниках, так что я ничуть не преувеличила, когда говорила, что консультируюсь у лучшего специалиста.

Когда я поднялась в отделение, Алиса уже дремала, и я не стала ее будить, чтобы спросить, как прошла встреча с родственниками. На губах девочки гуляла улыбка, дышала она ровно и спокойно. Так что, я лишь велела медсестре сменить растворы, а сама тихонько вышла и уже на выходе обнаружила стоящую на каталке большую коробку.

– Это еще что?

– Это для вас, – неожиданно смутилась медсестра. – Андрей перед уходом оставил. Очень просил передать.

Я со смешком подхватила подарок и вышла, в который раз поразившись про себя, насколько отличались друг от друга отец и сын. Пожалуй, я буду завидовать счастливице, которая однажды украдет сердце молодого лиса и заставит его глаза засиять от счастья. Зная о том, что и генетически, и физиологически оборотни, как и вампиры, совместимы с людьми, не удивлюсь, если в качестве спутницы жизни мальчишка выберет не оборотницу, а самую обычную девушку, которая, скорее всего, будет походить на его мать. И дай бог, если ему повезет с выбором, и рядом с ним окажется достойная леди, которая найдет способ понравиться его строгому отцу.

Зайдя в кабинет и открыв коробку, я со смешком обнаружила внутри целую гору свежайших пончиков, поверх которых лежала очень красивая открытка с одним-единственным словом «спасибо». Что ж, едой Андрей меня ещё на сутки обеспечил. Но домой я все равно не поеду – холодно. Да и денег на такси не осталось.

Просидев весь оставшийся день за диссертацией, ближе к вечеру я позвонила охраннику и на всякий случай предупредила, что остаюсь. Выключила в кабинете свет, заперла дверь на замок, а когда в коридоре... около восьми... послышались знакомые шаги, затаилась за компом, не забыв при этом выключить монитор.

Когда шеф ушел, я, как и вчера, дождалась, когда со стоянки выедет его машина, и только после этого прекратила конспирацию. Вот ведь до чего дожила! Но делать нечего, до зарплаты оставались неделя и чуть больше, чем четыре дня, а без денежек я из больницы попросту не выберусь. Даже проезд на автобусе стоил каких-то копеек, не говоря о метро или других средствах передвижения. Тащиться на каблуках за тридевять земель я бы тоже не стала. А просить кого-то из коллег подвезти... хм... день-два, и они начнут задавать вопросы. А мне это было совсем не нужно.

Ночь, как и прежде, прошла без тревог. Я прекрасно выспалась, почистила одежду, вымыла голову и, пока сушила волосы феном, вдруг со смешком подумала, что родная больница неожиданно-негаданно превратилась для меня в эдакую тюрьму. Смешно сказать – и выйти не могу, и оставаться скоро станет проблематично. Да еще Лисовские на мою голову свалились... не иначе я где-то крупно согрешила, раз судьба день за днем сталкивает меня с этим милым семейством.

В среду, ровно в восемь утра, я провела пятиминутку и вышла из ординаторской, уже прекрасно зная, кого именно увижу в коридоре. И правда: у дверей реанимации нетерпеливо крутил головой Андрей, а вот его отца почему-то не было видно.

– Вот. Это вам, – торопливо пробормотал молодой лис и, протянув очередную коробку, почему-то отвел глаза. – Думаю, вам понравится. Но если нет, ничего, я не обижусь.

– Спасибо, Андрюш, – тепло улыбнулась я, открывая ему дверь в палату реанимации и отступая в сторону. – Алису я сегодня уже видела, так что с тобой не пойду.

– А можно я потом кое-что у вас спрошу?

– Потом я буду занята. Так что, если хочешь, спрашивай сейчас.

– Ну...

У парня снова подозрительно вильнул взгляд, а голос опустился до шепота.

– Вы уж простите, если я что не так сделаю, но можно... Ольга Николаевна, можно я вас понохаю?

– Чего? – опешила я, и в этот момент молодой лис проворно подался вперед и буквально ткнулся носом в руку, которой я держала дверь. – Андрей, ты чего удумал?!

Оборотень шумно вдохнул и, наконец, выпрямился.

– А вы вкусно пахнете, – доверительно сообщил он, наклонившись к моему уху. – Честное слово. Как помадка с медом. Я сперва решил: показалось. Но нет. Это и впрямь ваш природный запах. Я, кстати, тоже сладкое люблю. И если бы появилась такая возможность, обязательно нашел бы способ вас пометить.

Я грозно нахмурилась.

– Я те помечу! Без ушей у меня останешься! И без хвоста заодно!

– Да я ж по-дружески, Ольга Николаевна! – хохотнул Андрей. – Честное слово! Вы на мою маму чем-то похожи. И вообще, вы такая строгая временами, что это ужасно мило.

– Ну-ка брысь! – притворно возмутилась я. – Еще вздумал мне комплиментами сыпать, мелочь пузатая. Меня эти штучки не берут. Так и знай. И вообще...

Я отвесила нахальному лису сочный подзатыльник и хотела было сообщить, что до ухаживаний этот предприимчивый пацан еще не дорос, но тут увидела в коридоре оперблока Лисовского-старшего. Запнулась, наткнувшись на его внимательный взгляд. После чего поспешно захлопнула дверь и поспешила заняться делами, благо на время визита оборотня я запланировала их очень и очень много.

ГЛАВА 9

В строго назначенное время в мою дверь вежливо постучали.

Я слегка напряглась, но майор Гаврилюк оказался на удивление точен и, как хороший военный, нарисовался на пороге кабинета ровно в восемь тридцать утра.

– Здравствуйте, заходите, – широко улыбнулась я инспектору Гаву, мысленно похвалив его за точность. А ещё за то, что он, как приличный человек, уже успел снять верхнюю одежду и надел в вестибюле бахилы. – У Алисы сейчас посетители, но минут через десять они уйдут, и вы сможете побеседовать. Я ее насчет вас уже предупредила, и она согласилась ответить на ваши вопросы.

Майор закрыл дверь и опустился в кресло напротив, кажется, не заметив, что при его появлении плюшевые зайцы на полках снова стали выглядеть как бойцовые песики.

– Хорошо, я подожду. Сколько она сможет уделить мне времени?

– Полчаса точно. Возможно, и чуть дольше, но говорить ей все ещё трудно. Прошу вас это учесть.

– Разумеется, – удовлетворенно кивнул оборотень и, откинувшись на спинку, испытующе на меня посмотрел. – Вчера у меня была беседа с вашим штатным патологоанатомом, Ольга Николаевна. И он очень лестно о вас отозвался. Сказал, что вы отличный хирург и вроде бы даже метите на более высокую должность...

Я качнула головой.

– О, нет. Поверьте, мне и на этой должности работы хватает.

Неожиданно дверь без предупреждения распахнулась, и на пороге возник чем-то обеспокоенный Юрий Иванович.

– Ольга...! – заметив широкие плечи майора, он осекся и неловко кашлянул. – Простите, Ольга Николаевна, не хотел мешать вашей беседе.

Я подняла на шефа недоуменный взгляд.

– Юрий Иванович? У вас ко мне что-то срочное?

– Нет, не очень. Просто я хотел сообщить, что вас хочет видеть посетитель.

Прекрасно зная, чья именно тень виднеется за спиной шефа, я с самым удрученным видом развела руками.

– Боюсь, ему придется подождать. Сейчас я занята.

В глазах шефа мелькнуло подозрение, но весь мой вид выражал самое искреннее сожаление. Нет, конечно, я была не против принять очередного посетителя. Какие вопросы? Это же моя работа. Но неотложные дела и суровый мужчина в штатском прямо-таки вынуждали меня заняться более важными вещами. Да и разве могла я подумать, что срочно кому-то понадобится ровно в восемь тридцать утра? Разумеется, я бы с удовольствием пообщалась с господином... чтоб его... Лисовским, но физически не могла этого сделать. А он, наверное, спешил? Он ведь занятый человек, и у него так много дел... видимо, придется перенести нашу встречу на другое время.

Шеф пару секунд пристально изучал выражение на моем кристально честном лице, а потом скептически поджал губы и закрыл дверь. Снаружи послышался его приглушенный голос, затем наступило короткое молчание. И, наконец, до меня донеслись звуки удаляющихся шагов.

– Думаю, Алиса освободилась, – тонко улыбнулась я, взглянув на гостя. – Вас проводить?

– Да, будьте так добры.

Я со всем уважением выпроводила гостя из кабинета и, уже спускаясь следом за ним по лестнице, подсмотрела в окно и увидела, как из ворот больницы вырвался серебристый джип. На этот раз я успела увидеть номера и поняла, что это совсем другая машина. Такого же цвета, той же марки, но все же другая. В смысле, целая. Впрочем, чему удивляться? Вряд ли руководитель большой компании мог себе позволить развезжать по городу на битой машине. Интересно, если я случайно разобью ему другую фару, у Лисовского найдется в гараже третий «гелендваген» такой же расцветки?

«Если ты поцарапаешь ему второй джип, он тебя приберет», – рассудительно заметил внутренний голос.

«И расплачиваться за царапины тебе точно придется в рассрочку», - не преминула съехидничать совесть.

«Или натурой», – не без злорадства заметила знаменитая ведьминская практичность, и после этого я все же отказалась от мысли подпортить лису еще одну тачку. Хотя, признаться, если бы не ограниченность в средствах, у меня бы хватило наглости это сделать.

– Алиса, познакомься с инспектором... то есть, с майором Гаврилюком, я тебе сегодня о нем говорила, - проворковала я, приведя оборотня в палату, где отдыхала лисичка. - Ты как? Сможешь ответить на несколько вопросов?

Алиса кивнула.

– Конечно. Только можно мне сесть?

Я без промедления кивнула, и девчонка, упершись ладошками в матрац, с видимым трудом приняла сидячее положение. К сожалению, восстанавливалась она гораздо медленнее, чем полагалось оборотню ее возраста, но, даже несмотря на врожденную патологию системы усвоения белков, прогресс был очень заметен. Решено: после обеда переведу ее в обычную палату. В одиночную. Напротив поста как раз одна освободилась.

– Спина затекла, - смущенно призналась Алиса, когда я поправила подушку и отошла в сторону. - Здравствуйте, товарищ майор. Папа говорил, что, скорее всего, полиция захочет меня навестить, но я не думала, что это случится так скоро.

Майор подошел и сел на стул, на котором не так давно сидел один из Лисовских.

– Здравствуй, Алиса. Что ты можешь мне рассказать о том вечере, когда тебя сбила машина?

Я перехватила быстрый взгляд девочки и осторожно поинтересовалась:

– Товарищ майор, я вам не мешаю?

– Нет, - после короткого раздумья отозвался пес, и Алиса тут же расслабилась. - Возможно, вы даже можете.

Я мысленно хмыкнула и, прислонившись плечом к косяку, ободряюще кивнула лисичке.

Все хорошо, милая, в моем присутствии тебе будет спокойнее.

– В тот день мы пошли в кино, – наморщив лоб, припомнила моя пациентка. – Я, две моих подруги с университета, Оля и Ира, и Ирин брат, который тоже учится в меде. Только на третьем курсе.

– Твои подруги... они люди? - поколебавшись, задал скользкий вопрос майор. - Ты хорошо их знаешь?

– Оля – человек. Ира и Володя – волки. У нас отдельные группы, - словно извиняясь, пояснила лисичка. - Отдельного медицинского факультета для нелюдей в университете нет. Но группы обычно формируют по расам. Оборотни с оборотнями. Вампиры с вампирами... Оля сама из двенадцатой группы. Мы с Ирой из третьей. Мы уже второй год втроем дружим, даже на дискотеки вместе ходим. И в кино.

Оборотень кивнул.

– Хорошо. В какой кинотеатр вы ходили в тот вечер?

– В «Люксор». Это недалеко отсюда. Там как раз показывали хороший фильм.

– Название помнишь?

– «Мама».

– Это же ужасник, - вслух удивилась я, и Алиса неожиданно покраснела.

– Я такие люблю. А Володя сказал, что это будет круто: пойти на вечерний сеанс и посмотреть ужасник на большом экране. Нервы пощекотать.

Я озадаченно кашлянула, потому что не разделяла увлечений молодежи, а вот майор ничуть не удивился. Только достал из кармана пиджака блокнот и что-то в нем черкнул.

– Во сколько закончился фильм? - спросил он, когда Алиса смущенно умолкла.

– Около девяти. Но в гардеробе было много народу, поэтому на улицу мы вышли только в половину десятого.

– Куда направились потом?

Лисичка удивилась.

– По домам, конечно. У Володи недалеко от кинотеатра машина стояла. Обещал нас подвезти.

– Так. И что же случилось дальше? – чуть подался вперед инспектор Гав.

Алиса едва заметно поморщилась, припоминая события того вечера.

– Мы вышли на улицу, свернули за угол... машину Володя оставил на дороге, потому что не смог припарковаться ближе, оказывается, на вечерние сеансы ходит довольно много народу. Пока мы шли, он все время пытался нас напугать. Ира и Оля смеялись. А я... ну, мне страшновато было, – призналась девочка. – Народу выходило за нами много, а когда мы добрались до машины, почти все разошлись. Потом мы подошли к авто... Оля села на переднее сидение. Володя открыл ей дверь. А мы с Ирккой решили забраться назад.

– Марку автомобиля помните? – перебил девочку оборотень.

– Форд «фиеста». Черного цвета. Номер не скажу – не обратила внимания.

– Хорошо, дальше.

– Я обошла машину слева, хотела открыть дверь, чтобы сесть, – с некоторым трудом припомнила Алиса. – Но перед этим по дороге машина прошла... снег убирала... а у Володи «форд» низкий, и после уборки снега рядом с ней образовался большой сугроб. Как раз возле двери. Володька ещё ругался на техслужбу. Могли бы хоть место оставить, чтобы в машину можно было залезть. Я отошла немного в сторону и назад, чтобы примять сапогами снег, потому что иначе дверь было не открыть...

– То есть, вы вышли на проезжую часть?

– Да, - виновато вздохнула Алиса. - Я не видела, что по той полосе едет машина. Мне показалось, там достаточно места. Но почти сразу сзади что-то взвизгнуло. Наверное, покрышки? Я увидела яркий свет со спины. Затем меня толкнули, кто-то закричал... и больше я ничего не помню.

Пока майор что-то записывал в своем блокноте, я стояла у двери и напряженно размышляла.

В принципе, это могла быть случайность. Водитель на крайней правой полосе отвлекся и не заметил, как сбил выскочившую на дорогу девочку. Он также мог испугаться того, что натворил и скрыться с места аварии, оставив лисичку умирать на асфальте. Если бы не друзья, она бы и впрямь погибла. Прямо там, у машины. И виновника вполне могли не найти, потому что район тут не самый престижный. Да и камеры висят далеко не везде. А номер машины друзья девочки могли попросту не увидеть.

– Почему вы пошли именно в этот кинотеатр? - неожиданно задал ещё один вопрос оборотень.
– Ты живешь в центре. Разве там мало хороших мест, где можно посмотреть с друзьями кино?

Алиса порозовела.

– Володя пригласил нас в этот. Они встречаются с Олей, поэтому он предложил заплатить за всех, а в других местах билеты слишком дорогие.

– Ясно, – с досадой отозвался майор и, задав ещё несколько формальных вопросов, поднялся. – Спасибо за помощь, Алиса. Если не возражаешь, я к тебе потом ещё загляну.

– Вам что-то в ее рассказе не понравилось? – тихонько спросила я, когда мы вышли в коридор, и оборотень собрался уходить.

Инспектор Гав внимательно на меня посмотрел.

– А вам?

– У нее слишком серьезные травмы для случайного наезда, – призналась я. – Даже если предположить, что девочку после удара отбросило на припаркованную машину, все повреждения аварией не объяснить.

У оборотня хищно блеснули глаза.

– Я тоже так считаю. К тому же, у меня есть показания очевидцев.

– И что они говорят? Ну, если, конечно, это не является тайной, – поспешила добавить я.

– На машине, которая сбила Алису, не было номеров, – ровно сообщил майор. – По описанию ее друзей, это был черный джип с большими колесами. Марку они не запомнили. Ударив девочку со спины и опрокинув ее на проезжую часть, водитель не просто уехал с места преступления. Он сдал назад и совершил наезд снова, протаскив девочку несколько десятков метров по проезжей части. Когда ребята добежали до того места, где лежала Алиса, машина развернулась и на большой скорости умчалась в ту же сторону, откуда приехала. Поэтому полученные травмы оказались для девочки такими серьезными: фактически джип переехал ее дважды. И сделал он это умышленно.

Весь день этот разговор не шел у меня из головы. Товарищ майор давно ушел, девочку благополучно вывели из реанимации, после уроков к ней снова наведалься брат. Ближе к вечеру из отделения один за другим ушли по домам доктора. Сменилась медсестра на посту. Большим

сделали вечерние процедуры. А я все сидела у себя в кабинете, потихоньку поела подаренные этим утром плюшки и задумчиво смотрела на падающий за окном снег, будучи не в силах разобраться, почему же меня так зацепила эта история.

Алиску было по-человечески жалко. Она оказалась славной девочкой, улыбчивой, доброй, какой-то светлой и удивительно чистой... и впрямь, как маленькое солнышко. Понятно, что при таком отце могли найтись люди и нелюди, готовые уничтожить даже такое чудо. Но непонятно, почему Лисовский раньше не предпринял действий, чтобы защитить своих детей, да и сейчас не торопился приставить к ним охрану.

Нет, насчет клиники беспокоиться ему было не нужно: пока Алиса у нас, ее никто не тронет. На защиту Юрий Иванович не скупился. Служащий охранником ведьмак был знатоком своего дела. Да и врачи у нас не простые люди, начиная от меня и заканчивая циклопом Лешкой.

Другое дело, что на месте Лисовского я бы этим не удовлетворилась. Однако охрану к девочке он до сих пор не приставил, а Андрей и вовсе бегает спокойно по городу. Хотя, может, вчера они ссорились ещё и поэтому? Андрей при всей своей серьезности был и оставался подростком. Вернее, подростком-оборотнем со своими комплексами и тараканами в голове. Мог ли он ответить категорическим «нет» на предложение приставить к нему охранника?

Прикинув, как бы выглядел парень, явившись вместе с ним в школу, я была вынуждена признать: да, мог. Ребята в его возрасте все как один считают себя самостоятельными. А появиться в школе с хмурым мордоворотом за спиной было, по их мнению, «не круто». Возможно, господин Лисовский тоже это понимает? Поэтому и не настаивает?

К тому времени, когда шеф засобирался домой, я уже погасила свет, заперла дверь и затаилась, перестав даже хрустеть нашедшимися в коробке вафлями, которые оказались на диво вкусными. Признаться, на этот раз Андрей меня удивил: помимо плюшек, внутри нашлось и медовое печенье, и шоколадные конфеты, и даже киндер-сюрприз. Достав оттуда яйцо, я искренне развеселилась и не захотела его есть, решив поставить на полку рядом с зайцами. А вот остальное с удовольствием схрумкала, оставив лишь небольшой запас на завтрашнее дежурство.

– Оля, ты ещё здесь? – вдруг раздался полный подозрения голос Юрия Ивановича из коридора.

Я от неожиданности чуть не подавилась и замерла, с тревогой уставившись на закрытую дверь. Господи! Неужели где-то прокололась?! Дверная ручка пару раз дернулась, словно шеф не поверил моей уловке. А затем снаружи раздался сердитый выдох и очень-очень недоброе:

– Ольга, открой. Я вижу твою ауру.

Да твою ж мать...

– Оля!

– Сейчас, – обреченно простонала я и, отставив коробку со сладостями в сторону, отправилась открывать.

– Это что ещё такое? – с нескрываемым раздражением уставился на меня полностью одетый шеф, держа в руке классический, давно устаревший, но горячо любимый дипломат. – Ты третий день подряд ночуешь в клинике. У тебя что, дома случился пожар? Или ты кого-то ждешь, когда все уходят?

Я аж подавилась.

Какого черта?! Он что, действительно считает, что у меня тут свидание?!

– Типун вам на язык, Юрьиваныч, – открестилась от подозрений я. – Мне просто домой идти не хочется. Холодно на улице. А у меня сапоги скользкие.

Шеф прищурился.

– Где твоя машина? Я не видел ее рядом с клиникой.

Тьфу ты. И тут прокол!

– На штраф-стоянке моя машина, – неохотно призналась я.

– Почему?

– Капот помялся. И движок забарахлил.

– Ты что, попала в аварию?! Когда?! И как ты вообще умудрилась?!

Громкий голос шефа разнесся по коридору и под конец фразы стал таким гулким, что мне показалось – его услышали даже больные в отделении.

– Ну, Юрьиваныч... ну что вы со мной, как с маленькой? Ну авария. Ну бывает. Хотя я и ведьма, но можно мне хоть раз сделать что-нибудь не так? Подумаешь, пару недель пешком похожу! Говорят, это даже полезно. А ещё я диссертацию скоро закончу. Глядишь, в следующем году и защититься успею...

– Оля! – взгляд шефа снова начал метать молнии, а губы сжались с такой силой, что превратились в тонкую ниточку. – Ну-ка собирайся. Бери сумку и идем. Я отвезу тебя домой.

Я заныла.

– Да зачем, Юрииваныч? Я и тут переночую. У меня вон кушетка есть, санузел под боком. Это ведь даже удобно – ночевать на работе! Никуда же ехать с утра не надо, можно подольше поспать...

– Оля!

– Ну что «Оля»?! – вконец рассердилась я. – Я уже тридцать с хвостиком лет «Оля»! И, между прочим, никогда не спрашиваю, что вы делаете тут до восьми или до девяти вечера, когда вас жена дома ждет!

Некромант ненадолго опешил.

– Ольга... ты что такое несешь?!

– А вы? Что я, закон нарушаю? Или помешаю кому-то, если пару раз тут по собственному желанию переночую?!

– Нет, конечно. Но я подумал, ты захочешь вернуться домой...

– Не захочу, – буркнула я. – Мне и тут вполне комфортно.

Вот именно. Я даже Кузьму предупредила, чтобы в ближайшее время не ждал. Обновила защитные заклинания на двери, закрыла окна, форточки, газ. Прихватила с собой личные вещи, косметику... это что, преступление?

– Ладно, - все еще сомневаясь, отступился шеф. – Хотя это, конечно, не дело. Сколько времени ты ещё без машины будешь?

– Недели полторы, не меньше.

– Может, попросить Игоря, чтобы прихватывал тебя по пути, а вечером завозил обратно?

Я поморщилась.

– Не надо. Ему ребенка из садика вечером забирать. А утром отвозить. И вообще, завтра опять дежурство, а я еще не все бумаги вам для отчета подготовила.

Шеф постоял, помолчал, с каким-то странным выражением рассматривая мое рассерженное лицо, а потом все-таки тихонько спросил:

– Оль, у тебя что, неприятности? Ты в последнее время сама не своя.

– У меня все в полном порядке, – заверила шефа я. - Честное слово, если приспичит, я, как настоящая ведьма, сяду на метлу и полечу куда угодно. Хоть домой, а хоть на край света. Так что идите, Юрий Иванович, домой. Завтра трудный день, и всем нам стоит хорошенько выспаться.

Не знаю, что еще хотел добавить мой внимательный шеф, но в этот момент у него в кармане зазвонил телефон. Судя по мелодии, звонила супруга – о чем-нибудь напомнить или же ласково пожурить пропадающего на работе мужа, который тоже стал слишком часто задерживаться. Ответив на звонок и услышав в трубке ее журчащий голос, наш строгий и местами даже суровый шеф расплылся в улыбке. После чего тут же позабыл про меня и, продолжая слушать нежный голосок своей второй половины, как сомнамбула отправился к лестнице. Тем самым избавив меня от необходимости врать.

– Уф, - выдохнула я, аккуратно прикрыв дверь и ткнувшись в нее лбом.

На сегодня пронесло: супруга шефа, можно сказать, меня спасла. Хотя, если он вспомнит об этом завтра поутру, то допроса точно не избежать. А ехать домой раньше времени ох как не хочется.

«Ладно, что-нибудь придумаю», - решила я, отлепляясь от двери и включая свет. Времени до ночи еще много, а мы, ведьмы, народ изобретательный, так что, если я найду способ отвлечь завтра шефа от себя, то он и не вспомнит, зачем сегодня заходил.

ГЛАВА 10

«Неделя и три дня до зарплаты... если не считать сегодня», - с такой мыслью я проснулась в шесть утра в четверг и тут же развила бурную деятельность. Еще до пятиминутки успела проверить отделение, посмотреть на больных, проведать Алису и, выловив пришедшего первым травматолога, попросила его провести пятиминутку без меня.

Игорь, конечно же, согласился. Когда меня не было, именно он выполнял обязанности заведующего. А я, сбросив на него формальности, ещё без пятнадцати восемь покинула отделение.

Что поделывать? Вчера я решила, что должна обсудить с рентгенологами технические характеристики заказанного ими флюорографа. А это дело небыстрое. Потом, получив от докторов нужные сведения, заглянула в лабораторию – своими глазами посмотреть на неисправный анализатор и принять от медсестры акт о списании. Затем позвонил слесарь и несканно «обрадовал» известием о том, что в подвале вышел из строя один из промышленных холодильников, где мы хранили кровь и замороженное мясо для оборотней...

Надо ли говорить, что часов до девяти я была занята, но впервые за долгое время не ворчала по поводу того, что в штате клиники не имелось зама по административно-хозяйственной части. Обычно меня эта работа раздражала, но сегодня я встретила слесаря дядю Ваню чуть ли не с улыбкой. Которая, впрочем, исчезла, когда выяснилось, зачем он меня вызвал.

Звонок шефа застал меня в тот момент, когда два здоровенных оборотня с пыхтением волокли к лифту неисправный холодильник, а я отчитывала вызванного по экстренности техника, который буквально на прошлой неделе доложил, что с оборудованием все в порядке. Не рискнув оставлять звонок главврача без ответа, я нажала кнопку «принять» и еще минут пять чиховостила недотепу-техника, пока тот не поклялся жизнью матери, что к понедельнику холодильник будет возвращен в клинику в идеальном состоянии.

– Вы хоть понимаете, что ваша безалаберность создала нам трудности в дежурный день? – бушевала я. – У нас по три десятка человек поступает за сутки! Половине потребуются человеческая кровь, а второй – сырое мясо! Хранить их вместе запрещает СанПин, а холодильников у нас всего два! И что, я теперь должна пакеты с кровью распахивать по всему отделению?! У себя в кабинете их хранить?! За окном на отлив?! Вам ведь еще неделю назад сообщили, что в одном из приборов стал подтекать антифриз!

– Простите, Ольга Николаевна, – пробормотал техник-леший. – Виноват. Это больше не повторится.

– Премии лишу, – сумрачно пообещала я, с трудом представляя, как мы будем выкручиваться из ситуации.

– Оля, ты занята? – очень-очень вежливо поинтересовался шеф, когда я выговорилась, а оборотни потащили неисправный прибор к ожидающей на заднем дворе «Газели».

– Да! – рывкнула я, все ещё пылая праведным гневом. – Оказывается, у нас негде хранить полсотни пакетов с кровью и свежемороженой плазмой! И я как раз раздумываю, а не транспортировать ли нам в подвал близлежащий сугроб!

Шеф тихонько хмыкнул.

– Боюсь, в сугробе не удастся стабильно сохранять нужную температуру. Но можно использовать бытовые приборы из платных палат. Емкость у них небольшая, но на полсотни пакетов их точно хватит. К тому же, половину пакетов вы сегодня разморозите и используете, а до следующего дежурного дня вопрос с холодильником наверняка решится.

– Будем надеяться, что решится, – проворчала я. А потом заметила, что оборотни поволокли тяжеленную камеру не к той двери и гаркнула: – Куда?! Иваныч! Покажи им запасный выход, нечего этой бандурой греметь в вестибюле!

– Ладно, работай, – после небольшой паузы разрешил некромант. – Я сейчас уезжаю в горздрав. Срочно вызвали. Потом поеду в фонд обязательного медицинского страхования. Так что до вечера меня, скорее всего, не будет. Но я на связи. Если понадобится, позвонишь.

Я перевела дух.

– Хорошо, Юрий Иванович. Не волнуйтесь, мы справимся.

На удивление, этот дежурный день начался тихо, и больных до обеда поступило всего трое: две бытовых травмы и перелом. Тяжелых пациентов не было, так что моего личного участия в процессе лечения не потребовалось.

Спокойно перекусив на пищеблоке, я даже начала надеяться, что мы в кои-то веки проживем четверг спокойно, но вот не зря говорят, что некоторые вещи нельзя говорить вслух. Как только я решила, что все хорошо, и вернулась в ординаторскую, то тут же нарвалась на неприятности.

Точнее, неприятность была всего одна. Правда, ну о-очень крупная, потому что, не удовлетворившись очередной отговоркой, господин Лисовский-старший надумал навестить свою дочь в неурочный час. Ровно в четырнадцать тридцать бессовестный лис явился в отделение, и мы нос к носу столкнулись с ним прямо в коридоре.

– Ольга Николаевна, вы можете уделить мне немного времени? – подозрительно вежливо осведомился этот гад. Причем гад умный и предусмотрительный! Одно слово: лис! Поднимаясь по лестнице, я по привычке посмотрела в окно, но серебристого джипа или других подозрительных машин у крыльца не было! Это что же, хвостатый решил схитрить?

Я принялась лихорадочно искать отговорку. Но тут, на мое счастье, снова зазвонил телефон.

– Ольга Николаевна! – испуганно сообщила в трубку регистратор приемного отделения. – У нас чэпэ!

И начала быстро-быстро говорить.

По мере того, как она докладывала ситуацию, я все больше холодела, а когда стал ясен масштаб проблемы, я развернулась и кинулась обратно в ординаторскую.

– Игорь, Толик! Бегом в приемное! Володя, предупреди Лешку, чтобы был наготове! Поднимайте персонал! Открывайте все операционные, включая малую, размораживайте кровь, готовьте перевязочный материал! У нас сейчас будет массовое поступление пациентов!

– Кто?

– Откуда?

– Сколько?! – почти одновременно прозвучали три немаловажных вопроса.

Я коротко выдохнула:

– На окружной пятнадцать минут назад перевернулся автобус со школьниками. Дети все наши, не люди. Ехали с концерта. Возраст от семи до двенадцати лет. Пока диспетчер «скорой» сообщила о двадцати четырех пострадавших, но, возможно, будет больше.

– Дети? – тревожно вздрогнул Игорь Васильевич. – Но мы же не занимаемся мелкими! Почему их везут к нам?

– Потому что мы ближайшие, – тихо проговорила я. – Ожидаемое время прибытия десять минут, так что за работу, господа. Сегодня никто из нас не уснет.

Быстрым шагом покинув ординаторскую, я в срочном порядке подняла все хирургические бригады, отзвонилась вниз, велев немедленно размораживать кровь и плазму всех групп. Предупредила процедурную сестру. Велела открыть кладовую, где хранились растворы.

Точный состав пострадавших нам, правда, не сообщили, но среди них были и оборотни, и лешие, и два домовенка и как минимум один вампир.

Уже даже не вспоминая ни о каком Лисовском, я сбежала по лестнице в приемный покой и, как только на улице завывала сирена «скорой», больше о нем не думала.

Мы, нелюди, гораздо трепетнее относимся к потомству, чем простые смертные. В первую очередь потому, что детей у нас рождается гораздо меньше, чем у них. Пара вампиров, к примеру, за всю свою жизнь была способна произвести на свет всего одного... максимум двух детей, и это в немалой степени повлияло на интерес клыкастых к медицине. В том числе и к вопросу об искусственном оплодотворении. У оборотней ситуация была лучше: они проще сходились с людьми. Хорошая генетическая и физиологическая совместимость позволяла им даже в смешанных парах производить на свет полноценное потомство. Конечно, тут были свои оговорки, и далеко не каждая женщина могла осчастливить мохнатиков потомством, но на то у них и был превосходный нюх, чтобы с первого взгляда определять потенциально подходящую пару.

У леших, русалок, кикимор, домовых и прочей мелочи возможностей образовывать пары с представителями других видов не было. Как и ограничений в рождаемости, впрочем. Но к детям и они относились с величайшим вниманием, а каждая смерть среди несовершеннолетних нелюдей вызывала невероятный общественный резонанс.

Всего за час к нам поступило полтора десятка пострадавших школьников. Слава богу, я вовремя позвонила диспетчеру «скорой» и напомнила, что для нейрохирургических вмешательств у нас нет специального оборудования. Несколько машин сразу перенаправили в другие клиники, поэтому до нас доехали не все дети. Но и тех, что поступили, хватило, чтобы мы в мыле пробегали остаток дня и большую часть вечера.

Операционные бригады работали без перерыва. Поступающих детей без промедления поднимали в отделение, а кого-то и сразу в реанимационный блок. Уже в лифте срезали с самых тяжелых одежду, ставили капельницу, обрабатывали раны и с максимально возможной скоростью готовили к экстренной операции.

К счастью, сложных среди них оказалось меньше половины. Как нам вдогонку сообщили врачи «скорой», автобус ехал по трассе на приличной скорости и по непонятной причине сперва опрокинулся, а затем принялся кувыркаться на дороге. Поскольку в больших автобусах ремней безопасности не предусматривалось, то детей в это время швыряло и бросало по салону. И лишь благодаря тому, что они были нелюдями, большинство отделалось неопасными переломами и ушибами, хотя почти всех поранило осколками стекол.

Самым тяжелым пациентом оказался восьмилетний мальчик-вампир, который во время аварии выпал из салона, прямо под колеса едущему сзади автомобилю. Переломало мальчишку настолько сильно, что во время операции Игорь влил в него четыре пакета крови и лишь после последнего из ран маленького нелюдя перестало кровить.

Надо сказать, уникальной особенностью вампиров была способность в считанные минуты останавливать даже очень сильное кровотечение. У простых смертных для этого образовывались тромбы, а у клыкастых в крови имелась особая субстанция, которая становилась активной лишь при получении повреждений. Вырабатывалась она в организме исключительно из компонентов заемной, донорской крови, а вступая в контакт с воздухом, превращалась в густую клейкую массу, которая, как жвачка, мгновенно закрывала поврежденные сосуды. Именно поэтому вампиров было так сложно убить. И по этой же причине им иногда требовалась человеческая кровь.

Израненным мальчишкой мы занимались часа четыре, пока угроза его жизни не миновала. А когда я выползла из операционной, то несказанно удивилась, обнаружив, что в холле отделения

по–прежнему сидит и терпеливо чего-то ждет господин Лисовский-старший. При виде меня он, как приличный нелюдь, даже соизволил подняться с кушетки, но тут мимо провезли девочку из операционной, и мне пришлось пойти с ней, чтобы проконтролировать, как она выйдет из искусственной комы, потому что места в реанимации на всех не хватило, и кого-то пришлось перевести сразу в палату.

Когда я оттуда вышла, в кармане снова зазвонил телефон.

Не глядя на упрямого лиса, я прошла мимо и прямо на ходу отругала знакомую болотницу, которая, ужасно стесняясь, попросила о внеочередном приеме. Проблема у нее была весьма щекотливой: сожительство с лешим, Анна испытывала проблемы в женской сфере, если лешак забывал предохраняться. А такое иногда случалось, и во время принятия болотницей второй формы это приводило к проращиванию семян. Если их не убрать из ее тела в течение двух часов после контакта, то семена нелюдя врастали намертво и могли покалечить. Поэтому, как я ни была занята с другими пациентами, все же велела:

– Приезжай!

А потом сухо добавила:

– И предупреди своего лешего, что в следующий раз я из обоих его шишек все чешуйки по одной выдеру. А своим корявым сучком он не сможет пользоваться минимум полгода, потому что я при первой же встрече обломаю его у основания!

– Спасибо, Ольга Николаевна! – радостно воскликнула Аня и отключилась. А я подавила тяжелый вздох, заскочила в ординаторскую, чтобы съесть что-нибудь сладкое, и снова ушла в операционную, благо там ещё оставались дети.

Уже часов в шесть вечера, закончив возиться с проблемной пациенткой, я поднялась из смотровой в отделение и в третий раз за этот день встретила внимательный взгляд Лисовского-старшего.

Блин! Ему что, делать нечего? Он взял выходной? Или вознамерился во что бы то ни стало обсудить старое предложение?!

– Ольга Николаевна! – неожиданно позвала меня наша бессменная помощница Яна, которой снова сегодня выпало сегодня дежурить. – Тот мальчик... вампир... ему нужна еще кровь. Но нужная группа у нас закончилась, а на станции переливания нам отказали!

Я замерла, не сводя взгляда от прищурившегося лиса.

– Как это, отказали?!

– Вот так. В той аварии пострадали не только дети, но и воспитатели, водитель... и ещё во втором автобусе были раненые. Не только наши, но и люди. Говорят, больницы во всем районе переполнены. И все требуют крови. На нас... там столько нет, - почти шепотом закончила медсестра, заставив меня медленно повернуть голову. – Что нам делать, Ольга Николаевна?

Я на мгновение прикрыла глаза.

Мальчишку мы и так вытянули с большим трудом. Юрию Ивановичу я позвонила сразу, как только увидела искалеченного вампиреныша, но шеф был, скорее всего, занят, поэтому трубку не взял. Так что над вампиром нам пришлось колдовать втроем: мне как основному хирургу, Игорю как травматологу и Володе как ассистенту, не считая стремительно теряющего силы циклопа, которого я специально берегла для крайне тяжелых больных. Поскольку циклоп у нас был один, то остальных детей пришлось оперировать под обычным наркозом. Но клыкастый

мальчик Женя оказался из той группы больных, давать которому наркозные средства было опасно. Поэтому Лешка вел его от самого приемного вплоть до палаты реанимации. И только когда стало ясно, что мальчик выжил, мы вздохнули с облегчением.

А теперь, выходит, все труды были напрасны?!

Я отвернулась от лиса и тяжело посмотрела на Яну. Но делать нечего: когда не было крови на станции переливания, а с отменой оплаты за сдачу донорам такие ситуации встречались все чаще, то кровь приходилось сдавать сотрудникам. Да, даже санитарам, потому что иногда попросту не из чего было выбирать: или поделиться собственными эритроцитами, или же потерять пациента.

– Какая у него группа? – отрывисто спросила я у медсестры, уже прикидывая, кого из подчиненных можно будет попросить об услуге.

– Четвертая отрицательная, – тихо ответила Яна.

Блин. Редкая группа. Реже просто не бывает, в том числе и у нелюдей. Даже среди наших сотрудников был всего один разумный с такой группой крови.

Я.

– Готовь систему, – отрывисто бросила я, направляясь к двери в реанимацию и прямо на ходу расстегивая халат. – Сделаем прямое переливание.

– Но, Ольга Николаевна! А как же...

– Делай, – спокойно повторила я, заходя внутрь. – Ругаться со станцией переливания я буду позже. Мальчик сейчас важнее.

Яна тяжело вздохнула, но она тоже все понимала, поэтому без единого возражения побежала в подсобку – искать системы для переливания крови и готовить все для несложной, но утомительной процедуры.

В начале восьмого я вошла в ординаторскую и обвела строгим взглядом торопливо жующих докторов.

– Как у нас дела?

– Все живы, – доложил Игорь, жадно вгрызаясь в бутерброд и закусывая его конфетой. – Все стабильны. Пятерых я оставил в реанимации до утра, остальные в палатах, отдыхают.

Я благодарно кивнула и, ненадолго поднявшись к себе, вернулась, неся в руках коробку со сладостями. Нечестно было бы поесть их в одиночестве, когда работали все одинаково и так же одинаково сегодня выложились. Тем более, день ещё не закончился, и кто знает, чья жизнь будет зависеть от докторов, которые по каким-то причинам не устели восстановить потраченную на детей магию.

Да, это было забавно, но интенсивность работы нашего дара напрямую зависела от уровня глюкозы в крови. Когда мы насыщались, дар восстанавливался быстрее и проще. На голодный желудок он, конечно, тоже восстанавливался... но медленнее и не за счет глюкозы, которой с голодухи не хватало, а за счет других элементов: белков, например. Или жиров. Собственно, в этом и заключалась причина патологической стройности магически одаренных разумных. При регулярном использовании магии лишние калории попросту сгорали, а при моей работе они, наверное, даже до клеток не доходили, потому что на смене есть я хотела постоянно. Надо ли говорить, что вчерашний подарок Андрея оказался более чем кстати?

Когда я вернулась, то неожиданно заметила, что в холле больше никого не нет: Лисовский ушел. Однако, когда я выглянула в окно, то обнаружила, что на стоянке... метрах в тридцати от крыльца... по-прежнему стояла его машина.

«Ну и пусть», – устало подумала я, налив горячий кофе и присев на диван к коллегам. – «Плевать. Лишь бы не лез с расспросами».

Лисовский и правда больше не полез. К нам никто не заглядывал, ни о чем не просил, но время от времени доктора, убегающие проведать маленьких пациентов, тихонько удивлялись:

– Вот же упертый мужик. Целый день тут торчит. Оль, может, хватит его динамить?

Я равнодушно пожала плечами, но в холл так и не вышла. Ровно до тех пор, пока в клинику не начали прибывать обеспокоенные родители, а вместе с ними не появился один прекрасно знакомый майор.

– Ольга Николаевна, вы можете уделить мне несколько минут? – пробасил инспектор Гав, когда я со вздохом поднялась и вышла-таки в коридор. Лисовского поблизости не было. Но, когда я повела майора наверх, то через открытую дверь Алискиной палаты успела увидеть его массивную фигуру.

– Ольга Николаевна, что вы можете рассказать о состоянии здоровья пострадавших в аварии детей?

Я вкратце доложила обстановку и не без гордости добавила, что никого из маленьких пациентов мы не потеряли. Да, врачи устали. Даже я в магическом плане оказалась истощена. Уснувшего прямо на диванчике в ординаторской Лешку мы вообще решили до утра не трогать. Но детишки были в порядке. Завтра мы кого-то уже выпишем. Некоторых поддержим до послезавтра. И лишь те пятеро из реанимации, включая мальчика-вампира, пробудут у нас как минимум до понедельника.

Когда мы закончили беседовать, за окном уже царил непроглядная темень. Мои врачи как могли успокоили встревоженных родителей. Большинство изъявило желание ночевать вместе с детьми, так что нам пришлось поломать голову, как их всех разместить и при этом не доставить неудобства другим пациентам.

Но ближе к девяти все успокоилось и утряслось. Мальчик Женя пришел в себя и снова потребовал крови. Пришлось делиться, после чего он благополучно уснул. Раны у остальных детишек стали подживать. Других пострадавших к нам больше не привозили. Шеф тоже, наконец, отзвонился, но я уговорила его не возвращаться в клинику, ведь все проблемы мы уже уладили. Даже за вампиреньша можно было не бояться. А толпу журналистов, которые, прослышав про аварию, бегом примчались под двери приемного покоя, разогнал ставший неожиданно любезным майор. Да-да, тот самый, Гаврилюк. Благодаря его вмешательству никто не доставал нас с расспросами, не лез в отделение ради эксклюзивного интервью. Не трогал детей. Не беспокоил и без того испереживавшихся родителей. А когда в вестибюль вышла я и дала очень короткую справку, были до того счастливы, что вскоре благополучно рассосались.

В четверть десятого я, как обычно, зашла проведать Алису и непроизвольно улыбнулась, когда увидела, как девочка с трудом, но все же стоит у постели. Руки, которыми она держалась за спинку, дрожали, ноги подгибались, однако она упрямо пыталась сохранить равновесие и под зазорные восклицания брата очень старалась сделать хотя бы один шаг.

– Андрей, ей ещё рано, – с укором заметила я, мысленно порадовавшись, что Лисовский-старший наконец-то уехал. Его не было в палате. Он не болтался в коридоре. И даже машина со стоянки исчезла, что не могло не поднять мое настроение.

– Здра-а-асти, Ольга Николаевна, – разулыбался молодой лис, обернувшись на голос. – А я вам гостинец принес!

– Еще один? – притворно ужаснулась я, а Алиса тем временем с усталым «уф» присела на краешек постели.

– Ага. Тут неподалеку кафешка новая открылась, поэтому я вам на пробу конфеты взял. Вы же, как говорят, эксперт?

Я едва сдержалась, чтобы не отвесить ерничающему парню ещё один подзатыльник.

– Я эксперт лишь по травмам, хвостатый. Не более того.

– Но плюшки вы ведь любите?

Я тяжело вздохнула.

– Люблю.

И, поколебавшись, все-таки взяла у парня коробку с шоколадными конфетами. Не столько для себя, сколько для уставших коллег. Однако не успела я пожелать детям спокойной ночи и проводить Андрея до выхода, как за окном снова завывла сирена «скорой». Дежурный день ещё не закончился, поэтому было бы наивно ожидать, что больше никто не поступит.

Кликнув из ординаторской Игорька, я бегом спустилась вниз, надеясь, что это не припозднившийся пациент с места аварии. Однако, когда из кареты «скорой» медбрат выкатил каталку, у меня тревожно екнуло сердце: на ней лежал бледный как полотно Сергей Долгоруков. И, судя по огнестрельной ране в правой стороне его груди, на этот раз дело обстояло гораздо серьезнее, чем обычно.

ГЛАВА 11

Вампир находился в том пограничном состоянии, когда какой-то частью сознания все видел, слышал, чувствовал, но при этом не имел возможности реагировать. Этакое физическое оцепенение сродни глубокому шоку, которое нередко наступало у клыкастиков при тяжелых повреждениях. Заметив неподвижный взгляд Сергея и его диковато расширенные зрачки, я тут же распорядилась вколоть ему обезболивающее, начать инфузию синтетической крови и, не дожидаясь, пока будут оформлены все бумажки, велела поднимать парня в операционную.

Пока его готовили, позвонила Себастьяну Долгорукову. Его телефон, как нашего главного спонсора, всегда был у меня под рукой. Однако вампир оказался не дома и даже не в России – уехал на европейский симпозиум по лекарствам. Но узнав о ситуации с сыном, сказал, что вылетает обратно первым же рейсом. Заодно спросил, не нужно ли нам что-то для Сергея. А когда я призналась, что человеческая кровь его группы подходит к концу, тут же сказал, что все уладит.

С Сергеем бригада хирургом возилась больше трех часов. Поскольку Лешка был вымотан и не мог гарантировать качественного «наркоза» на столь длительный срок, а обычные наркозные средства являлись для вампиров смертельным ядом, мне пришлось занять его место. И на протяжении всей операции поддерживать состояние искусственной комы, при этом внимательно следя за жизненными показателями вампира.

Уже потом, когда доктора удалили пулю, почистили рану и собрали воедино осколки грудины и ребер, стало ясно, что синтетической крови для регенерации Сережке не хватит. Частые травмы сделали его организм более уязвимым к повреждениям, менее устойчивым и резко замедлили процессы восстановления. Поэтому ближе к концу операции я велела разбудить циклопа, передала сложного пациента ему, а сама в третий раз за вечер обнажила руку и вынужденно пожертвовала ещё одну порцию крови. Просто потому, что у Сергея, как и мальчика Жени, кровь была той самой редкой группы, которую станция переливания нам сегодня так больше и не дала.

К счастью, Долгорукий-старший не подвел, и к тому моменту, когда его сыну понадобилась очередное вливание, в больницу прибыл курьер с большой сумкой-холодильником. Внутри находилось достаточно крови, чтобы нам больше не пришлось ломать голову над тем, как помочь двум израненным вампирам. Откуда она взялась, я не спрашивала: ходили слухи, что у клыкастых существовали свои базы доноров и свои же банки крови. Но курьер записал мой телефон и сообщил, что к утру прибудет ещё одна порция, поэтому можно не экономить.

Лишь благодаря этому Сережку нам удалось-таки вытащить с того света. Огромная рана в его груди практически закрылась, всю гадость из плевральной полости мы тоже выкачали, но дренаж до утра все же решили оставить. Завтра утром снимок сделаем, а там посмотрим, как пойдет.

– Повезло парню, – устало выдохнул Володя, сложив инструменты в лоток. – Подстрелили его знатно. Чуть-чуть бы левее, и сердце разнесло бы в клочья.

– А где пуля? – спохватилась я, торопливо вытирая руки.

Один из коллег молча кивнул на гору окровавленных тампонов, среди которых затерялся кусок свинца. Взяв чистый корнцанг, я порылась им в мусоре, а когда выудила на свет божий расплюснутую, похожую на уродливого осьминога пулю, то невольно вздрогнула: я такую совсем недавно уже видела. В морге. У Саныча. Но могло ли это быть случайным совпадением?

– Я ее заберу, если не возражаете, – задумчиво уронила я и поискала взглядом, куда бы бросить гадость. – Володь, посмотри, у нас ещё стерильные пакеты есть?

– Сейчас найду... вот, держи.

Я бросила в подставленный пакетик свинцового «осьминога», отложила испачканный корнцанг в лоток с грязными инструментами и, аккуратно закрыв пакет, убрала его в карман.

Покажу завтра коту. Пусть сравнит. А то, может, на экспертизу майору Гаврилку отдаст. Мне ужасно не нравилось происходящее и особенно тот факт, что за двое суток к нам поступило сразу два вампира с одинаковыми ранениями, причем один из них на момент поступления уже был трупом, а второй, если бы «скорая» опоздала хоть на полчаса, с великой долей вероятности испустил бы дух на операционном столе.

– Иди, отдыхай, – с сочувствием посмотрел на меня Володя. – Ты сегодня была молодцом, Оль. Если бы не ты, мы бы наверняка потеряли обоих.

Это он про мальчика и Серегу?

Я устало кивнула и, оставив грязный халат в подсобке, потащилась вверх. К себе. По пути машинально оценивая свои резервы и мысленно прикидывая, что бы еще съесть. Без приличной дозы быстро усваиваемой глюкозы к утру мне грозило превратиться в старую калошу. Собственно, процесс уже начался, иначе мне не было бы так тяжело подниматься на один-единственный лестничный пролет. Чтобы не упасть, я была вынуждена остановиться на

ступеньках дважды и пару минут постоять, держась за перила. А часа через три процесс восстановления магического дара пойдет уже полным ходом, и вот тогда от меня останется наполовину высушенная, обессиленная и очень-очень несчастная мумия.

Правда, когда я поднялась на третий этаж, оказалось, что у двери кабинета меня ожидал сюрприз – большая, украшенная большущим рыжим бантом картонная коробка, поверх которой лежала красивая открытка.

– «Самому лучшему врачу», - гласила на ней слегка корявая, будто ее писали впопыхах, надпись.

Я открыла коробку и устало улыбнулась: внутри лежал шоколадный торт.

Андрюшка...

Вот прохвост, а я даже не заметила, когда он ушел! И ведь не забыл про свое обещание, когда-то успел слетать в ту самую кафешку и только что в буквальном смысле слова спас мне жизнь. Хотя, пожалуй, не только мне... плохих врачей у нас в отделении не было, поэтому я прижала коробку к груди и направилась вниз. К докторам.

Остаток ночи, как ни странно, прошел спокойно.

«Скорая» будила нас всего трижды, что для зимы, можно сказать, ничто. Так что отдохнуть и восстановить силы я успела. Даже поспала немного, что вообще чудо. А уже под утро одна из медсестричек сообщила, что у нас возникла проблема: она не смогла подготовить двух плановых пациентов к операции, потому что наша фирменная клизма после удара шваброй окончательно глюкнулась и стала нападать на больных.

«Ну, Медведев...» – раздраженно подумала я. - «В следующий раз ты первый под эту клизму ляжешь!»

А вслух сказала:

– Выключите ее и готовьте больных обычным способом.

– Так это... не выключается она, Ольга Николаевна, - шепотом призналась сестричка. – Дистанционное управление сломано, а в руки эта гадость не дается. Целое утро мечется по клизменной, атакует всех, кто сунется внутрь... такая агрессивная, что мне даже пациентов туда неудобно заводить. Санитарочка пыталась ее поймать, но безуспешно – клизма слишком быстро летает. И ещё она... простите... так и норовит всунуть наконечник кому-нибудь в зубы.

Ну вот только летающей клизмой мне не хватало заниматься с утра пораньше!

– Воспользуйся санитарной комнатой, - распорядилась я. Сейчас у меня были более важные проблемы. - А клизменную закрой на ключ, а то не дай бог туда сунутся дети.

Медсестричка кивнула и убежала, а я обошла реанимационных больных, на минутку заглянула к Алисе, хотя лисичка в присмотре уже не нуждалась. Андрея еще не было, но сестра сказала, у него начались экзамены, поэтому он придет позже. А то, может, и совсем не придет, потому что к учебе относился очень ответственно.

Мысленно пожелав парню удачи, я распорядилась снять с лисички последние бинты, велела ей расширять режим, пообещала в понедельник выписать. После чего отправилась на пятиминутку, а закончив с текущими делами, завернула в палату к выздоравливающему вампиру.

– Здра-а-асти, Ольга Николаевна, – как всегда жизнерадостно протянул Сергей, полулежа на больничной койке. Рядом стоял лоток со стерильным инструментом, тампонами и бинтами. - А я снова к вам. Видимо, не судьба нам так просто расстаться.

Я сняла с него повязку и, увидев, что рана быстро подживает, покачала головой.

Хорошо, что курьер от Долгорукого-старшего так быстро прибыл: у Сережки дыра на половину грудной клетки была, а сегодня уже так, последствия недельной давности. И повязка почти сухая. Вот что кровь животворящая с вампирами делает.

Я надела перчатки и ощупала края раны.

– Ну давай, рассказывай, чудо мое, как ты докатился до жизни такой. Пёреломы – еще ладно. К ним мы почти привыкли. Но где ты пулю-то умудрился схлопотать? Ты же вроде приличный парень.

И вот тут вампир впервые на моей памяти резко помрачнел.

– Не знаю, Ольга Николаевна.

– Не знаешь? - недоверчиво переспросила я, попутно обрабатывая рану, но Сергей лишь качнул головой.

– Я даже не увидел, откуда мне прилетело. Шел себе по улице... домой возвращался...

– Откуда? Тебя же совсем недавно выписали!

– Ну... нога была почти в порядке, - смущенно кашлянул наш постоянный пациент. - Даже не болела. Поэтому я решил – чего сидеть дома? И выбрался в клуб на вечеринку. С друзьями.

– Если ты мне сейчас скажешь, что еще и танцевать там пытался...

– Ну что вы, Ольга Николаевна! Я же не дурак. Помню про штифты и про то, что их скоро надо будет убирать... я только на диване чуток посидел. С девушкой познакомился. Хотел ее до дома проводить... она живет неподалеку от клуба. Буквально на соседней улице. Ну, я и подумал: ничего страшного. Сперва ее провожу, потом домой отправлюсь. А когда мы вышли и завернули за угол, я... не знаю, - на мгновение задумался он. – Кажется, я сперва все-таки поскользнулся, а потом в меня выстрелили... или, может, наоборот? Я не уверен, все слишком быстро произошло. Помню только, как меня толкнуло в спину. На лице стало мокро. Кажется, я ткнулся носом в сугроб, который почему-то стал красным. Потом Анжела что-то крикнула. Меня заклинило. Она испугалась и убежала за помощью. А я...

Сергей неожиданно замолк.

– Я его видел, – вдруг тихо сказал он, посмотрев на меня так пристально, что я едва не вздрогнула. - Я видел убийцу. Когда Анжела убежала, он откуда-то вывернулся и подошел ко мне. У него в руке была винтовка. От него пахло порохом... и псиной.

Вот теперь я вздрогнула по-настоящему.

– Хочешь сказать, в тебя стрелял оборотень?!

– Я запомнил его запах, – сжал челюсти молодой вампир. - Очень сильный. Незнакомый и резкий, словно пес был сразу после линьки. Он подошел совсем близко, но лица я не разглядел – на нем был капюшон.

– Как он выглядел?

– Рост выше среднего, - после небольшой паузы отозвался Сергей. – Не очень крупный. В толпе он бы точно не выделялся. Если бы не запах... но пес подошел слишком близко. Он наставил на меня ствол. Только выстрелить не успел – Анжела как раз вернулась и привела с собой охранников из клуба. Да и народ начал собираться... вроде. Потом приехала «скорая»,и пока меня грузили в машину, я отрубился. Очнулся уже здесь. Медсестра сказала, что это вы меня спасли?

Я только вздохнула.

– Всей бригадой тебя спасали. Повезло тебе: пуля прошла возле сердца, но не задела его. Только поэтому ты живой.

– Спасибо, Ольга Николаевна, – серьезно сказал вампир. – Я ваш должник.

– Да бог с тобой, – отмахнулась я и, закончив с раной, сняла перчатки. - Выздоровливай давай. Если все пойдет хорошо, к понедельнику можно будет с ногой твоей заканчивать и выписывать тебя домой. Главное, чтобы крови хватило.

Сергей виновато улыбнулся, а я вышла и, не успев сказать медсестре, чтобы убрала из палаты лоток с инструментами, наткнулась на невысокого, худого, но очень дорого одетого вампира со смутно знакомыми чертами лица.

Себастьян Долгорукий. Генеральный директор крупнейшей в стране фармацевтической компании. Один из старейших вампиров столицы. И очень уважаемый среди клыкастиков индивид, который, к тому же, уже несколько лет поддерживал нашу клинику финансово.

– Здравствуйте, Себастьян Германович – сказала я, мысленно удивляясь, как он сумел так быстро вернуться из Европы. Хотя о чем разговор? Частный рейс, вот и вся загадка.

Долгорукий-старший коротко поклонился.

– Доброе утро, Ольга Николаевна. Я знаю, что вы сделали для моего сына. Позвольте вас поблагодарить.

Я улыбнулась.

– Без вашей помощи мы бы не справились.

– И все же... – старейший вампир столицы протянул мне руку. – Я у вас в долгу.

Я на мгновение опешила: обычно клыкастые избегали физического контакта с представителями других рас. Температура их тела была гораздо ниже, чем, скажем, у людей или оборотней. И пожать кому-то руку для вампира было сродни рукопожатию с включенным в розетку утюгом. Так что, когда клыкастый протянул ладонь, фактически это означало, что он предложил дружбу со всем своим кланом.

Мне-ведьме. Здесь, сейчас. Всего лишь за то, что я поделилась кровью с его единственным сыном.

Я очень осторожно пожала узкую кисть.

– Это вам спасибо, Себастьян Германович. Благодаря вам мы смогли сохранить не одну, а сразу две жизни.

– Дети – это святое, – подтвердил вампир и, раздвинув губы в улыбке, прошел в палату к сыну. А я собралась подняться к себе, но на полпути вдруг обнаружила, что возле дверей оперблока меня ждет Александр Лисовский. Да, снова. Кажется, этот упертый лис во что бы то ни стало вознамерился пообщаться. И на этот раз у меня не было отговорок, чтобы послать его куда подальше.

– Ольга Николаевна? - спокойно обратился ко мне лис, загораживая единственный выход из отделения. – Мы можем поговорить?

Я тяжело вздохнула: пятница начиналась скверно. А до зарплаты оставалась ещё неделя и целых два дня!

Пока я ломала голову, как отвязаться от оборотня, за дверью клизменной метнулась невнятная тень, а затем в матированное стекло кто-то вежливо постучал.

Угу. Изнутри. Тук... тук... тук-тук...

Я присмотрелась и чуть не вздрогнула, заметив, что с той стороны двери к стеклу прикикло нечто непонятное и принялось размеренно в него долбиться чем-то узким, твердым, смутно похожим на клюв. Или, может, на пластиковый наконечник? Честное слово, у меня прямо мурашки по спине побежали, когда я осознала, что наша клизма действительно сошла с ума и теперь настойчиво стучится в запертую дверь. Липнет к ней своим резиновым телом. Скребется. Долбится. И, словно личинка «чужих» настойчиво обшаривает дверь в поисках лазейки.

Случись такое ночью, точно кондратий бы кого-нибудь обнял. Нет, надо с этой гадостью разобраться, пока не случилось беды.

– Свет, помоги-ка мне, – махнула я постовой медсестре, а когда та подошла, повернула в замке ключ. Съехавшая с катушек клизма при этом отскочила куда-то вглубь комнаты и затаилась. – Давай так: я ее сейчас попробую инактивировать, а ты смотри, чтобы эта сволочь не сбежала.

– Надо бы ее в угол загнать, – озабоченно сказала девушка. – Так будет проще ее выловить.

– Посмотрим по ходу дела, – проворчала я и открыла дверь.

В клизменной было пусто. На нас никто не напал, не подстерег у порога, и на первый взгляд нашей ненормальной клизмы нигде не было видно. Я даже на потолок покосилась, за дверь заглянула, но и там никого не оказалось.

– Клизма-а-а... ау, ты где? – тихонько позвала я, держа наготове заклинание.

И тишина-а в ответ.

– Клизма? Ты тут? - так же тихонько спросила Света, заглядывая в помещение через мое плечо.

И снова нам никто не ответил.

– Может, она вас испугалась? - предположила медсестричка, когда стало ясно, что наша противница решила поиграть в прятки.

– Думаешь, она различает нас по статусу?

– Не знаю, Ольга Николаевна. Но на меня она сегодня прямо с ходу набросилась. А при виде пациента ее аж всю перекорежило.

– Точно! – сообразила я. – Она же активируется на пациентов! Надо срочно сюда кого-нибудь позвать. Только без халата. Давай... найди нам добровольца.

Света выглянула в коридор, и почти сразу снаружи раздался ее смущенный голос:

– Извините, пожалуйста, вы нам не можете?

Следом раздались уверенные твердые шаги, но прежде, чем я сообразила, КОГО ИМЕННО могла позвать медсестра, в клизменную заглянул Лисовский-старший.

– В чем дело?

Когда меня в третий раз окутало мягкое облако его потрясающего парфюма, я аж зубами скрипнула, но делать нечего – в углу, за ведрами, что-то явственно зашебурилось, поэтому пришлось взять себя в руки и бросить лису:

– Снимите халат. Нам нужна приманка.

– Для кого? – совершенно искреннее озадачился лис.

– Вот для нее, – любезно пояснила я и ткнула пальцем в сторону подозрительного угла, где из-под мокрой тряпки выполз и заинтересованно покрутился пластиковый наконечник.

При виде него у Лисовского высоко взлетели вверх брови, но, надо отдать ему должное, встречи с загадочным «зверем» он не испугался. И не отступил, даже когда из-под тряпки раздалось эротичное, слегка хрипловатое «здравствуйте...». Пока лис не передумал, я отступила в сторону, пропуская его внутрь. Он, поколебавшись, все же зашел. Мы со Светой дружно приготовились ловить сумасшедший прибор... но даже я не ожидала, что как только лис приблизится к кушетке, из угла с воинственным «уии-и-и!» выпрыгнет проклятая клизма. Ее наконечник был нацелен точно в рот опешившему оборотню. Гибкая трубка, соединявшая его с резервуаром для воды, была изогнута на манер лисьего хвоста. Внутри резиновой емкости что-то отчетливо побулькивало. И я всерьез испугалась, что эта дрянь успеет впрыснуть содержимое прямо в разинутую от изумления пасть нашего представительного гостя.

Однако Лисовский опомнился мгновенно. Стоило опасной противнице оказаться от него расстоянии удара, как тело оборотня словно поплыло, размазало в воздухе. Он коротко рыкнул и взмахнул рукой. Блеснули под неярким светом лампы острые когти. Следом донесся звук удара. Обиженное «хруп», затем «хлоп» и, наконец, «плюх». После чего нам под ноги с размаху шлепнулся располованный когтями кусок резины, из которого, как из разорванного бурдюка, вытекала прозрачная жидкость.

– Что это было? – все еще ошеломленно спросил Лисовский, выпрямляясь и пряча когти.

Надо признать, длинные когти, каждый – почти в мой палец длиной. Эх, жаль, я на руку его сразу не посмотрела, поэтому не успела увидеть, какого же все-таки цвета у этого ирода шерсть. Небось белая, потому что с появлением этого лиса в моей жизни наступил полный песец. Причем здоровущий, жирный и, по ходу дела, вечный, поскольку портить мне настроение этот гад явно планировал и дальше.

Посмотрев на то, что осталось от клизмы, я хмуро бросила лису:

– Поздравляю. Вы испортили нам дорогостоящий прибор.

– Я испортил?! – изумился Лисовский.

Я пожала плечами и, левитацией подняв останки в воздух, демонстративно принялась изучать следы от когтей.

– Кто же еще? От вас требовалось лишь помочь с поимкой, а вы вместо этого взяли и уничтожили ценный артефакт. Свет, как думаешь, отпечатки пальцев с нее можно снять?

Сестричка бросила на оборотня испуганный взгляд.

– Н-не знаю.

– А мне отчего-то кажется, что можно. На. Отнеси-ка Санычу. И еще кое-что прихвати, – вовремя вспомнила про пулю я. – В оперблоке лежит. На тумбочке. Скажешь, что от меня. А по прибору оформи акт умышленной порчи казенного имущества.

На холеной морде лиса появилось какое-то усталое выражение.

– Это глупо, Ольга Николаевна. Неужели вы считаете, что у меня не хватит средств, чтобы оплатить стоимость какой-то там клизмы?

– Это очень важный для отделения прибор, – сухо отозвалась я и отвернулась. – Можно сказать раритетный, поэтому его ценность трудно переоценить. Что же касается вашей платежеспособности, то мне она неизвестна.

– Ольга...

«Пошел к черту», – мысленно по слогам произнесла я. А почувствовав на плече тяжелую лапищу, с приглушенным рыком обернулась.

Да, рычать я тоже умею, не хуже некоторых. Неудивительно, что, натолкнувшись на мой бешеный взгляд, Лисовский отпрянул, а я некстати подумала, что на такого гада просто преступлением было изводить такой превосходный парфюм.

«Да там же феромоны!» – вдруг дошло до меня. – «Или афродизиак какой, чтобы самок привлекать! Вот же сволочь! Теперь понятно, отчего по нему бабы с ума сходят!»

Да, обычно оборотни пахли довольно сильно. Не потом и не грязными носками, что вы. Просто пахли... как звери. Причем чем сильнее была их вторая ипостась, тем мощнее от оборотня исходил звериный дух. Сами оборотни от этого не страдали, а вот для представителей других рас этот запах не могу сказать, что был приятным. Просто, если в прежние времена, когда мохнатые обитали в лесах, это не доставляло забот, то с переездом в густонаселенные города эта особенность стала довольно серьезной проблемой.

Насколько я знала, мохнатые уже давно пытались создать средство для смягчения своего природного запаха. Такое, чтобы не влияло на их обостренное обоняние. Разработки, конечно, были. Некоторые даже успешно использовались на практике. Но я пока не слышала, чтобы кто-то добился стойкого эффекта. По-видимому, одной из дочерних компании Лисовского получилось решить эту проблему, поэтому-то наглый лис и пах так привлекательно. А присутствия его звериной ипостаси абсолютно не наблюдалось.

– Ольга Николаевна?

– Да! – рявкнула я, толком даже не разобравшись, кто и зачем меня зовет. А потом увидела стоящую у соседней палаты миловидную вампиришу и смутилась. – Извините. Что вы хотели?

Вампириша молча подошла и поцеловала меня в щеку.

– Спасибо вам большое. За Женьку.

Я от неожиданности даже растерялась, а она тем временем взяла меня за руку и попросила:

– Вы не могли бы с ним поговорить?

– Э-э... да, конечно. У него какая-то проблема?

Вампирша неловко кивнула.

– Идемте, - без колебаний согласилась я и вместе с матерью направилась в палату.

Собственно, я бы даже с чертом под ручку согласилась бы пойти, лишь бы больше не общаться с Лисовским. Само его присутствие выводило меня из себя. Его холеная морда, тщательно уложенные волосы, дорогая одежда, аккуратный маникюр, его манера говорить... блин! Меня даже запах его бесконечно раздражал! Именно потому, что был слишком хорош для этого самодовольного лиса!

Зайдя в палату и обнаружив сидящего на краю постели вампиреныша, я удивленно спросила:

– Жень, что случилось?

Мальчик поднял на меня грустные-прегрустные глаза.

– Тетя доктор, а шрамы на лице у меня останутся?

– Ну что ты, солнышко? Какие шрамы?! Всего день-два, и ты будешь как новенький!

Маленький вампир огорченно вздохнул.

– Жалко.

– Что? - изумилась я и вопросительно повернулась к матери, но та лишь развела руками. – Ты хочешь, чтобы у тебя остались шрамы после аварии?!

– Ничего вы не понимаете, - вздохнул мальчик. - Шрамы – это же круто. Намного круче, чем наклейки.

Я чуть не поперхнулась от такого заявления. А затем перехватила умоляющий взгляд вампириши и присела на краешек постели.

– Жень, могу тебе по опыту сказать, что шрамы – это совсем не круто. А знаешь почему?

– Нет, - сердито буркнул пацан. Тогда я наклонилась ближе и доверительным шепотом сообщила:

– Не круто постоянно носить один и тот же шрам. Гораздо прикольнее, когда сегодня он у тебя в одном месте, завтра в другом...

– А такое разве бывает?! – вскинулся вампиреныш к вящей оторопи мамочки.

Я с умным видом кивнула.

– Только тс-с. У нас в городе всего один специалист, который умеет делать такие штуки. И он, кстати, работает здесь, у нас. Его Сан Санычем зовут.

Глаза воинственного вампиреньша загорелись фанатичным огнем.

– Тетя доктор, а вы можете меня с ним познакомить?!

– Могу. Даже более того, попрошу его сделать тебе такой клевый шрам, что от него все девочки в классе визжать будут. Неделку его поносишь. Потом надоест, и Саныч тебе новый нарисует.

– Так это просто татуировка... – разочарованно протянул Женька. - Не. Это неинтересно.

– Какая татуировка? – оскорбилась я. - Все натуральное. В лучшем виде. С рваными краями и даже с кровью, если захочешь. Это даже лучше, чем грим. Это же ма-ги-я, солнце! И шрам будет почти настоящим. Только съёмным. Как клыки у людей на Хэллоуин. Но там одно условие нужно – чтобы магия хорошо легла, кожа должна быть абсолютно чистой. Без природных шрамов, ясно?

На мордочке Женьки проступило задумчивое выражение, а его мама затаила дыхание.

– Ладно, – наконец, неохотно признал пацан. – Вы правы: это гораздо круче. Можно хоть каждую неделю придумывать себе новую штуку и показывать в школе, чтобы все завидовали. Где искать этого вашего Сан Саныча?

– Я твоей маме телефон дам, - пообещала я и поднялась с постели. - А ты давай, пей кровь и хорошо кушай, иначе «крутого» шрама у тебя ещё долго не будет.

Пацан клятвенно пообещал, что от крови больше отказываться не будет, и прямо на наших глазах вылакал целый стакан, который, похоже, мама все утро уговаривала сынишку выпить.

Ну вот и ладушки.

Я удовлетворенно кивнула и вышла, по пути успев услышать от вампирши почти беззвучное «спасибо». Казалось бы, все уладила, все решила и сделала. Даже от лиса дурного сумела отвязаться. Но стоило мне выйти в коридор, как стало ясно, что у нас ещё одна проблема: пока я беседовала с Женькой, из палаты вышел отец Сергея. И, судя по его окаменевшему лицу, он уже знал, кто именно пытался убить его сына.

Надо сказать, что, если Долгорукий-старший был почти что князем среди столичной вампирской диаспоры, то Александр Лисовский занимал среди оборотней особое положение. Его слово было очень весомым для всех семей. Так что думаю, не ошибусь, если предположу, что для столичных оборотней Лисовский-старший был кем-то сродни вожака вожаков.

Сейчас же эти двое стояли посреди коридора и смотрели друг на друга как заклятые враги. Вампир что-то тихо говорил. У оборотня прямо на глазах начало каменеть лицо. Пальцы на руках сжались в кулаки. А во всей фигуре появилось столько напряжения, что мне стало ясно: если этих двоих не отвлечь, произойдет что-то нехорошее.

В этот же самый момент в конце коридора открылась дверь, и на пороге появился Лисовский-младший. Довольный, румяный с мороза, с очередной коробкой в руке. Однако при виде вампира его лицо мгновенно вытянулось, а в глазах проступила звериная желтизна.

– Себастьян Германович! – поспешила вмешаться я, пока вампир не остался один на один с двумя лисами, которые, похоже, прекрасно знали его в лицо. - Себастьян Германович! Прошу прощения, что отвлекаю, но мне надо срочно с вами поговорить!

Вампир умолк, все еще продолжая буравить глазами более рослого и массивного оборотня. А я в это время вежливо взяла его под руку.

– Это очень важно, - твердо сказала я, подметив, что Лисовский-старший очень близок к боевой трансформации. Не знаю уж, что именно сказал ему вампир, но лучше бы ему не продолжать. У хвостатого вон пополнение подросло. А вампиру помочь в этой ситуации могла только я.

– Отец? – плавным, но на редкость быстрым движением к нам скользнул Андрей и встал с Лисовским-старшим плечом к плечу.

Я сделала ему молчаливый знак, и парень, на удивление, понял. Он не стал накалять обстановку, а вместо этого положил отцу руку на плечо и спокойно сказал:

– Тебя Алиса зовут.

У оборотня что-то неуловимо изменилось в глазах. А затем он с усилием перевел взгляд на сына и переспросил:

– Алиса?

– Да, отец. Пойдем. Ты ей нужен, – Андрей сжал отцовское плечо и аккуратно отвел Лисовского-старшего в сторону. А я тем временем так же осторожно выпроводила из отделения заледеневшего вампира, старательно заговаривая ему зубы. Не думаю, правда, что он заметил мои усилия, но на какое-то время его это отвлекло. Так что, оказавшись за дверью, он даже нашел в себе силы улыбнуться и вежливо со мной попрощаться.

Меня при этом едва не бросило в дрожь: улыбка у вампира получилась жуткой. И если окажется, что к нападению на его сына действительно причастен оборотень... боюсь, в столице наступят нелегкие времена.

ГЛАВА 12

Наверное, не зря говорят, что, если день начался паршиво, то быть ему паршивым до самого конца. Со мной такое уже случилось, но я до последнего надеялась, что новых неприятностей сегодня не случится.

Угу. Щаз!

Ближе к концу рабочего дня на общий обход неожиданно появился шеф. Мало того, что поздно. Мало того, что без предупреждения. Так он, осмотрев пострадавших в аварии детей, половину велел выписать! Нет, я, конечно, понимаю, что с переломом руки, да ещё и без смещения, вполне можно лечиться дома. Но дети чисто психологически ещё не успели переварить свои травмы. А родители не успели тем более. В лице отделения они обрели временный дом и некоторую стабильность, основой которой послужило стойкое ощущение, что они под присмотром врачей, а значит, в надежных руках. Но шеф даже слушать ничего не захотел! Домой и все! Даже до понедельника не дал детишек подержать. Кровь, сказал он, можно пить и на родной кухне. Есть сырое мясо – тем более. Капельницы при таких повреждениях не нужны. А раз не нужны, то нечего и койки занимать, тем более что в свете грядущей потери спонсоров больницу придется перевести на экономный режим.

Увы. Деньги и сейчас в медицине решали очень многое. Но что же будет дальше, если мы не можем позволить нашим пациентам чисто по-человечески отлежаться и прийти в себя?

Придется докторам задержаться дольше обычного, чтобы оформить выписки. Затем придется пересматривать режим работы на следующую неделю, чтобы иметь возможность амбулаторно принять маленьких пациентов, которым, само собой, через несколько дней надо будет явиться кому на осмотр, кому на перевязку. А у докторов же плановые операции есть. Следовательно, надо заново планировать график. Причем тогда, когда он был уже составлен и утвержден.

– Юрьиваныч, Алису тоже прикажете выписать? – осведомилась я, когда обход подошел к концу, и мы собрались в ординаторской.

Шеф на мгновение задумался.

– Нет. Девочке нужна реабилитация, а с таким врожденным дефектом, как у нее, потребность в капельницах сохранится еще несколько дней.

– Как насчет Долгорукого?

– Когда вы планируете снять штифты?

– Игорь? – я вопросительно взглянула на лечащего врача. Тот поднялся с диванчика, словно мы находились на официальной конференции, и доложил:

– Вообще собирался в понедельник. Но я завтра дежурю, так что, в принципе, могу сразу и убрать. Снимки мы уже сделали – с костью все в порядке. Нагрузку выдержит, поэтому необходимости в штифтах больше нет.

– Так и сделайте, – кивнул шеф. – В понедельник его тоже домой. Сколько на выходные останется пациентов в отделении?

– Пятнадцать, – хмуро отозвалась я. – Включая семерых несовершеннолетних, Долгорукого и Лисовскую.

– В понедельник ещё шестеро плановых поступят, – счел нужным добавить Володя. – Из них трое моих. Грыжи и варикозные вены.

– И ещё двое во вторник, – доложил Игорь. – Там чисто платные пациенты.

Юрий Иванович подсчитал что-то в уме и кивнул.

– Хорошо. Платные больные нам нужны, но до дежурства с ними надо будет все закончить. Ольга Николаевна, вам есть что добавить по отделению?

Я покачала головой.

– Тогда все свободны. Можете отправляться по домам. Ольга Николаевна, вы тоже, – с нажимом заявил шеф, повергнув меня в состояние тихой паники. – Да-да, езжайте домой. Отдыхать. Как все остальные доктора. Вы меня слышали?

– Да.

– Отлично. Поскольку у вас сейчас проблемы с транспортом, то я сам вас отвезу, – окончательно добил меня Юрий Иванович. – И чтобы до понедельника никто из сотрудников в отделении вас больше не видел.

Я помрачнела.

Это была катастрофа! В холодильнике у меня было хоть шаром покати (пачкапельменей полутороговой давности не в счет). Здесь меня хотя бы на пищеблоке подкармливали, а дома что? Денег на еду не осталось. Занимать было стыдно. Но даже если и занимать, то точно не у коллег по работе.

Эх, Юрьиваныч...

– Ольга Николаевна, я заберу вас отсюда в шесть, – не терпящим возражения тоном заявил шеф и так на меня при этом посмотрел, что я поняла: увильнуть не удастся.

И оно действительно не удалось. За оставшееся до конца рабочего дня время (а у начальства рабочий день заканчивался позже, чем у простых смертных) я перепробовала все мыслимые и немыслимые уловки, лишь бы не отправляться домой вместе с шефом. Но отговорка насчет незаконченных отчетов его не смутила. По поводу недописанной диссертации он только отмахнулся – мол, позже закончишь. Про заявку на дополнительное оборудования велел забыть до следующего года. А когда я напомнила про пациентов, невозмутимо заявил, что тяжелых среди них нет, а значит дежурного врача вполне хватит для наблюдения.

Ровно в шесть он демонстративно остановился у двери моего кабинета.

Я в это время нервно меряла шагами пространство между окном и столом в тщетной надежде, что шеф передумает. Не передумал. Когда я не явилась точно в срок, некромант зашел в кабинет и с подозрением на меня воззрился. Но поскольку я была уже одета, то оставил мысли при себе и демонстративным жестом предложил мне выйти, словно полагал, что я в последний момент исчезну или же предпочту его машине обыкновенную метлу.

Что за дикость?

На метлах приличные ведьмы уже давно не летали – жестко, холодно и неудобно. Теперь вместо метел и ступ у нас были обычные авто. Ну а то, что их магически модернизировали, это уже детали.

«Бедная моя машинка», – печально вздохнула я, забираясь на сидение старенькой «ауди». – «Подожди, не плачь, сразу после новогодних праздников я тебя выкуплю»...

Шеф молча забрался на водительское сидение, бросил назад дипломат, привычным движением включил радио, и после этого я окончательно смирилась с неизбежным. Само собой, по дороге некромант несколько раз пытался завести разговор о моих проблемах, но я была расстроена, поэтому отвечала неохотно. А под конец и вовсе замолчала, всем видом показывая, что не настроена изливать душу.

Прощались мы скупно. Шеф, напоследок вздохнув, пожелал мне хороших выходных. А я, буркнув что-то приличествующее случаю, с ворчанием потащилась в почти пустую, унылую квартиру, где, к тому же, было совершенно нечего есть.

Кузьма встретил меня радостным уханьем из вентиляционной трубы, но сварить пельмени на ужин у нас не получилось: как оказалось, даже с помощью магии нельзя привести в порядок полуфабрикат, чей срок годности закончился больше года назад. Пришлось выкинуть эту гадость в ведро и лечь спать голодной. Из-за чего мне всю ночь снились всевозможные булочки, кренделя, пирожные и шоколадные конфеты в большой картонной упаковке.

Зато утром меня осенила поистине гениальная идея: едва проснувшись, я набрала номер своей подружки-ведьмы, с которой давно не виделась, и напросилась в гости. Та, как водится, под такое дело обзвонила своих подружек и пригласила их на маленький непродолжительный шабаш. Ну, в итоге шабаш получился совсем не маленьким и очень даже продолжительным, поэтому домой я вернулась уже под вечер. Зато сытая, довольная и слегка нетрезвая.

Радости моей не было предела ещё и потому, что Ленка, с которой мы дружили со школьной скамьи, под пьяную лавочку неожиданно вспомнила, что лет двадцать назад брала у меня в долг сто рублей. Но, поскольку за прошедшие годы на эту скромную сумму успели набежать проценты, то подруга, изрядно шатаясь, торжественно вручила мне целых две тысячи рубликов.

По дороге домой я заскочила в первый попавшийся супермаркет и прям шиканула. Аж на три пакетика семечек, засахаренный арахис, большую пачку чипсов и просто огромный шоколадный торт.

Половину торта мы с Кузьмой уничтожили сразу. Бедный домовый так соскучился, что даже не отказался составить мне компанию, хотя обычно это лохматое глазастое чудо не высовывало нос из вентиляции, а еде предпочитало человеческие эмоции. Правда, плюшками он побаловаться не отказывался. А сегодня за компанию даже коньячка тяпнул (у меня была бутылочка в заначке), после чего мы с ним на пару развалились на диване и, сыто шурясь, до позднего вечера грызли орешки и чипсы, а заодно тарачились в зомбо-ящик, по которому вдруг решили показать позапрошлогодний «Голубой огонек».

Часов в десять вечера раздался телефонный звонок. Мелодия нейтральная, входящий номер неизвестен.

Глянув на экран смартфона, я лениво зевнула, но все же потянулась за трубкой и, тыкнув на кнопку «принять», томным голосом промурлыкала:

– Да-а?

– Ольга Николаевна? – раздался в трубке подозрительно знакомый голос. – Добрый вечер. Это Лисовский.

Твою ж мать!

Я чуть с дивана не свалилась и, что самое ужасное, едва не протрезвела.

Какая сволочь посмела дать ему мой номер, а?! Узнаю – придушу!

– Ольга Николаевна? – с ноткой неуверенности раздалось из трубки.

Я беспомощно посмотрела на блаженно шурящегося Кузьку и беззвучно взмолилась ему: «Выручай!»

Кузьма удивился донельзя, но послушно заметался взглядом по сторонам в поисках решения проблемы. Правда, ничего путного не нашел. И не придумал ничего лучше, чем цапнуть пульт от телевизора и тыкнуть на первую попавшуюся кнопку в надежде, что это поможет избавиться от незваного гостя.

Тыкнул он на редкость неудачно: это оказался канал для взрослых. На экране замелькали обнаженные тела, послышались томные ахи-вздохи. Я даже слегка порозовела, представив, что подумал Лисовский, когда их услышал. Но ситуацию надо было спасать, поэтому я погрозила Кузьке кулаком, а сама припомнила эротичный голосок ныне почившей клизмы и выдала в трубку первое, что пришло в голову:

– Здравствуйте. Вас приветствует служба «Секс по телефону». Меня зовут Анджела Большие Титьки, и я готова исполнить самые смелые ваши фантазии...

В телефоне наступило гнетущее молчание, а затем раздалась короткие гудки.

Мы с домовым переглянулись и настороженно уставились на телефон, будто он мог рвануть или разразиться потоком ругани. А потом вдруг осознали, что именно я сказала, и одновременно расхохотались.

Анджела Большие Титьки...

Господи боже! Честное слово, даже я от себя такого не ожидала. Но благотворное воздействие алкоголя, по-видимому, сняло некий внутренний запрет, и я прямо расслабилась, осознав, что проклятого лиса больше не нужно избегать. Я у себя дома вообще-то. Кто может меня заставить с ним разговаривать?! Может, стоило раньше послать его к демонам? Не соблюдать определенные рамки. Не вести себя как леди. Я ведь ведьма, черт побери. И могла себе позволить быть ехидной, вредной и даже наглой, если это не касалось исполнения моих непосредственных обязанностей.

Через некоторое время звонок раздался снова – настойчивый, требовательный. Номер тот же. Правда, на этот раз я успела прийти в себя, поэтому велела Кузьме включить канал с боевиками и, как только он нашел подходящий, нажала кнопку «принять».

– Да пристрели ты этого бешеного лиса! – во весь голос гаркнул на экране колоритный ковбой из какого-то старого вестерна.

– Да это не лис, – возразил ему второй ковбой. – Просто собака... правда, тоже бешеная.

– Какая разница?! Все равно пристрели!

Я злодейски улынулась и на этот раз нажала «отбой» сама. Ну что, господин Лисовский, как вам ТАКОЙ разговор?

Разумеется, через минуту звонок раздался снова.

Я пощелкала пультом и, включив звук на максимум, ответила на вызов.

– Алло? Ольга Николаевна?

– МАРУСЯ! ОТ СЧАСТЬЯ СЛЕЗЫ ЛЬЕТ! – грянул из зомбо-ящика хор МВД. – КАК ГУСЛИ, ДУША ЕЕ ПОЕТ...

Лисовский (надеюсь, он там оглох) снова отключился. Но через короткий промежуток времени позвонил снова. Видно, заглянул сперва в записную книжку и, проверив, правильно ли записал номер, решил рискнуть ещё разок.

Я больше отвечать не захотела, поэтому выключила звук. Но к этому моменту Кузьма окончательно разобрался в происходящем, не на шутку развеселился и, отобрав у меня пульт с телефоном, ответил сам. Тонким, похожим на детский голосок.

– Алле?

– Эм... – раздался в трубке уже недоверчивый, явственно напряженный голос. – Ольга Николаевна?

– МА-А-АМ. ТУТ ТЕБЯ КАКОЙ-ТО МУЖИК ДОМОГАЕТСЯ! – вдруг во весь голос заорал Кузьма, заставив меня сдавленно хихикнуть и тут же зажать рот руками. А домовый тем временем вошел в раж и уже другим голосом, мужским, рыкнул: – ЧТО ЕЩЕ ЗА МУЖИК?! ГДЕ ОН?! ДАЙ СЮДА ТРУБКУ, И Я ЕМУ СЕЙЧАС ОБОРВУ ВСЕ...

Что именно Кузьма собрался оторвать влиятельному лису, мы так и не узнали – в трубке снова раздались короткие гудки. Меня после этого окончательно пробило на «хи-хи», а домовой довольно сощурился.

Какое-то время мы с ним с болезненным любопытством посматривали на лежащий на диване смартфон, но тот не оживал минут, наверное, десять. А стоило экрану снова засветиться, предвещая очередной звонок, как Кузька быстрее молнии сцапал телефон, включил громкую связь и, немилосердно фальшивя, загорланил прямо в микрофон:

– ЭНД А-А-АЙ ВИЛ ОЛВЕЙС ЛАВ Ю-У-У-У!

– Оля?! – изумленно переспросил из трубки совсем не тот голос, который мы ожидали услышать. - Что у тебя происходит?!

– Ой. Шеф! – ахнула я и, отобрав у Кузьмы телефон, смущенно кашлянула. – Добрый вечер, Юрий Иванович. Простите. У нас тут это... небольшая вечеринка. Караоке, все такое...

– Мне только что звонил Александр Александрович Лисовский. Ты его помнишь. Говорит, что не может до тебя дозвониться.

– Что-то со связью, наверное, – не моргнув глазом соврала я. Кузьма в это время громко захрустел засахаренными орешками.

– Ольга, ты можешь с ним поговорить? – строго осведомился тем временем некромант. - Понимаю, что это твое личное время...

Вот именно!

– Но тут нестандартная ситуация, - продолжал гнуть свое шеф. - Всю неделю ты была очень занята. Я понимаю. Но у Александра Александровича, к сожалению, тоже не так много свободного времени. Поэтому я счел возможным дать ему твой номер телефона. Поговори с ним, пожалуйста.

Я кисло улыбнулась: ну спасибо вам большое, Юрий Иванович! А я-то гадаю, кто это умудрился меня так подставить!

– Оля? Ты меня слышишь? – отчего-то насторожился шеф.

– Слышу, – буркнула я. - Но не могу сейчас поговорить с Александром Александровичем по объективным причинам.

– Это ещё по каким?

Я покосилась на балующего с пультом и азартно хрустящего орехами Кузьму.

– У меня гости.

– Оля, я тебя прошу...

Домовой, как назло, снова ошибся каналом, и из телевизора снова понеслись ахи-охи.

– Оля, у тебя кто-то есть? - недоверчиво переспросил шеф, заставив меня закатить глаза.

– Да, Юрьиваныч. Есть.

«Ага. Кузьма, торт, телек и пульт от телека».

– И мы очень заняты, - твердо сообщила я, а домовый в это время взял да и прибавил звук на телевизоре.

Охи-ахи стали громче, к ним добавились провокационные стоны. Зажав трубку у уха, я кинулась отбирать у мелкого пакостника пульт, а для этого пришлось изрядно попрыгать и погоняться за ним по дивану. Но в конце концов я его выловила, отшлепала, дернула за мохнатое ухо, отчего Кузька жалобно взвыл. После этого канал для взрослых я все-таки выключила, но к тому моменту шеф изрядно озадачился и, кажется, даже смутился.

– Оль, извини, если я помешал...

– Ничего, Юрьваныч. Мы все равно скоро спать пойдем.

– Мы? – странным голосом переспросил он.

– Угу. В постели меня ждут два прекрасных, нежнейших и безотказных существа, которых я очень люблю и в чьи заботливые руки отдаюсь почти каждую ночь. Если это все, то спокойной ночи, шеф.

– Спокойной, - ещё более странным голосом отозвался некромант.

Я с облегчением отключилась. Затем отыскала взглядом спрятавшегося за диваном Кузьму. Хмыкнула, обнаружив, что половину орехов он все-таки успел умять. Но махнула рукой (ничего, на завтра у меня еще полторта осталось) и отправилась в нежные объятия подушки и одеяла – самых верных друзей, которые приняли меня в постели как родную.

ГЛАВА 13

В воскресенье я отсыпалась, похмелялась и ленилась, как и положено уважающей себя ведьме. От голода меня спас вчерашний торт. Остатки коньяка избавили от тяжести в голове. Тихонько бормочущий телевизор слегка разбавил навязчивую воскресной тишиной скуку. А на улице в это время снова зарядила метель, так что из постели я решила до обеда не вылезать.

Правда, обостренное чувство ответственности за пациентов заставило после обеда взять телефон и позвонить в отделение. Оказалось, что там все хорошо: Сергея благополучно прооперировали, штифты из кости удалили, рану на ноге ушили, ткани срастили, так что уже завтра вампир сможет уйти домой на своих двоих и даже без костылей.

По детям и Алисе вопросов не было – детишки уже всю носились по отделению, лисичка начала потихоньку выбираться в коридор. А единственное происшествие, которое произошло этим утром, стало результатом встречи Сергея Долгорукого и явившегося навестить сестренку Андрея Лисовского.

Вампир, как выяснилось, тоже вышел в коридор, потому что торчать в палате ему уже надоело. Андрей в это время как раз помогал сестре заново учиться ходить. В коридоре они встретились и, как водится, сцепились, причем инициировал ссору, конечно же разобиженный на оборотней вампир. Андрей лишь огрызнулся, но так, что там чуть клочья шерсти не полетели. По словам медсестры, они едва не устроили драку. И лишь угроза сообщить о ссоре мне заставила парней разойтись обратно по палатам.

Лисовский-старший звонить мне больше не порывался. Шеф тоже не тревожил. Однако, когда я всерьез задумалась, кого бы попросить подбросить меня завтра до работы и не стоит ли отправиться туда уже сегодня вечером, Юрий Иванович все же решил меня побеспокоить. Насчет вчерашнего, к счастью, ничего не сказал, просто предупредил, что с утра заедет. Я поблагодарила его за заботу и отключилась, все ещё чувствуя себя немного неловко.

Утром ровно в полседьмого у дома припарковалась черная «ауди» со знакомыми номерами. Я выскочила из подъезда, кутаясь в теплую шубку, и, пока бежала до машины, окинула сонный двор тоскливым взглядом. Припаркованных машин было много, даже, пожалуй, слишком для такого маленького дворика, и даже сейчас моему «жуку» не нашлось бы там места.

«Могли бы и на стоянку поставить, - сердито подумала я, пробегая мимо чьей-то полностью занесенной снегом машины. – Вон, не меньше недели уже стоит, никому не нужная. А кто-то другой каждый день автомобилем пользуется и не может на ночь припарковаться! Ну что за люди, а?!»

Все еще ворча на несознательных соседей, я нырнула в теплую машину шефа и блаженно выдохнула: морозец сегодня выдался особенно кусачим, так что меня даже за несколько секунд успело чувствительно прихватить. По прогнозам синоптиков, холода будут стоять до середины января, так что фига с два я пешком поеду с работы. Лучше там еще недельку поночую. А на новогодние праздники я бы и вовсе махнула на юга. Жаль, что дежурства на это время никто не отменит, но такая уж у нас работа: нелюди, как и люди, болеют в любое время года. А уж травм в новогодние праздники всегда столько, что впору еще один дежурный день брать. И то, может, не хватит.

До работы мы доехали молча.

Шеф так и не рискнул спросить насчет субботы, а мне было неловко ему напоминать, чтобы извиниться за Кузьку. В итоге, зайдя в клинику, мы так же молча разбрелись по кабинетам, а ещё через полчаса начался обычный рабочий день.

После пятиминутки и общего обхода я первым же делом спустилась в морг, к Санычу, чтобы узнать, что он выяснил про Серегину пулю. Но когда я зашла, оказалась, что кот не один – в кабинете у него сидел майор Гаврилюк и с задумчивым видом рассматривал что-то на столе.

– О, привет, Оль! – осклабился Сан Саныч, когда услышал цокот моих каблучков по кафелю. – Заходи. У меня скверные новости!

Я с подозрением посмотрела на кота.

– Ты так это сказал, будто новости на самом деле отличные, но лично для меня это информация из разряда «лучше бы не знать».

– Так и есть, – сухо подтвердил инспектор Гав, освободив для меня единственное кресло в кабинете Саныча. – Рад встрече, Ольга Николаевна. И при этом очень не рад причине, по которой она произошла. Это вы передали последнюю пулю на проверку?

Я кивнула и села.

– Да. А что с ней?

– Ты была права, - с довольным видом прищурился кот. – Помнишь того вампира, которого мы с тобой вскрывали? Майор сегодня подтвердил, что, скорее всего, в Долгорукого стреляли такими же пулями и из такого же оружия!

– Сергей сказал, что видел оборотня с винтовкой...

– Мы уже проверяем информацию, - бросил майор. – С парнем я уже сегодня побеседовал, показания взял. Его девушка и охранник клуба тоже подтвердили, что видели постороннего. Но тот скрылся до того, как охранник успел его догнать.

– Охранник был вампиром? - с сомнением переспросила я.

– Да. Но убийцу за углом ждала машина... большой черный джип... предположительно Тойота «ленд-крузер»... так что поймать его не удалось.

Я вскинула на оборотня настороженный взгляд.

– Как вы сказали?! Черный джип?!

– Совершенно верно, Ольга Николаевна, – без улыбки подтвердил тот, поправляя пальто. - Но прошу вас не распространяться на эту тему до окончания расследования. Саныч, спасибо за помощь. Пулю я, разумеется, заберу на экспертизу. Всего хорошего.

Мы с котом проводили майора взглядами, а когда за оборотнем закрылась дверь, Саныч задумчиво пошевелил усами.

– А самое интересное знаешь в чем?

Я повернулась к баюну.

– Это далеко не первая пуля, которую я нахожу в телах убитых клыкастиков. И даже не вторая, Оль.

– Что?! – вздрогнула я. – Хочешь сказать, помимо того мужчины, из такого оружия убили кого-то еще?

– За последние три месяца мне довелось провести осмотр четырех таких трупов, Оль. В позвоночнике одного из них застряла пуля. В трех других случаях снаряд прошел навывлет и испортил где стену, где мусорный бак, так что майор обошелся без моей помощи.

– Это означает, что на вампиров кто-то открыл охоту? - недоверчиво переспросила я. – У нас что, по городу разгуливает маньяк с винтовкой, который стреляет в клыкастиков разрывными патронами?!

Сан Саныч вздохнул.

– Боюсь, проблема возникла не только у клыкастиков... помнишь, я как-то сказал, что в последнее время мне много травмированных тащат на экспертизу?

– Ну... да.

– Так вот, с ними тоже не все просто. Майор, правда, запретил об этом распространяться...

– Саныч. Да ты издеваешься, что ли?!

– Ну да, – снова вздохнул кот. – Раз уж начал, то чего останавливаться. Тем более, у тебя в знакомых есть не только вампир, но и парочка видных оборотней...

– Саныч! – окончательно рассвирепела я.

– Ладно! Ладно, шуми, - страдальчески поморщился наш штатный патологоанатом. – Собственно, я лишь хотел сказать, что если в вампиров кто-то тайком стреляет в темное время суток, то оборотней попросту давят машинами.

Я оторопела.

– В каком это смысле?!

– В прямом. Убитых вампиров я вскрывал всего четверых. А переломанных оборотней мне за эти три месяца привезли в два раза больше! – сварливо отозвался кот. – И почти во всех случаях это были аварии. По поводу причин и виновников я как-то не интересовался, но после третьего случая задумался. Оборотни же не идиоты – по проезжей части только малолетки могут сдуру носиться. На спор. По глупой удали. Из желания покрасоваться... но у меня тут побывали в основном оборотни в возрасте, Оль. Лисы, волки, даже один медведь! За это время показатель аварий со смертельным исходом вырос в четыре раза! И вот сегодня я спросил у майора: а все ли случаи раскрыты? И знаешь, что он мне сказал?

– Что? - едва слышно спросила я.

– Ни одного! – воскликнул кот. – Представляешь, Оль?! Ни одного! Аварии были одиночными, в них страдали исключительно оборотни! И за прошедшие месяцы почти не было ни свидетелей, ни следов виновника...

У меня перед глазами все поплыло. И еще вдруг припомнился интерес майора к случившейся в прошлый четверг аварии на окружной.

– Не все, Саныч... – прошептала я, будучи не в силах поверить, что такое возможно.

– Что «не все»? – не понял кот.

– Не все аварии были одиночными. На той неделе на трассе перевернулся автобус с детьми...

Саныч замер. А потом вскинул на меня тревожный взгляд.

– Да нет. Не может быть!

– А если может? - едва слышно уронила я.

– Думаешь, между оборотнями и вампирами разгорается война?!

У меня перед глазами, как наяву, встала недавняя картина, когда Лисовский-старший и Долгорукий-старший цедили друг другу взаимные оскорбления. Нет, между клыкастиками и мохнатиками и раньше наблюдались трения. Одни были рослыми, другие худенькими. Оборотни обожали риск и экстремальные виды спорта, вампиры, наоборот, предпочитали спокойные профессии и избегали лишних травм. Одни имели вторую ипостась, вторые – нет. У оборотней был густой волосистой покров даже в человеческом облике, а вампиры, наоборот, отличались гладкой, ровной кожей, тогда как растительность у них росла исключительно на голове. Одни ели сырое мясо, другие предпочитали пить кровь. Кто-то рыл себе логова, а кто-то забивался в темные подземелья... эти расы издревле конкурировали во всех областях, которые так или иначе затрагивали сферы их интересов. Пару раз даже до войн дело доходило! Но в последние несколько столетий они вели себя тихо, цивилизованно. До умышленных и массовых убийств дело больше не доводило.

А тут, выходит, перемирие было нарушено?!

– Не знаю, Саныч, – наконец, тяжело уронила я. – Но если ты прав, и оборотни с вампирами снова вспомнят старые обиды, то столица захлебнется в крови.

– Майор тоже так сказал, – тихо признался кот.

Именно тогда я окончательно поняла, что у нас и впрямь крупные неприятности.

Ровно в десять утра в ворота клиники одна за другой заехали две машины: большой серебристый «гелендваген» и сверкающий на солнце черный «гранд чероки» с запоминающимся номером «911». Остановившись возле крыльца, авто какое-то время просто стояли, но затем из них почти одновременно вышли Лисовский-старший и Себастьян Германович Долгорукий, при этом демонстративно игнорируя друг друга.

Когда эта парочка появилась у входа в отделение, у меня чуть инфаркт не случился и промелькнула мимолетная мысль, что надо было заранее предупредить лечащих врачей и назвать вампирам и оборотням разное время выписки. Но теперь уж чего горевать? Надо разруливать ситуацию. Поэтому я собралась с духом и направилась к дверям.

Поначалу все шло без проблем. Алису прибывший с отцом Андрей собственноручно выкатил из отделения на коляске, потому что ходить по лестницам ей еще было рано. А Сергей, придержанный по моей просьбе в палате Игорем Васильевичем, дохромал до выхода сам. Ему бы на костыль опереться, всего сутки как ногу повторно разрезали. Но нет – учуяв запах оборотней и увидев в коридоре Лисовского-младшего, вампир уперся как баран и даже слышать ничего не захотел про костыли.

Исходя из того, что Алису забрали первой, а вниз спускали на лифте, я постаралась сделать так, чтобы хотя бы на улице эти две семьи не пересеклись. Но увы. Оказывается, не только главы кланов находились в напряженных отношениях – даже их подчиненные не отказались себе в удовольствии и, пока начальство было занято с детьми, устроили во дворе настоящую свару.

Поводом, само собой, послужили остановившиеся возле крыльца машины. Авто вампиров перегородило пандус, по которому следовало спустить на коляске с трудом ходящую лисичку. Оборотни... думаю, что не слишком вежливо... сообщили об этом клыкастым. Те, даже если и осознали свой промах, разумеется, уперлись. И к тому моменту, как я проводила к выходу Сергея и его отца, на улице назревала очередная драка. Оборотни пытались отгеснить вампиров от пандуса, а те принципиально не уходили, тем самым демонстрируя, что их шеф не должен садиться в машину после каких-то блохастых.

Пожалуй, если бы не появившийся на улице Лисовский-старший с сыном и дочерью, там бы уже точно пролилась кровь. Но при появлении вожака лисы все же отступили, и между нелюдями установилось хрупкое равновесие.

– Себастьян Германович... – со вздохом обратилась я вышедшему вместе со мной вампиру. – Вы не могли бы...?

Клыкастик чуть сузил глаза.

– Иван! Женья! Отгоните машину. Дайте им проехать.

– Есть, шеф! – тут же козырнули водила и, наверное, телохранитель. После чего джип в мгновение ока освободил проезд.

Лисовский-старший даже бровью не повел – не воспользовавшись любезностью конкурента, он просто поднял Алису на руки и отнес к машине сам. Андрей, отворив ему дверь, мрачно

зыркнул на Сергея. Тот ответил лису таким же раздраженным взглядом. Долгорукий-старший нахмурился. Я, наоборот, огорчилась. А когда Сергей процедил что-то вроде «еще встретимся, блохастый», все-таки не выдержала и, обернувшись, строго посмотрела на клыкастого оболтуса.

– У тебя вообще совесть есть?! Тебе проблем мало? Или может, считаешь, что они нужны твоему отцу?!

Вампир удивленно моргнул.

– Ольга Николаевна, вы чего?

– Ты зачем его провоцируешь?! – рыкнула я, нимало не смущаясь присутствием Долгорукого-старшего.

– А что такого? Один из этих... сами видели, что со мной сделал!

– То есть, это Андрей в тебя стрелял?! И это его запах ты почувствовал, когда умирал на снегу?!

У вампира на скулах расцвел нездоровый румянец.

– Что глаза отвел? Может, эта девочка пыталась тебя убить, а?! – продолжала напирать я. - Или же, напротив? Тот черный джип, который ее искалечил и который до сих пор так и не нашли, был твоим?!

От такого обвинения Сергей отшатнулся.

– Да вы что, Ольга Николаевна?! Я, может, и дурак, но не убийца!

– А они об этом знают? - очень тихо осведомилась я и кивнула в сторону «гелендвагена», возле которого со странным выражением на лице застыл Лисовский-старший.

Сергей опустил голову и буркнул:

– Мне все равно.

– А мне нет.

Вампир неловко помолчал, румянец на его скулах стал ярче, а я вздохнула и погладила его русую голову.

– Сереж, ты хороший парень. Открытый и честный. Да, ты упрямый, но в твоём случае это скорее плюс, чем минус. К тому же, ты смелый. Находчивый. Ты умеешь находить в себе силы и подниматься после каждого поражения... но ты и меня пойми: вы для меня все пациенты, – невесело улыбнулась я. – Клыкастые и мохнатые, магически одаренные и абсолютно бездарные. Алиса не заслужила того, что с ней произошло. Как не заслужил этого и ты. Но прежде, чем обвинять друг друга, мне кажется, следует во всем разобраться. И вам, и им. Иначе рано или поздно вы все окажетесь на столе у нашего Сан Саныча, а там, поверь, и оборотни, и вампиры выглядят одинаково плохо. Понимаешь?

– Спасибо, Ольга Николаевна, – мягким баритоном поблагодарил меня Себастьян Долгорукий, когда Серега сник и виновато кивнул. - И вы, конечно же, правы: война между кланами никому не нужна. Но полагаю, сейчас совсем не время и не место это обсуждать.

– Да, конечно, простите, – вздохнула я и отступила обратно к дверям. - Спасибо вам за все ещё раз. Сереж, поправляйся скорее.

Вампир, пробормотав что-то невнятное, торопливо кивнул и поспешил к машине. Следом за ним, обменявшись со мной выразительным взглядом, ушел Долгорукий-старший. Лисовский в это время тоже забрался в свое авто. Но прежде, чем «гелендваген» стронулся с места, окно на пассажирском сидении опустилось, и оттуда мне помахала рукой Алиса.

– До свидания, Ольга Николаевна!

Я махнула ей в ответ и отвернулась, отчего-то чувствуя себя не в своей тарелке. Машины одна за другой тронулись с места. За спиной зашуршала шипованная резина. Еще какое-то время с улицы ещё слышался шум мотора. Но я, только поднявшись к себе и уставившись из окна на опустевшую стоянку перед клиникой, неожиданно осознала, что буду скучать. По Алисе. По ее неугомонному младшему брату, которого, судя по поведению, впору было бы назвать старшим. По Сереге. По свежим плюшкам... хотя, какие к черту, теперь плюшки?!

Я вдруг осознала, что за эти полторы недели привязалась к чужим детям. И насколько мне не хотелось бы встречаться с их отцом, настолько я была бы рада, если в один из дней Андрей и Лиска хотя бы на пять минут заскочили в гости. Просто для того, чтобы сообщить, что у них все в порядке.

Остаток дня прошел тихо и спокойно.

Пациентов мы почти всех выписали. Даже фанатеющего от шрамов Женьку, маме которого я вручила обещанный телефонный номер, а Саньчу потом позвонила и предупредила, чтобы не удивлялся. Сама собой, наведенная магия ему была недоступна, так что, если вампиреньш все-таки захочет заполучить «сменный» шрам, то делать его придется именно мне. От кота будет требоваться только соорудить загадочную физиономию и заблаговременно показать картинку, которую я потом смогу воспроизвести на теле Женьки.

Мама была согласна на все, лишь бы вампиреньш не надумал уродовать себя умышленно. Искусственный шрам позволял ему вдоволь наиграться с бытующей среди младших школьников «фишкой», не подвергая сына опасности. Потом он, конечно, вырастет. Баловаться со шрамами ему наверняка наскучит. И вся эта история забудется как дурной сон, к которому уже не захочется возвращаться.

После обеда я с головой ушла в бумаги, старательно отгоняя от себя мысли о Лисовских. Хватит уже. Сколько у меня за годы работы было пациентов? Хороших и плохих, благодарных и равнодушных. Некоторые даже замуж звали. А кто-то просто лип, как банный лист, и не хотел понимать очевидного даже после категоричного отказа.

– Ольга, ты еще на работе? – ближе к шести озадачил меня странным вопросом заглянувший в кабинет шеф.

– Конечно. Куда я денусь?

– Я зайду за тобой в полседьмого. До дома подвезу, – заявил Юрий Иванович и прежде, чем я успела возразить, закрыл дверь.

Вот незадача.

И с чего ему, спрашивается, понадобилось следить, сколько времени я провожу на рабочем месте? На той неделе ему это не особенно мешало. Выходные я честно провела дома. Одна. И вот теперь снова эта песня, будто шеф всерьез озаботился моим самочувствием.

Это не к добру.

К тому моменту, когда часы показали половину седьмого, я успела придумать целую кучу причин, по которым не смогу сегодня покинуть клинику. Даже, грешным делом, подумывала порчу на начальственную «ауди» наслать, но потом решила, что тогда некромант останется ночевать вместе со мной, а мне такого «счастья» было не нужно. В итоге, когда явился Юрий Иванович и обнаружил, что я не готова к дороге, мы с ним почти полчаса препирались в дверях, настаивая каждый на своем. В конце концов я бы, конечно, вспыхнула и снова выдала ему что-нибудь не совсем приличное, но мою репутацию спас телефонный звонок.

– Ольга Николаевна, – донесся из трубки испуганный голос дежурного регистратора из приемного покоя. – Тут это... к вам пациента принесли.

Я удивленно замерла.

– Какого ещё пациента? Откуда?! У нас сегодня не дежурный день!

– Он очень настаивает. И требует только вас. И... и мне кажется, дело плохо. Вам лучше на него взглянуть.

– Хорошо, сейчас спущусь, – бросила я и, обменявшись с шефом тревожным взглядом, поспешила вниз.

Когда мы открыли дверь в приемный покой, среди комнаты, где сидел дежурный регистратор, стоял вампир. Да, тот самый. В третий раз за последнюю неделю. Сережка был бледен как полотно. Откровенно встревожен. Покрыт кровью с ног до головы. А на руках у него, едва дыша, лежал без сознания искалеченный оборотень. Андрей Лисовский, при виде которого я тихо ахнула и тут же велела готовить операционную.

ГЛАВА 14

Трудно передать словами, как я была благодарна шефу за то, что он на целых полчаса задержался в клинике лишь ради того, чтобы уговорить меня поехать с ним. Страшно подумать, что могло бы случиться, если бы я согласилась. И если бы мы уехали со стоянки всего на десять минут раньше.

Андрей был откровенно плох. У него были сложные переломы обеих ног, тупая травма живота, переломы ребер, разрыв селезенки и обильное внутреннее кровотечение. Вызывать на себя «скорую» и везти его в другую клинику времени не было: ему требовалась квалифицированная помощь немедленно. И, если бы на тот момент в больнице я осталась одна, мне бы ни за что не удалось одновременно ввести оборотня в искусственную кому и при этом толково его прооперировать.

К счастью, Юрий Иванович взял на себя львиную долю работы и за считанные минуты остановил кровотечение, срастил порванные сосуды и стабилизировал состояние лиса. А вот собрать ему заново кости, удалить часть поврежденной селезенки и залечить порванные кишки было на порядок труднее.

В какой-то момент я с беспокойством поняла, что с такими серьезными повреждениями может не справиться даже наш всемогущий и всезнающий шеф. Работать в одиночку с таким сложным пациентом было нелегко. Это требовало уйму сил. И я, прекрасно понимая, что без подпитки извне он не справится, без колебаний открыла для него собственные резервы.

За четыре с половиной часа мы фактически собрали Андриюшку заново. Поскольку таких проблем, как у Сереги, у него не было, то процесс образования костных мозолей начался практически сразу, как только мы сопоставили отломки. Штифты не потребовались – молодой лис был полон сил, поэтому справился без них. Но ради такого эффекта кровь лилась в обратотня рекой, вместе с питательными и самыми обычными растворами. Витамины, аминокислоты, электролиты, свежемороженая плазма...

Когда были сделаны последние стежки, а искалеченные ноги обратотня приобрели приличный вид, я пошатнулась и чуть не сползла по стеночке, как наш лучший анестезиолог Лешка когда-то.

Я всегда знала, что это сложная работа. Сама не раз вставала на место циклопа. Но только сейчас по-настоящему осознала, какой гигантский объем энергии Лешка отдавал пациентам во время каждой операции. От него зависело не меньше, а порой и больше, чем от оперирующего хирурга. Он следил за жизненными показателями, он контролировал все процессы в организме больного. Фактически он был тем самым индикатором, на который ориентировался хирург, выбирая тот или иной способ вмешательства. Но это требовало колоссальной отдачи. Невероятного внимания. И просто дичайшего напряжения, после которого... даже если все заканчивалось хорошо... у меня банально дрожали ноги.

Оставив Андрея в палате реанимации, под наблюдением шефа и дежурной сестры, я почти ползком добралась до ординаторской и, обнаружив внутри Сергея, устало плюхнулась на диван.

– Ну давай. Рассказывай, что с вами произошло. И почему у тебя на руках столько крови.

Вампир сглотнул. Руки у него и впрямь были в крови по локоть, потому что он, находясь в шоке, даже не подумал ее отмыть. Теперь она засохла и осыпалась с его ладоней мелкими катышками. А уж про то, во что превратилась его одежда, даже говорить было страшно.

– Сереж...

– Это не я, - наконец, выдавил из себя вампир, когда я строго на него посмотрела. – Я тут не при чем.

– А кто тогда при чем? Кто его покалечил?

– Я не все видел, – нервно отозвался Сергей. – Тойота «ленд-крузер прадо». Тонированный. Без номеров. Лис шел домой, из клуба «Звезда»... знаете такой?

Я покачала головой.

– Это в пяти кварталах отсюда. Мохнатые там часто собираются. В основном молодежь. Наши туда не суются – загрызут. Но мне сказали, что Лисовский там обычно зависает по вечерам.

– Ты что, его искал? – с подозрением осведомилась я, все-таки заставив себя подняться и заварить кофе. Благо кулер стоял прямо тут, в углу. – Зачем?

– Поговорить хотел, - отвел глаза Сергей. – Вы утром правильно сказали. Я зря ему нагрубил, поэтому и хотел извиниться. Но не на виду же у его друзей-приятелей? Вот я и ждал, когда он останется один. Из клуба мохнатый вышел около шести. Не один, в компании таких же оболту... оборотней. Лисы, волки... даже один кугуар, если я правильно разглядел. Но не важно. В общем, они довольно быстро разошлись. Лис свернул в переулок... видимо, хотел дорогу сократить. Вот в том-то переулке его тойота и догнала.

Вампир провел дрожащей рукой по коротким волосам.

– Я ехал следом. Все думал, как его остановить, как начать разговор... так, чтобы сразу не послал. В том переулке движение одностороннее. И я не сразу понял, зачем меня по левой обогнал здоровущий «ленд-крузер». Ехали они очень быстро. Фары не включили, поэтому лис не сразу обратил на них внимание. А может, задумался просто. И уже потом, когда его сбили...

Я отхлебнула горячий кофе и откинулась на спинку.

– Он даже не кричал, - неожиданно тихо добавил вампир. – Понимаете? Не успел ничего сделать. Его смяло, как картонную коробку. А джип, переехав его, сдал назад, прошелся по нему колесами дважды и только потом умчался. Я... я, наверное, оцепенел. Потом выскочил из машины. Думал, от лиса ничего не осталось, но он живой оказался. Когда я его повернул, так когтями вдарил...

Я спохватилась.

– Ты что, ранен?!

– Да нет, царапина, - криво улыбнулся вампир и показал разорванный, пропитанный кровью рукав свитера. Куртки на парне, когда он пришел, почему-то не было. - Все уже зажило. Главное, что лис был жив. Я закинул этого дурака к себе в машину и поехал к вам.

– «Скорую»-то почему не вызвал? Его бы в дежурную клинику отвезли. И помогли бы намного быстрее. А ты его через половину города вез, даже не вспомнив, что уже вечер, и тут могло никого не быть.

– Да я даже не подумал, – смутился клыкастый, а потом с надеждой на меня посмотрел. – Как он, Ольга Николаевна?

– Нормально, - вздохнула я. – Вовремя ты его сюда дотащил.

Неожиданно в коридоре послышался шум, а следом вскрик:

– Ольга Николаевна! Скорее! У него судороги!

Я выругалась и, всунув вампиру в руки кружку с недопитым кофе, бегом кинулась в реанимацию. Чертов лис. Неужели мы просмотрели черепно-мозговую?!

Когда я подлетела к койке с бьющимся в судорогах лису, шеф уже был здесь и торопливо проводил повторную диагностику.

– Держи его, - велел он, пока медсестра торопливо набирала в шприц противосудорожное. Я послушно навалилась на оборотня, прижала руками его голову к подушке. Приглушенно выругалась, когда Андрей вырвался, и навалилась с новой силой, вздрогнув всем телом, когда его нос уткнулся в мое предплечье, а в кожу впились острые зубы.

– Блин!

Больно-то как!

– Держи крепче! – напряженно повторил некромант, активно колдуя над оборотнем. Но тут, наконец, судороги стихли, и Андрей с тихим вздохом обмяк. После чего шеф устало помотал головой и, закончив с диагностикой, с облечением сообщил: – Нет, перелома костей черепа нет. Просто ушиб мозга и небольшой отек. Сейчас маннит прокапаем, мочегонные вколем, и к утру он будет как новенький.

Фу-у-у... у меня прям гора с плеч упала, когда шеф сказал, что мы ничего не упустили. Рентген в не дежурный день у нас не работал, а полноценную диагностику в такой спешке мы провести банально не успели. Торопились закончить с кровотечением, тем более что серьезных ран на голове у Андрея не было.

Я перевела дух и посмотрела на раненую руку: клыки лисеныш успел вонзить глубоко. Чуть до кости не достал, зараза.

– Свет, сможешь перевязать? - попросила я, выйдя из палаты и оставив шефа заканчивать работу с пациентом.

Медсестра сноровисто обработала, затем забинтовала мое предплечье. А когда я двинулась к выходу, тихонько посетовала:

– Заживать долго будет, Ольга Николаевна.

– Он не специально, – качнула головой я. – Так что день-два, и все наладится.

Провожаемая полным сомнений взглядом сестрички, я вышла в коридор и вздрогнула, обнаружив стоящего у самой двери Лисовского-старшего. Мать твою... когда он успел приехать?! И кто ему сообщил?!

Хотя, кажется, шеф, пока мы торопливо обрабатывали руки, кому-то говорил взять у него в кабинете визитку. Я-то тогда другими вещами была занята, а он вспомнил. Предупредил отца. А тот, конечно же, бросил все дела и, как только освободился, примчался.

А вот то, что вместе с лисом в коридоре находились оба Долгоруких, меня, признаться, удивило намного больше. Причем, если утром между ними только что воздух не трещал от напряжения, то сейчас кое-что изменилось. Лисовский-старший был встревожен, его глаза от волнения пожелтели, но судя по тому, как близко к нему стояли вампиры, их присутствие его больше не напрягало.

– Как он?! – едва я вышла, лис бросился ко мне.

– Все хорошо, Александр Александрович. Его жизни больше ничего не угрожает. Сергей очень вовремя успеть его к нам доставить.

– Где твоя машина? – неожиданно поинтересовался Долгорукий-старший. – Я не видел ее на стоянке.

Сергея неожиданно отвел глаза.

– Сломалась. В квартале отсюда.

– Как же ты его сюда принес? – озадачилась я.

– На руках, конечно. Ничего другого мне в голову тогда не пришло. Не попутку же было ловить?

И вот тогда на молодого вампира уставились мы все.

Это было невероятно, но, кажется, Сергей настолько проникся моей утренней тирадой, что и впрямь чувствовал вину за случившееся. Увидев, что лиса сбила машина, он без раздумий кинулся на помощь. Спеша изо всех сил, он вспомнил лишь про одну клинику, где, как ему казалось, Андрея могли спасти. Давя на педаль газа, с сумасшедшей скоростью промчался по вечерним улочкам. Наверняка словил по пути немало штрафов. В квартале отсюда... наверное,

на такой скорости его попросту занесло? И, снеся на пути какое-нибудь ограждение, потеряв машину, он все же не плюнул на все, не бросил лиса в беде. И, взяв его на руки, своим ходом... почти бегом, с недавно прооперированной и наверняка ещё стреляющей болью ногой... притащил его сюда?!

– Я... – у Лисовского-старшего неожиданно охрип голос. – Я благодарен тебе за сына. Очень.

– Да чего там, – неловко отвернулся вампиреныш. – Кто бы из нас бросил его там умирать?

Я подошла и с чувством поцеловала парня в щеку.

– Честное слово, Сереж, я тобой горжусь!

– Я тоже, – тихо добавил Долгорукий-старший, сжав плечо сына. А когда Серега окончательно стал пунцовым, вдруг повернулся к оборотню и спокойно сказал: – Я инициировал проверку всех случаев, похожих на тот, что случился с вашей дочерью и с моим сыном, по своим каналам. И готов дать слово, что из моих подчиненных никто не имеет к этому отношенияёёё.

У лиса нервно дернулся уголок рта.

– Из наших тоже никто не посмел бы нарушить мой приказ. Мы не начинали эту войну. Она нам не нужна. Но с нашей стороны к расследованию подключены МВД, ФСБ и полиция. О результатах, если хотите, я сообщу.

Себастьян долго-долго смотрел в желтые глаза оборотня, но потом медленно наклонил голову.

– Я услышал.

Они помолчали, обменялись едва заметными постороннему взгляду кивками, после чего вампиры спокойно двинулись к выходу. Лисовский со странным выражением посмотрел им вслед, кажется, все ещё с трудом осознавая тот факт, что теперь крупно обязан вампиру. А я, поняв, что прямо здесь и сейчас никакой войны между кланами оборотней и вампиров не случится, вдруг почувствовала такое облегчение, что в прямом смысле чуть не упала. Наверное, от радости за такой благополучный исход у меня закружилась голова. Потом перед глазами потемнело. Наконец, до меня дошло, что я действительно падаю...

Но тут где-то совсем рядом раздалось испуганное «Ольга!», и лишь у самого пола меня подхватили чьи-то заботливые руки.

– Ты перенапряглась! – первое, что я услышала, открыв глаза. А первое, что увидела, было рассерженное лицо шефа, который обвиняюще смотрел на меня сверху вниз. – Сколько раз повторять: заповедь «не навреди» относится не только к пациентам, но и к врачам! Если врач навредил сам себе, значит, он навредил и больному!

Я медленно повернула голову и, обнаружив, что лежу на кушетке в собственном кабинете, едва заметно поморщилась.

– Да ладно, Юрьиваныч. Подумаешь, не рассчитала сил.

– Ты могла перегореть!

– Ну все, не шумите... – вздохнула я и попыталась приподняться. Но тут некромант в голос рявкнул:

– А ну, лежать!

И я послушно вжалась в кушетку. Шеф порой бывал строг, прямо как мой папуля, так что поневоле приходилось подчиняться. Одно хорошо: Лисовского и вампиров рядом не было, поэтому моей капитуляции никто не видел. А вот шеф тем временем разошелся.

– Ольга. Я тебя сколько лет учил, растил...

«Кашу варил», – в тон ему продолжила я про себя.

– Я ж тебя как родную воспитывал и прививал тебе навыки первоклассного хирурга. А ты что теперь вытворяешь?!

– А что я вытворяю? – с некоторой опасной поинтересовалась я.

– Да вот что! – горестно воскликнул шеф и двумя руками показал на мое брненное тельце, распластанное на кожаной кушетке.

От такого аргумента я даже опешила. А Юрий Иванович в третий раз рявкнул:

– А ну, живо домой! Спать, есть и силы восстанавливать!

Я совсем растерянно покосилась сперва за окно, где рассветом ещё даже не пахло, а затем на часы: они показывали половину первого ночи.

– Эм... простите, шеф. А вам не кажется, что идти домой уже поздно?

– Это ещё почему? – грозно нахмурился некромант. А когда я деликатно ткнула пальчиком в циферблат, неожиданно смешался. – Акхм... ну... ну да. Тогда расстилай постель, ложись здесь, а за Лисовским я сам присмотрю. И чтоб до утра тебя в отделение не видели!

– Есть, шеф, – пробормотала я, стараясь не смотреть в пылающие праведным гневом глаза начальства. И этого оказалось достаточно, чтобы шеф слегка остыл, а затем уже нормальным голосом добавил:

– Только поешь сперва. У тебя магия почти на нуле. А мне совсем не нужно, чтобы следующим пациентом в реанимации оказалась именно ты. Сейчас я к тебе Свету пришлю. С чаем.

– Спасибо, – вздохнула я, и только после этого Юрий Иванович, наконец, ушел.

После двух чашек сладкого чая и бутербродов мне полегчало. Откуда бутерброды, я не спрашивала: явно у шефа в дипломате завалялись. Разумеется, это значило, что сам шеф остался голодным, но он вроде не мальчик. Как домовые и некоторые виды нечисти, умеет и чистой энергией питаться. Чужой, разумеется. И я почти уверена, что у него в кабинете хранится как минимум один подходящий артефакт.

К утру я восстановилась настолько, что смогла без посторонней помощи встать, умыться, привести себя в порядок и, накинув халат, спуститься в отделение. Увидев меня на пятиминутке, шеф сперва взбеленился. Но потом сообразил, что орать в присутствии подчиненных несолидно и до окончания собрания просто громко сопел. Сердито. Недовольно. А когда дежурный персонал сдал смену, а доктора принялись расходиться по палатам, я быстренько улизнула, потому что заблаговременно заняла место поближе к выходу.

В реанимацию я заскочила буквально за миг до того, как выглянувший из ординаторской шеф громогласно рявкнул:

– Ольга Николаевна!

– Ничего не слышу, – пробормотала я, когда из смежной с реанимационной палатой комнатки выглянула удивленная медсестра. - Уши с утра заложило, вот беда... Ира, здравствуй. Если что, меня тут нет.

– Поняла, Ольга Николаевна, – хихикнула Ирина. – Только вы иллюзию на себя повесьте, а то шеф вас по ауре найдет.

Черт. И правда!

Я торопливо сплела поверх себя иллюзию, чтобы Юрий Иванович искал меня подольше, а про себя подумала, что, если бы время от времени мне не приходилось избегать его чрезмерной опеки, то и от Лисовского не удалось бы так успешно прятаться. Шеф, можно сказать, меня натренировал, потому что некромант в гневе – это, знаете ли... мда.

– Привет, самый лучший доктор на свете, – с широченной улыбкой во все тридцать два зуба встретил меня Андрей Лисовский. Уже румяный, без видимых усилий полусидящий на постели и с удовольствием облизывающий окровавленные пальцы. Пустая тарелка из-под мяса стояла рядом на полочке. А сам лис выглядел почти хорошо, если не считать расцветивших его тело багровых кровоподтеков. - Значит, это вы меня вчера штопали?

– И я в том числе, – усмехнулась я, подходя к койке и снимая с оборотня одеяло. Но Андрей неожиданно застеснялся и, цапнув его грязными пальцами, потянул на себя. - Ну-ка, не глупи. Что я там, по-твоему, не видела?

– Это неприлично, – буркнул парень, отчаянно покраснев.

Я закатила глаза.

– Боже, Андрей! Вы же рано созреваете. В вашем возрасте уже стыдно быть не целованным!

– Я целованный, - упрямо засопел лис. - Очень даже. Просто... ну... у меня там все отекло. И чешется.

Я все-таки отвоевала у него одеяло и придирчиво осмотрела живот и все, что ниже. В частности, ноги, которые после травмы и наших вчерашних манипуляций действительно опухли до самых бедер. Ну а самое «дорогое» молодой лис целомудренно прикрыл ладошками.

– Ничего страшного, – заключила я, аккуратно ощупав уже поджившие рубцы. – Швы завтра можно снимать. Кости сегодня на рентгене посмотрим, но почти уверена, что там всюю идет процесс образования костных мозолей. Отек продержится немного дольше, но паниковать нет никакого повода.

Лис поспешно набросил одеяло на себя и нахохлился.

– А меня там тоже будут голышом красивые девушки рассматривать?

– На снимок можешь надеть трусы, - со смешком разрешила я. Ишь, какой скромник. - Желательно красные. У нас там симпатичные кошечки работают лаборантами, а вы, мохнатки, любите все яркое.

– Да ну вас...

Я рассмеялась и не отказала себе в удовольствии потрепать насуспенного лиса по голове. Он сперва дернулся, словно не хотел, чтобы к нему прикасались. А потом вдруг замер, принохался и, схватив меня за руку, буквально ткнулся носом в свежую повязку.

– Ольга... Н-николаевна... – у него аж голос задрожал, когда бинт съехал и обнажил четыре глубоких отметины от зубов. – Боже... это что, я?!

– А кто ж еще? Оказывается тебя зубами к стенке надо класть, потому что в другом положении ты кусаешься.

Парень поднял на меня несчастные глаза.

– Простите! Честное слово, я даже не помню, как вас пометил!

– Ты что сделал? – замерла я.

Лис жалобно шмыгнул носом.

– От вас теперь пахнет иначе. Еще вкуснее, чем раньше. Так что, похоже, я действительно вас пометил....

– Что-о-о?!

– Как друга семьи! – поспешил меня успокоить оборотень. – Чесслово! Брачные метки совсем другие!

Брачные метки и ставятся совсем иначе! Но черт меня возьми... метка... да ещё и лисья... на мне?!

– П-простите, - совсем сник этот бестолковый дуралей. – Я правда не хотел.

Я прикрыла глаза и мысленно досчитала до десяти.

Спокойно, Оля. Спокойно. Он всего лишь ребенок. И его метка – это естественный результат порыва умирающего мальчишки, который вдруг почувствовал запах знакомого существа. В дикой природе такие метки ставились родичам, членам семьи, просто друзьям... особенно чужой расы... для того, чтобы при встрече с членами клана/стаи другие мохнатки знали, что это свой. В том числе их ставили людям. Из числа тех, кто был в курсе, что среди смертных проживает немалое количество нелюдей. Разумеется, помимо метки, таких счастливицков метили ещё и кровью, чтобы в случае чего их можно было быстро найти. Но, насколько мне известно, посвященных даже в столице насчитывалось немного. И вот теперь меня, так сказать, приравняли к ним. Проще говоря, приняли в стаю.

К счастью, «дружеские» метки были временными. Раны заживут быстро, а вот запах лиса останется на мне ещё недели на три. Максимум на месяц. Потом метку надо будет или обновить, для чего Андрею снова понадобится поранить мне кожу, или же забыть о ней навсегда, что меня, если честно, устраивало гораздо больше.

Брачные метки действительно другие, это мне тоже было известно. Во-первых, они постоянные. А во-вторых, о них мало что знали, кроме того, что брачные союзы с такими метками заключались навсегда. О причинах оборотни не распространялись, но я где-то читала, что на брачную метку оборотень должен не просто получить согласие второй стороны – она должна быть поставлена во время секса. Причем добровольного и, желательно, бурного. В противном случае метка не приживется. А еще я знала, что после вот такой, «дружеской» метки, брачные ставились гораздо проще. Но с Андреем я, слава богу, спать не собиралась, так что, можно сказать, нам обоим повезло.

– Ладно, не расстраивайся, - наконец, сказала я, немного успокоившись. - Метка и метка. Через месяц сойдет, и забудем.

– Отец меня убьет, если узнает, – не согласился Андрей.

– Давай тогда не будем ему говорить? Обидно будет тебя потерять, затратив на твоё воскрешение столько сил.

– Да как «не будем»? Считаете, он не почует?!

Мдя. Ещё одна проблема. Но, помнится, во время ревизии одного из шкафов на сестринском посту я видела пузырек с подавителем запахов. Мы хранили его на случай, если в одну палату придется положить, к примеру, оборотня и, скажем, вампира. Так вот, чтобы клыкастику не докучало природное «благоухание» лохматого соседа, мы купали оборотней в этом составе. Собственно, из средств, которые химики-маги когда-либо изобретали для этой цели, подаватель был самым действенным. Но при этом самым кратковременным и неудобным. С другой стороны, мне много и не требовалось: всего-то руку натереть и дать ей высохнуть. А когда Лисовские исчезнут из поля моего зрения, необходимость в растворе отпадет, после чего оставшийся месяц я уж как-нибудь проживу.

– Давай, поправляйся, - пожелала я удрученному недавним промахом лису и направилась к выходу. – Завтра, наверное, в палату тебя переведу.

– Спасибо. Вы только отцу не говорите, ладно?

Я только хмыкнула про себя.

Эх, если бы ты знал, сколько раз я слышала в этих стенах такие просьбы! Но конкретно в этом случае – само собой, не скажу. И приложу все усилия, чтобы вопросов по поводу метки у Лисовского-старшего не возникло.

ГЛАВА 15

«Вспомни о лисе, он и появится», - подумала я, открыв дверь оперблока и уставившись на взволнованное лицо вышеупомянутого лиса. Лисовский-старший выглядел уставшим, за ночь его роскошный костюм помялся, наброшенный на плечи халат и вовсе выглядел ужасно, но пахло от оборотня по-прежнему хорошо. Лесом, хвоей, мятной зубной пастой и совсем немного корицей.

– Андрей в порядке, – опережая его вопрос, сообщила я. – Пришел в себя. Голодный, слегка расстроенный, но настроен оптимистически. Можете его навестить.

– Правда? – отчего-то не поверил лис и уставился на меня с какой-то безумной надеждой. Мне даже стало его жаль – чудом сохранив дочь, а потом едва не потерять сына...

– Заходите, – вздохнула я и отступила в сторону, пропуская оборотня внутрь.

Лиса не надо было упрашивать дважды – проскользнув мимо меня бесплотной тенью, он в мгновение ока скрылся за дверью прекрасной известной ему палаты для выздоравливающих. Именно там неделю назад лежала Алиса. И именно туда я распорядилась перевести Андрея, когда стало ясно, что с ним все будет хорошо.

Насчет того, что он мог почуять метку сына, я не волновалась: рана была свежей, запах парня ещё не успел стать достаточно сильным. А если бы и успел, то какая разница, если от меня, наверное, еще с ночи пахло его кровью?

Осторожно выглянув в коридор и убедившись, что шефа поблизости не наблюдается, я на цыпочках добралась до поста и, шепотом попросив медсестру меня не выдавать, умыкнула из шкафа бутылочку с подавителем на пару с чистым бинтом. Уже у себя, наверху, заперев для верности дверь на ключ, я тщательно натерла кожу вокруг ранок. А затем облила подавителем бинты и замотала предплечье в надежде, что на марле состав продержится дольше, чем на коже.

Подумав, я порылась в вещах и, выудив из прихваченных из дома запасов не слишком новую блузку с длинными рукавами, я переделалась, подвернула манжеты, чтобы полностью скрыть бинты, и только после этого успокоилась. А вскоре меня все-таки сморило, и я благополучно уснула, благо других претендентов на мою кушетку не было, а шеф прямым текстом сказал, что при первой же возможности отправит меня отдыхать.

Проснулась я от непонятного шума и подозрительного скребущего звука, который раздавался со стороны двери. Со стороны коридора слышались приглушенные голоса, беспокойный топот множества ног, а дверная ручка настойчиво дергалась, но никак не могла открыться.

Эм. У нас тут что, взломщики объявились?

Сев на кушетке и кое-как пригладив растрепавшиеся лохмы, я присмотрелась и с удивлением поняла: действительно взломщики. Кто-то настойчиво пытался проникнуть ко мне в кабинет. Затем похлопала себя по карманам. С беспокойством обнаружила, что телефон исчез. Вспомнила, что еще ночью оставила его в предоперационной, чтобы не мешал работать, да так и не забрала, потому что постыдным образом грохнулась в обморок. Наконец, до меня дошло, что в отсутствие связи и благодаря иллюзии, не позволяющей меня увидеть магическим взором, кто-то из коллег мог заметить мое долгое отсутствие и поднять тревогу. И исключительно поэтому в мою дверь ломилась целая толпа непонятного народа, среди которого я с изумлением распознала голос нашего штатного патологоанатома.

– Подождите, я уже зацепился когтем за язычок... еще чуть-чуть... один момент... – с пыхтением сообщил кому-то Саныч, и в дверном замке снова что-то заскрежетало.

Я поспешила подняться и открыть дверь, пока ее не выломали к такой-то матери. А когда с некоторым усилием ее распахнула, то чуть не отпрянула, когда на меня с недоверием, тревогой, испугом и облегчением одновременно из коридора уставился весь коллектив во главе с шефом-некромантом.

– Оленька, ты в порядке? – участливо поинтересовался висящий на дверной ручке кот, один коготь которого по-прежнему торчал в замке. – А то тут, понимаешь, паника поднялась. Меня вызвали как главного специалиста по вскрытию замков...

Я сняла кота с ручки и поставила на пол.

– Так. Не поняла... с чего вы вообще запаниковали?

– Да так, - смущенно кашлянул Саныч. – Кто-то сказал, что ты вчера в обморок упала...

У меня сузились глаза. Кто посмел?!

– Оля? – протолкался сквозь толпу облегченно выдохнувших сотрудников шеф и, не стесняясь присутствие посторонних, крепко меня обнял. – Ты почему не сказала, что пойдешь к себе?

Зачем иллюзию эту дурацкую наложила? Мы ведь беспокоились, Оля! Разве можно так пугать народ?!

Я обвела коллектив озадаченным взглядом, а потом вздохнула.

– Прошу прощения. Забыла телефон внизу. Со мной все хорошо, просто заснула. Вы же, Юрьваныч, сами велели мне отдыхать.

Шеф отстранился и внимательно всмотрелся в мое лицо.

– Все ещё бледная... когда ты в последний раз ела?

– Не помню, – честно призналась я, и кот, приложив лапку ко лбу, демонстративно упал в обморок.

– Когда-нибудь ты себя все-таки доведешь, – наставительно заметил он, валясь у меня в ногах. – Честное слово, когда мне сказали, что тебя нет в отделении в рабочее время, я чуть было не решил, что тебя похитили. Или еще хуже: ты все-таки перегорела и умерла от истощения. Представляешь, какой был бы кошмар, если бы назавтра твое хладное тело появилось у меня на секционном столе?

– Типун тебе на язык, – с чувством сказала я, поддев мохнатого паникера кончиком туфли.

Саньч ловко увернулся и, спрятавшись за ногу шефа, хихикнул.

– А вообще, если бы не один известный тебе лис, мы бы еще долго не додумались искать в кабинете. Но он по запаху тебя нашел. А потом быстренько смылся. Вроде как совещание у него важное, но это неточно.

Я только мысленно застонала.

Вот уж и правда – господин Песец! И какого лешего вы ко мне привязались?!

– Ладно, расходитесь, – распорядился Юрий Иванович, когда народ окончательно успокоился. – Оля, ты это... отдыхай дальше. А вечером я тебя до дома отвезу.

– Спасибо, шеф, но честное слово, это лишнее.

– Что, опять собралась на работе ночевать?

– За Андрея тревожно, – помявшись, призналась я. – Судорог больше не было, но кто знает... ушибы мозга, они ведь такие. Вроде ничего поначалу, а потом ка-а-к шархнет, и сразу кома.

– Верно, – поколебавшись, признал мою правоту некромант. – Но давай не будем пороть горячку: если приступ повторится, мы отравим твоего подопечного к нейрохирургу. Пусть МРТ сделают. И дополнительную диагностику проведут, для которой у нас нет оборудования.

– Да я все понимаю, Юрьваныч. Но диагностическими заклинаниями для головы простые доктора не владеют – оно слишком затратное. Тем более, им надо пользоваться каждые три-четыре часа, чтобы ничего не упустить. Так что лучше уж я сегодня за мальчишкой присмотрю сама. Во избежание повторения, так сказать.

– Ладно, как хочешь, – неожиданно отступился шеф. – Но только одну ночь!

Я кивнула. А когда некромант развернулся и направился к себе в кабинет, с грустью подумала, что и впрямь привязалась к мальчишке. Ведь, если бы не это, то разве истратила бы я сегодня последние крохи магии на это самое заклинание поутру?

Шеф считал, что это неправильно. Говорил, что врач, в первую очередь, должен думать о себе и своей собственной безопасности. Но мужики... они подчас бывают такими черствыми. Не потому, что плохие. Отнюдь. Просто у них иное отношение к жизни. И к пациентам тоже. А я по-другому не могла: второй приступ мог закончиться для Андрея печально. И чтобы потом не мучиться угрызениями совести, как в тот момент, когда оказалось, что мы упустили-таки из виду черепно-мозговую травму, я все же решила рискнуть.

И даже сейчас считала, что поступила правильно.

Часов в девять вечера, дождавшись, когда из клиники уйдет даже шеф, я снова спустилась в отделение и, переговорив с Володей, которому сегодня выпала ночная смена, зашла в реанимацию.

– Все в порядке, Ольга Николаевна? - отчего-то обеспокоился Андрей. Выглядел он намного лучше, чем утром. Даже спокойно сидел, свесив покрытые синяками ноги вниз, благодаря чему я могла воочию убедиться, что отеки у парня почти спали.

Успокаивающе махнув лису, я подошла и потянула ему руку.

– Пахнет?

Андрей старательно принохался. Сперва издалека, а потом уткнувшись носом в предплечье.

– Почти нет, – с облегчением выдохнул он, когда исследовал мое запястье. - Хотя, конечно, если знать, что искать, то все равно заметно.

– Будем надеяться, что твой отец не надумает совать нос под повязку. Как у тебя дела? Голова не болит?

– Нет. Только ноги зудят, - шмыгнул носом лис. - Не могу долго лежать в одном положении. Все кости чешутся... там... внутри. А почесать никак не удается.

Я усмехнулась.

– Чешется, значит – заживает. Посиди-ка вот так. Мне нужно сделать диагностику. Это недолго.

Андрей послушно замер, а я положила обе ладони ему на виски и прикрыла глаза.

Диагностическое заклинание было довольно сложным, очень энергоемким и кратковременным, поэтому без крайней необходимости его не использовали. Но с учетом риска повторения судорожного приступа даже шеф считал, что это оправданные траты энергии.

Андрей сидел смирно, пока я над ним колдовала. Иногда ежился, когда по обнаженной коже пробегали мурашки. Но в целом мне не мешал. И лишь однажды, когда мне потребовалось коснуться его лба губами, он вздрогнул и едва слышно пробормотал:

– Мама тоже так делала, когда думала, что у меня температура...

Я не стала разубеждать лису и сообщать, для чего понадобился такой плотный контакт. А когда работа заклинания подошла к концу, отстранилась и удовлетворенно кивнула:

– Все в порядке. Отек в месте ушиба уменьшился, так что судорог больше быть не должно. Но вставать тебе ещё рано.

– А когда будет можно?

– Что, не терпится сбежать?

– Дык чешется же, – неожиданно смутился лис. - Когда двигаешься, оно как-то полегче.

– Часа через три к тебе ещё зайду, - пообещала я. – Постараюсь не разбудить. И потом еще утром надо будет проверить. Если ушиб пройдет, и отека не будет, а рентген окажется хорошим, то можно начинать ходить. Не бегать, Андрей – пока просто ходить. Понемногу. Держась за стеночку...

– Да что я, инвалид какой?!

– Пока да, - строго посмотрела на оборотня я. - И до тех пор, пока не разрешу, бегать ты не станешь.

Под моим взглядом лис тяжело вздохнул, но все же кивнул.

– Вам виднее...

– Ольга Николаевна! – неожиданно заглянула в палату дежурная медсестра. - Там к вам посетитель. Хочет навестить вашего больного. Можно ему зайти?

Неужто отец Андрея опять нарисовался? И чего ему понадобилось тут так поздно?

Я кивнула, медсестричка исчезла, а Андрей встрепенулся.

– Кого ещё на ночь глядя сюда принесло? Я никого не жду. Лиска ещё болеет, отец недавно звонил...

Я вопросительно повернулась к двери и изумленно замерла, когда на пороге возник не кто иной как Сергей Долгорукий, да ещё со знакомой картонной коробкой в руках.

– Вот так номер... клыкастый, ты чего приперся? – озадаченно крикнул лис. – Да ещё и с подарками?!

Вампир зыркнул на него с явственным раздражением.

– Это не тебе, лохматый, а моему врачу. Поскольку я больше не пациент, то никто не скажет, что это взятка. Ольга Николаевна... вот.

Сергей подошел и, сердито косясь на оборотня, вручил коробку мне.

Мда. Кажется, я даже знаю, откуда он ее взял и что именно лежит внутри: запах свежей выпечки шел от нее просто одуряющий. У меня едва слюнки не потекли. А в мыслях волей-неволей пронеслись строчки больничного приказа, в котором докторам и сестрам строго-настрого запрещалось брать подарки от пациентов.

Но Сергей был прав: как только он перестал быть пациентом нашей клиники, в отношении него запрет утратил свою силу. Собственно, я и от Андрея принимала подарки именно по этой причине: на тот момент пациентом он тоже не был. И пусть от родственников взятки тоже можно было ожидать, наш шеф про этот нюанс почему-то умолчал. Так что я ничего не

нарушила, согласившись, чтобы лис меня подкармливал. Хотя, если бы он угостил меня пончиком сейчас, я бы, само собой отказалась.

– Надо же, какой умный клыкастик... – с задумчивым видом выдал Андрей, глянув на коробку в моих руках. – Интересно, ты сам сообразил или тебе кто-то подсказал?

Я вопросительно приподняла бровь, и под моим взглядом Сергей слегка порозовел.

– Вообще-то отец посоветовал. В физиологии ведь я... простите... не особенно силен.

– Вот ведь совпадение, - странно кашлянул Лис. А потом вдруг потянул носом и подался вперед. - Та-а-ак... а чем это от тебя пахнет, клыкастый? Ольга Николаевна, мне показалось, или к его запаху действительно примешивается ваш?!

Вампир вздрогнул, а я поставила коробку на столик и пожала плечами.

– Может, и так. На днях мне пришлось с ним кровью поделиться.

– С кем?! С вампиром?!

Я укоризненно посмотрела на лиса.

– Он, между прочим, жизнь тебе спас. Целый квартал тащил тебя на руках. Один. Ослабленный. Со штифтами в ноге, которая наверняка зверски болела от двойной нагрузки. А вместо благодарности что получил? Неудачную остроту? Свин ты неблагодарный, а не лис!

Андрей недоверчиво уставился на вампира, а потом вдруг отвел взгляд.

– Извини. Спасибо, что помог.

– Не за что, – буркнул Сергей, тоже подчеркнуто не глядя на оборотня.

– Я не хотел тебя поранить. Это машинально... инстинкт.

– Я понял.

– Серж, а ты чего пришел-то? - спохватилась я, когда в палате воцарилось неловкое молчание.

– Ради того, чтобы порадовать меня пончиками, не стоило тащиться в такую даль, да ещё на ночь глядя. У тебя все в порядке?

У вампира дернулась щека.

– Ольга Николаевна... я забыл вас вчера попросить: вы не могли бы перевязать мне руку?

– Все-таки глубоко порвал? - я с укором покосилась на оборотня.

– Не то чтобы порвал...

– Я его укусил, - вдруг каким-то деревянным голосом сообщил Андрей. – Черт меня подери... кажется, я припоминаю, что действительно его вчера укусил!

Я опешила.

– Ты что сделал?!

– Т-то самое, - сглотнул лис, уставившись на насуспенного вампира расширенными глазами. – Если вы давали ему свою кровь, то, когда он подбирал меня с земли, от него пахло вами. И... и это значит, что, скорее всего, я его вчера тоже...

– Пометил! – ахнула я, и вот тогда на скулах Сергея разгорелся злой румянец. – Сереж, неужели правда?!

– Правда, – неохотно подтвердил вампир и стянул джемпер, под которым виднелась тугая повязка. – Отцу я не сказал, иначе тут разгорелся был ещё один скандал. Но метка обычная, временная. И когда рана сразу не зажила, я подумал, что вы сможете мне чем-то помочь.

Я уставилась на пораженного до глубины души лиса со смесью удивления, недоверия и восторга.

– Это что же получается... оборотень пометил вампира и по-дружески пригласил его в семью?!

– Господи! – в ужасе пролепетал Андрей. – Срамота-то какая! Теперь отец меня точно убьет!

– Думаешь, мне оно надо? - неожиданно взбеленился вампир. – Ты, кретин, каким местом вообще думал, когда меня кусал?!

– Никаким. Я в отрубе был!

– Оно и видно!

– Тихо, не орите, – усмехнулась я, когда парни с яростью уставились друг на друга. – Опозорился так опозорился... бывает. Сереж, посиди тут, я тебе сейчас рану обработаю и подавителем намажу. А ты, любитель кусать все что ни попадя, будь добр в это время помолчать. И не забудь, что вампир, которому ты создал серьезную проблему, сугубо по доброте душевной спас тебе шкуру.

Я поднялась и вышла, оставив нелюдей сверкать глазами и раздраженно сопеть. Пока ходила на третий этаж за бутылкой, даже подумала, что зря не попросила медсестру присмотреть. Но когда вернулась и обнаружила, что парни все ещё не подрались, приятно удивилась и, знаком велев вампиру снять одежду, занялась его ранами.

Минут через пятнадцать, когда следы зубов на плече Сергея были удачно замаскированы, а джемпер вернулся на место, я озабоченно проговорила:

– Наверное, тебе нельзя домой. Могут почуять. Человека подавитель обманет. У оборотня нюх тоже отшибет, но на вампиров он, по-моему, не рассчитан.

– Сегодня я у друга переночую, - буркнул вампир, все ещё не глядя на ставшего несчастным лиса. - А вот что дальше делать, не знаю.

– Может, в отделении останешься? – предложила я. – Свободная палата есть. Кровью твой отец нас тоже обеспечил. Так что и поешь, и отоспишься.

– А можно?

– Можно, конечно.

– Спасибо, – с невыразимым облегчением выдохнул Сергей. - Хотя проблему это, конечно, не решит.

– Я подумаю, что можно сделать, – пообещала я. – Надо будет в интернете ползать, препараты поискать... может, уже фармфирмы что-то путное изобрели?

Вампир кивнул.

– У меня ноутбук в машине остался. Я сейчас сбегаяю.

– Я тебе помогу, – неожиданно вздохнул Андрей, и мы с вампиром одновременно обернулись в его сторону.

– Я те помогу, – сузила глаза я. – Чтоб из палаты ни ногой, пока кости не сростутся!

– Да чем ты мне поможешь в таком состоянии, идиот? – проворчал Сергей.

Андрей набычился.

– Сам идиот! Я на программиста учусь! И у отца в компании уже два года подрабатываю! Думаешь, я не знаю, где найти информацию по новейшим разработкам в области фармацевтики и медицины?!

– Фармация – это наша специальность!

– Зато взлом чужих баз данных – наша!

Я поперхнулась.

– Андрей, ты что, еще и хакер?!

– Не то чтобы... – смутился лис. – Но кое-что могу. Так что давай клыкастый, носи свой ноут. Если в сети есть хоть какая-то информация по нашей общей проблеме, то я ее найду.

ГЛАВА 16

Когда я зашла в палату через три часа, парни сидели вдвоем на одной койке и азартно копались в ноутбуке, периодически то ругаясь, то что-то живо обсуждая. Разговаривали они шепотом, чтобы никого не разбудить, драться-не дрались. Но тычки в ребра друг другу раздавали щедро, а шипели так, что я, какое-то время постояв у двери, едва не расхохоталась.

– Убери голову, лохматый, мне не видно!

– Да зачем тебе видеть, если ни черта в этом не понимаешь!

– Там формулы! И названия препаратов!

– Сам дурак! Это не те формулы!

– Да тебе-то откуда знать?!..

Долго подслушивать я не стала, а просто зашла, разогнала увлекшихся парней, отправив вампира в пустую палату. Оборотня ещё разок осмотрела, прогнала через него диагностическое заклинание. И ушла, оставив загоревшегося идеей лиса с маниакальным упорством тарачиться на экран ноутбука.

– Не сростутся кости до завтра, пробудешь на постельном режиме еще сутки, – предупредила его напоследок. Андрей, не отрывая глаз от монитора, угукнул, но, по-моему, даже не заметил, что я ушла.

Полутру он встретил меня с красными от недосыпа глазами и получил за это люлей от души. Правда, рентген у этого нелюдя все-таки оказался хорошим, так что я подумала и перевела его в палату. В ту самую, где ночевал сегодня вампир и откуда он бы точно сбежал, опасаясь за сохранность своего драгоценного ноута.

Когда я поинтересовалась, нашел ли Андрей что-то полезное в интернете по их общей с вампиром проблеме, тот промычал что-то неопределенное и отмахнулся. Вампир, с трудом продравший утром глаза, тоже встрепенулся, но оборотень и на его вопрос не ответил. Пришлось отобрать у него ноутбук силой. А когда я обнаружила, что вместо поиска средства для уменьшения запахов наглый лисеныш копается в базах данных МВД, меня самым натуральным образом тряхнуло.

– Ты... ты что наделал?! – ахнула я, шокировано уставившись на материалы какого-то дела.

– Что? Что там? – подпрыгнул на постели вампир и тоже сунул нос в монитор. – Мать твою... лис, ты что, спятил?!

Андрей насупился, а затем выдернул ноутбук из моих рук и мотнул трепанной головой.

– Ничего не спятил. Я случайно наткнулся на закрытый канал, на интервью, где начальник МВД как раз говорил о росте насильственных смертей среди нелюдей. Оказывается, это уже давно происходит. Минимум полгода, а то и больше. И мой отец, кажется, был в курсе!

Лис со злостью стукнул кулаком по клавиатуре.

– Эй! Осторожнее! – возмутился вампир и попытался вырвать компьютер из рук агрессивного нелюдя. – Это, между прочим, мое!

– Почему ты решил, что твой отец в курсе? – осторожно поинтересовалась я.

– Полковник Кабанидзе – его старый друг. Насчет Лиски отец именно его напярк. А майор Гаврилок – подчиненный Кабанидзе. Я поэтому и полез копаться в файлах МВД. Особенно в их статистику, которую никто, кроме них, больше не видит.

– Так. И что?

– Тут написано, что за последние месяцы в столице без вести пропало несколько оборотней и одинаковым образом было убито почти полтора десятка вампиров. Расстреляны. Все до одного. А оборотней кто-то умышленно давит на дорогах.

– Только в столице? – отчего-то насторожился вампир.

Лис кинул на него раздраженный взгляд.

– Пока да. Если смотреть по отдельности, то случаев сравнительно немного. В МВД есть статистика за прошлый год. Но если сравнить нынешние показатели со старыми, то количество насмерть сбитых оборотней выросло за этот год в восемь раз! Их были десятки, клыкастый!

– Но при чем тут твой отец?

– При том, что как раз полгода назад он велел мне сдать на права и в приказном порядке пересадил на машину. Лиску велел подвозить до универа и обратно. Всю плешь проел, напоминая, как опасно стало на дорогах. Я тогда еще подумал: с чего бы это? А оно вон что! Оказывается, он просто знал!

Я нахмурилась.

– Даже если и знал, то почему он должен был тебе докладываться?

– Он охрану хотел на нас с Лиской «повесить», – сжал челюсти Андрей. – Еще полгода назад. Насилу отбились. На той неделе снова завел этот разговор. Я посмотрел по датам – на западе столицы за сутки черный внедорожник насмерть сбил двоих наших. Волка и лиса. Двумя неделями раньше пострадала Лиска. Месяц назад – кто-то из котов. Это, по-вашему, что? Совпадения?!

– Подожди, мохнатый, – примирительно поднял ладони вампир. – Все равно это не повод на него злиться. Ты раскопал что-то еще?

Лис сверкнул глазами.

– Да. На камерах видеонаблюдения с места трех последних аварий был заснят этот внедорожник. А на одной даже удалось зафиксировать лицо водителя.

– И что?

– А то, что у него были отчетливо видны вампирские клыки, – процедил Андрей. – И отец мне об этом даже после Лиски не сказал!

В палате воцарилось ошеломленное молчание.

– Это... этого не может быть, – наконец, ошарашенно выдал Сергей. – Я говорил с отцом. Он сказал, что всех проверит. И я клянусь тебе... здоровьем матери клянусь, что никто из наших не отдавал такого приказа! Мы не хотим войны с вами! Это нас всех уничтожит!

У Андрея неожиданно опустились плечи.

– Знаю. Час назад я звонил отцу. Он сказал, что они с твоим папочкой работают над делом вместе. А потом заявил, что это не мое дело и чтоб я не смел вообще сюда соваться ни под каким предлогом! А ведь Лиску тоже сбили специально, – тихо добавил он. – Я не знал. И она все еще не понимает, что ее пытались задавить намеренно. Но когда я вскрыл данные Гаврилюка и поднял его последние дела, то стало ясно, что она была далеко не первой.

Я сочувственно погладила парня по плечу.

– На месте твоего отца я бы тоже не хотела, чтобы ты влезал в это дело.

– Это ещё не все, – тяжело вздохнул лис и, пристроив ноут на коленках, пару раз щелкнул мышкой. – Вот, смотрите. И ты, клыкастый, тоже смотри. Тебе точно стоит это увидеть.

– Что это? – поинтересовался вампир, заглянув через плечо сидящего боком оборотня. – Записи с камер видеонаблюдения?

– Да. Это было два месяца назад. Есть записи и посвежее, но эта самая показательная.

Я с беспокойством взглянула на экран.

Двадцать пятое октября. Двадцать три ноль две. Заснеженный проспект. Сравнительно небольшой поток машин. Остановка перед светофором. К стоящим перед «зеброй» Пежо и Форду подруливает большой черный внедорожник. Тонированные задние стекла. Отсутствующие номера. Опознавательных знаков вроде марки автомобиля нет – кем-то сорваны, но судя по обводам, это все же «ленд-круизер». Быть может, даже «прадо». Несвежий, если так можно выразиться о машине. Со слегка покореженным правым передним крылом. Поскольку проспект большой, а движение в шесть полос, то машины перед светофором стоят в один ряд. Вот по «зебре» проходит основная масса пешеходов. Зеленый им начинает мигать. Но в последний момент на «зебру» выбегает рослый мужчина без шапки и в одной рубашке. Определенно оборотень – кроме них, никто из нелюдей не ходит в таком виде поздней осенью. Мужчина куда-то спешит. У него на руках ребенок лет трех. Кажется, девочка, но видно плохо: фонарь на улице едва горит. Поскольку сигнал светофора вот-вот потухнет, то отец бежит, не озираясь по сторонам и явно не ожидая подвоха. Но как только он оказывается поблизости от внедорожника, тот вдруг стартует с места, причем так, что из-под покрышек вырывается дым, и прямо на глазах у очевидцев сбивает оборотня, который в последний момент отбрасывает ребенка вперед, но сам увернуться уже не успевает...

– Боже, - прошептала я, когда Андрей остановил запись и снова защелкал по клавишам.

– А теперь смотрите с этого ракурса.

Тот же проспект. Те же три машины перед светофором, только на этот раз камера смотрит им в лоб, не сверху и сзади. Все повторяется с точностью до секунды. Но на этой записи видно, что лицо водителя внедорожника прикрыто козырьком. Для обозрения нам оставили лишь часть грудной клетки, обтянутой темным свитером. И самый краешек светлой кожи над воротником.

Мне не захотелось смотреть эти кадры повторно, однако, когда я отвернулась, Андрей требовательно дернул меня за рукав и замедлил запись, по кадрам показывая, что происходило в кабине внедорожника перед нападением.

Вот видно, что водитель спокойно сидит на месте, держа ладони на руле. Вот он пошевелился и чуть качнулся вбок, явно заметив спешащего перебежать дорогу мужчину. Секундное колебание. Резкий рывок вперед. Незнамо зачем опущенный козырек над водительским сидением вдруг отскакивает вверх, на долю секунды приоткрывая лицо водителя. Но картинка смазанная. Видно лишь то, что это мужчина, что он довольно бледен и худ, а его глаза закрыты черными очками.

Правда, перед тем как джип стартует с места, на губах мужчины появляется недобрая ухмылка. И вот тогда становятся хорошо видны неестественно длинные, гораздо более тонкие, чем у оборотня, клыки, при виде которых у меня чуть сердце не остановилось.

– И наконец, вот вам третье доказательство, - тихо сказал Андрей, перескочив с записи нападения на другой файл и открыв нам какой-то документ. – Это заключение эксперта, осматривавшего пострадавший в аварии автобус. Читайте. Красным шрифтом. В самом низу.

Я растерянно пробежала глазами строчки чужого отчета.

– ...Переднее колесо... характерные повреждения передней оси... явные признаки присутствия маломощного взрывного устройства... Господи!

– Это неправда! – жалобно воскликнул Сергей, закончив читать буквально за миг до меня. – Никто из нас не мог! Там же были дети!

– Там ехали оборотни, – процедил Андрей, не глянув на клыкастого даже мельком. – Понимаешь теперь?! Ни одного вампира!

– Вообще-то там был и один вампир, - прошептала я. – Женька. Ему не повезло больше всех. Мама сказала: его пересадили в другой автобус в последний момент, потому что сидение в другом шаталось. Воспитатель... оборотень, кстати... решил не рисковать.

Лис ощутимо нахмурился.

– Вампир? В отчете про него ни слова.

– Это неправда! – громче и почти зло повторил Сергей, и на его скулах снова выступил непримиримый румянец. - Никто из нас не мог этого сделать!

Я вздрогнула.

– Верно...

– Ольга Николаевна! – возмутился лис. – Но вы же сами все видели!

– Да. Но вампир не посмел бы рискнуть жизнью ребенка, - нахмурилась я. - Тем более группы детей. За попытку убийства ребенка любой расы его прокляли бы свои же сородичи. Для них это все равно, что для вас предать семью, стаю...

– Вот именно! – зло подтвердил Сергей. - Если бы кто-то узнал, то такого урода разорвали бы голыми руками! Или ты думаешь, я просто так тебе помог?!

Андрей, который по меркам вампиров и впрямь был несовершеннолетним, упрямо поджал губы.

– Тогда как ты ЭТО объяснишь?!

– Это был кто угодно, но только не вампир, – твердо ответил Сергей.

– Изобразить вампира не так уж сложно, – замедленно проговорила я. - Натри белилами морду, нацепи клыки... вон, в любом магазине подарков таких полно... и готово. И вас не насторожил этот опущенный козырек? Даже при резком старте он не должен был сложиться сам по себе. Так что, скорее всего, водитель поднял его намеренно.

– То есть, он хотел, чтобы камера его засняла? – озадачился Андрей.

Я покачала.

– Нет. Он хотел, чтобы камера засняла его клыки.

– То есть, это подстава?!

– Серез, скажи-ка, что ты помнишь о типе, который в тебя стрелял? – обернулась к вампиру я.

Тот свел брови к переносице.

– Только запах.

– А если бы его не было, ты бы смог с ходу сказать, что это именно оборотень?

– Пожалуй, нет. Комплекция у этого урода слабовата для оборотня.

– Так... так... – лихорадочно принялась размышлять я. – По отдельности это, конечно, звучит бредово, но если подумать и принять версию, что убийства вампиров и оборотней имеют схожую природу, то... Андрей!

– Да? – вздрогнул от неожиданности лис.

– У вас в компании ведь проводятся работы по модификации природных запахов нелюдей?

– Откуда вы знаете?!

Да ниоткуда. Запах твой до сих чувствую и прекрасно знаю, что с ним что-то не то!

– Так проводятся?

– Да, - неохотно буркнул оборотень. - Давно уже. Но после скандала с «IT Pharmasecticles» их пришлось приостановить.

– При чем тут американцы? – не поняла я.

– Это была их база. И их сырье. Мы только предоставили оборудование в рамках программы о сотрудничестве.

– А программное обеспечение?

– И его, конечно. Это же наш конек. Хотя идея была их.

– Так. А тебе известно, каких успехов они добились? Что-нибудь было создано? Какой-нибудь экспериментальный препарат? Или что-то вроде?

Андрей пожал плечами.

– Понятия не имею. Но могу спросить у отца, если хотите. А почему вы об этом заговорили?

– Потому что в Сергея стрелял кто-то, кто не выглядел как оборотень, но при этом очень сильно им пах.

– Я вот теперь думаю, а может, он и не собирался меня добивать? – пробормотал Сергей. - Может, он как тот... за рулем... специально подошел поближе, чтобы я его учуял? Ведь он мог выстрелить повторно с того места, откуда пустил первую пулю. Он мог убить меня в любой момент. Но вместо этого он подошел почти вплотную...

Я прищурилась.

– Вот именно. И при равных условиях его запах был слишком силен. Ты сказал: как после линьки? Но оборотни линяют по весне. Зимой его запах должен быть приглушенным. Если, конечно....

– Он не был искусственным! – прошептал вампир, уставившись на меня во все глаза.

– У... у нас вообще-то были и такие разработки, – вдруг сглотнул Андрей. –Отец как-то говорил. Но я не помню, кто конкретно, когда и где этим занимался. И чем все это в итоге закончилось.

Я внимательно на него посмотрела.

– Значит, надо выяснить.

– Это что же получается... – растерянно взлохматил пятерней волосы оборотень. – Нас специально срамливают между собой?! Кто-то, прикидываясь вампиром, сбивает наших, а кто-то, выдавая себя за оборотня, отстреливает клыкастых?

– Может, это одни и те же разумные? – так же тихо предположил вампир. – Может, кому-то нужна война между нашими расами?

Из лиса словно выпустили весь воздух. Кажется, он наконец-то поверил, что тут не все так просто, и до него с опозданием дошла вся сложность данной ситуации.

– Надо сказать отцу... надо... надо, чтобы он...

– Тебе запретили вмешиваться, – хмуро напомнил ему вампир.

– Да. Но это же важно! Надо, чтобы он знал! И твой тоже! Мы не можем допустить новой войны!

– Не переживай. Войны мой отец не допустит. Проблема в том, что мы не знаем, ради чего нас хотят срамливать. Нам неизвестно, кто это, какие у них цели. А главное, мы не знаем, когда и где погибнет кто-то еще. Убийство того волка на пленке явно было спонтанным. Но все остальные, скорее всего, были спланированы заранее, иначе убийцу давно бы поймали. Быть может, есть какая-то связь между жертвами? Теми местами, где происходили убийства? Или, может быть, они как-то связаны по времени?

Андрей сник.

– Ты прав. Судя по всему, убивают в разных районах и в разное время. Хотя бы раз в неделю. Но чтобы понять, что и почему, надо проанализировать все имеющиеся по жертвам данные. Разве что с базы Гаврилюка их скачать? Но там защита стоит. Пролететь через нее, чтобы прочитать его файлы, у меня ума хватило, а вот скачать... боюсь, что это будет сложнее. И меня наверняка после этого вычислят.

Я поджала губы.

– Вообще-то, есть более безопасный путь.

– Какой?! – одновременно вскинулись парни.

Я затаенно улыбнулась: у нас в подвале годами обитало существо, которое скрупулезно хранило все копии отчетов по последним убийствам нелюдей. Протоколы вскрытия. Данные, полученные от майора. И кучу другой полезной информации. Правда, уговорить это существо ею поделиться будет непросто, но... чем черт не шутит? Вдруг хотя бы одному хорошему другу он захочет их подарить?

ГЛАВА 17

– Ни. За. Что! – раздельно сообщил Сан Саныч, когда ближе к обеду я заглянула в морг и деликатно намекнула коту, что мне от него нужно. – Даже не уговаривай! У меня, между прочим, подписка о неразглашении есть, так что я отказываю тебе на совершенно законных основаниях!

– Ну, Саныч... миленький...

– Ольга, ты меня слышала?!

Я обольстительно улыбнулась.

– Ну мне правда очень-очень надо. Ну, пожа-а-а-луста... Саныч, дорогой...

– И лесть на меня тоже не действует, – отрезал кот. – Не положено, значит, не дам! Даже тебе. И даже по-дружески.

Я тяжело вздохнула и попробовала зайти с другого конца.

– Честное слово, это важно. Не столько для меня, сколько для других. Это дело, можно сказать, государственной важности!

– Хоть всемирной и даже вселенской! Я уже сказал: никаких отчетов!

– Саныч, ну я ведь не прошу у тебя официальные протоколы или улики с места преступления! Мне всего лишь нужны копии отчетов, которые ты делаешь чисто для себя. Из научного, так сказать, интереса.

– Намекаешь, что я делаю их без ведома сотрудников МВД? – недобро прищурился кот.

– Ну что ты, дорогой! Это же для твоего личного пользования! Поэтому, дав мне взглянуть на эти бумаги, ты никоим образом закон не нарушаешь!

Саныч ненадолго задумался, а потом упрямо мотнул головой.

– Даже не проси.

– Саны-ы-ч... – заныла я. – Ну, Санечка... Сашенька... мой миленький, дорогой, самый замурчательный, миленький, красивенький, рыженький, пушистенький и просто замечательный ко-отик! Ну пожалуйста-а-а... дай взглянуть хоть одним глазком!

– Оля, ты русских слов не понимаешь?! НЕТ!

– Ну, ты же хороший, – проворковала я, потихоньку подбираясь к столу, где с упрямым видом сидел этот рыжий красавец. – Ты у нас самый умный, знающий, самый красивый, полезный, внимательный, предусмотрительный, прямо весь такой ла-апушка...

Усыпив бдительность кота, я подкралась вплотную и, пока Саныч демонстративно смотрел в другую сторону, самым коварным образом почесала его за ушком.

– Мур-р, – непроизвольно выдал суровый кот, блаженно прикрыв глаза и шевельнув длинными усами.

– И еще я тебя очень люблю-у-у, – промурлыкала я, склоняясь над блаженствующим зверем. Но, видимо, немного перестаралась, потому что кот неожиданно вздрогнул, распахнул желтые глазки и, сообразив, что я едва его не перехитрила, демонстративно сбросил с головы мою руку.

– Руки прочь от советской власти! – заявил этот поганец, гордо вскинув рыжую мордочку. – Я твои уловки знаю, поэтому отчетов не дам! Точка.

И я сникла.

Ну вот. А ведь раньше он ловился на эту удочку почти сразу. Потом стал мудрее и осторожнее, перестал верить словам коварной и местами обольстительной ведьмы. Теперь же, по прошествии стольких лет, его становилось все сложнее и сложнее развести на таких маленьких хитростях. Но на сегодня я все его известные слабые места уже использовала, результатов не получила, и что делать дальше, просто не представляла.

– Эх... какой же ты все-таки жмот, Санечка, – печально вздохнула я, отступив от стола и с укором посмотрев на упрямого кота. – А ведь от этой информации может зависеть чья-то жизнь.

Кот демонстративно промолчал.

– В том числе и моя...

Он недовольно фыркнул.

– И Юрия Ивановича...

И снова – ноль эмоций. Да где же у тебя эта чертова кнопка?! Не может такого быть, чтобы ты остался совсем без слабостей!

– Да и майору Гаврилюку эта информация наверняка бы пригодилась, – неожиданно добавила я. Больше от обиды, чем действительно на что-то надеясь.

И тут у кота явственно дернулось ухо.

– С чего бы это? У него вся эта информация уже есть.

– Информация-то, может, и есть, только проанализировать он ее не сможет. Для этого надо знать то, что совершенно случайно узнала сегодня я.

– А что ты такого узнала? – с подозрением осведомился кот и чуть повернул голову.

Есть контакт!

Я мысленно возликовала. Но вслух лишь скучающим голосом заметила:

– Тебе это будет неинтересно. Прости, Саныч. Видимо, я зря тебя потревожила. Хорошего дня.

– Стой! – крикнул баюн, когда я развернулась и двинулась к выходу. – Оля! Мы еще не договорили!

Я на мгновение обернулась и махнула рукой.

– Да ладно. Ты же сказал, что ничем не можешь помочь. Так что я у другого кота спрошу. Говорят, в МВД ещё какой-то умелец работает. Может, он со мной поделится информацией?

– Ол-ля... – грозно проорчал кот, приподнявшись над столом и вздыбив шерсть на загривке. – Не смей упоминать при мне этого засранца! Стоять, я сказал! Не смей меня игнорировать!

Я послушно остановилась.

– Ну-ка, вернись! – скомандовал кот. А когда я не сдвинулась с места и принялась со скучающим видом рассматривать вид за окном, неожиданно сменил тактику. – Оля... Оленька... посмотри на меня, пожалуйста, и повтори, что именно ты хотела узнать.

– Ой, ну сущие пустяки. Забудь.

– Ну, Олечка...

– Все, Саныч, мне пора. До встречи.

– Ольга! – возмущенно ахнул кот и, стремглав сорвавшись с места, рыжей молнией метнулся мне под ноги. Перегородив единственный выход, он поднялся на задние лапы, распушил шерсть и, прижав уши к голове, рассерженно зашипел: – Оля, не смей поступать со мной таким варварским способом!

– Ты что, мне угрожаешь? – неподдельно изумилась я, и в ту же секунду почувствовала, как заколка в моих волосах заинтересованно высунула наружу змеиную голову.

Кот мигом отпрянул, сообразив, что перегнул палку, после чего немедленно принялся тереться об мои ноги и ласково промурлыкал:

– Ну что ты, моя хорошая... как я мог угрожать ведьме... тем более такой красивой и сильной, как ты. Я же не дурак.

Я недобро прищурилась.

– О, вот ты как заговорил...

– Ну не сердись, Оленька. Свет мой, не надо. От этого цвет лица портится и морщинки на лбу образуются. Поверь старому и опытному коновалу. Тебе морщинки не пойдут. Ой! А давай я тебе сейчас чаю налью, мы поговорим, я все тебе объясню и постараюсь сделать все, что в моих силах... мурр! Ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь! Я же всегда... мур-мур... тебе помогал. Ну, погор-рячился... мурр... бывает... мурр... ну, прости меня, пожа-а-алуйста...

Я хмыкнула и, наклонившись, взяла этого хитреца на руки.

– Мир? – как ни в чем не бывало предложил котяра, когда я всмотрелась в его прищуренные глазки.

– Поможешь мне с информацией? – вместо ответа спросила я.

Он пошевелил усами, но потом все же кивнул.

– Помогу. А в обмен ты расскажешь мне, что за тайну тебе удалось узнать, и почему эти сведения могут представлять интерес для майора Гаврилюка.

– Идет. Но у меня есть одно условие: со мной будет посторонний.

– Надеюсь, он надежный? – с подозрением осведомился кот.

– Он в этой информации кровно заинтересован.

– Тогда ладно. Пусть приходит.

Я с облегчением выдохнула и, выглянув за дверь, негромко крикнула:

– Сереж! Заходи!

Но потом услышала невнятный шорох. Недоверчиво приподняла брови. Терпеливо дождалась, когда шорох, к которому вскоре присоединилось подозрительное пыхтение, приблизится. А потом увидела, КТО вышел из коридора на мой голос, и в неподдельном возмущении выдохнула:

– А ты что тут делаешь?!

– Привет, - прохрипел Андрей Лисовский, повиснув на плече сдавленно ругающегося вампира.
– Вы нас не ждали? А мы пришли.

– Эт-то ещё кто? - опасно сузил глаза сидящий на моих руках кот. - Оля! Немедленно поясни!

– Я лис. Он вампир, что тут необычного? – с готовностью представил себя и своего провожатого оборотень. - Но Ольга Николаевна правильно сказала: мы оба кровно заинтересованы в информации. Есть предположение, что она может предотвратить войну между нашими расами, поэтому, сами понимаете, без нее мы отсюда не уйдем.

– Сереж! Как ты позволил ему встать на ноги?!

– Да если б он меня слушал! – с досадой отозвался с трудом держащийся на ногах вампир. - Я его в палате оставил! А когда сюда спустился, этот придурок на меня с лестницы свалился! Еле успел поймать! Обратно тащить было долго, поэтому я его сюда...

– Сам ты придурок! – прошипел лис, с трудом удерживаясь на плече то ли врага, что ли будущего друга. А потом все-таки не удержался на перебитых ногах и с тихим проклятием грохнулся на пол.

– Дети, – недовольно проворчал Саньч, когда вампир, шипя и ругаясь, втащил тяжеленного лиса в помещение морга и с моей помощью взгромоздил его на ближайший стол. Стол, правда, оказался секционным... к счастью, пустым... но вампира это совершенно не смутило.

– И чего вам на месте не сидится? - продолжал бурчать кот, попутно роясь в одном из шкафов. – Все беды от вас. Все несчастья.

– Все беды от женщин, - просипел, с трудом отдышавшись, лис.

– Что ты сказал?! – грозно осведомилась я.

– Ой, это я не про вас, Ольга Николаевна! Чесслово! Ничего такого не имел в виду! Ведьмы, они... это... приносят счастье! И удачу... наверное... и вообще некоторые из них хорошие! Я знаю! Мне отец говорил, - совершенно нелогично завершил свой монолог наш хвостатый герой и испуганно примолк, косясь на меня пожелтевшим глазом.

Я только сердито фыркнула.

– Саньч, что там у тебя?

– Сейчас, - невнятно отозвался кот, усиленно копаясь в каких-то папках. Но затем все же выудил оттуда небольшое, перевязанное тесемкой «дело» с номером «тысяча триста тринадцать» и, схватив в зубы, ловко перепрыгнул на стол. - Вот. Достал.

– И это все?! – недоверчиво воскликнул вампир, когда увидел, насколько тонка эта папочка.

Кот зыркнул на него очень и очень недобро. Но вместо ответа просто развязал тесемку и предусмотрительно отошел в сторону.

В ту же секунду невзрачная папочка словно вздулась и, раскрывшись, с шелестом разродилась огромной... прямо-таки гигантской стопкой тщательно скрепленных скрепками документов. Высотой эта папка, наверное, достигала моей головы... а я в это время стояла и так же, как парни, замороженно тарашилась на это чудо. Причем количество вложенных в нее более мелких папок явно переваливало за несколько десятков, а то, может, и больше – я там не все от неожиданности рассмотрела.

– И это что... они ВСЕ такие? - ужаснулся вампир, глядя на дополнительные папки.

– Нет, – буркнул кот, подходя ближе. - Эти обычные. Хватит и одного пространственного заклинания, чтобы держать документы в порядке.

Да, кстати. Забыла сказать: помимо всего прочего, Саныч неплохо владел пространственной магией, поэтому для его работы не требовалось огромного холодильника. В условиях ограниченного размера помещений клиника не смогла бы вместить полноценный холодильник или даже два холодильника для всех хранящихся у нас трупов. Но у Саныча, как я уже говорила, был свой подход к этой непростой работе, поэтому он и с трупами умудрялся так ловко управляться. Ну а что касается того, сколько тел находилось конкретно в этом помещении... Думаю, посторонним об этом лучше не знать. И не совать свои любопытные носы в нижний ящик его безразмерного стола.

– Идите сюда, - проворчал Саныч, засунув нос в папку. – Я вам сейчас все по номерам раздам, а потом вы уж сами разбирайтесь. Оля, это тебе...

Я неожиданно стала счастливой обладательницей сразу десятка приличных по весу папок.

– Клыкастый, это тебе...

Вампир аж крикнул, когда ему на руки бухнулась вторая стопка дел.

– А ты, рыжий...

– Я не рыжий! – обиженно протянул с секционного стола оборотень.

– Да мне без разницы. Так вот, это твое... – и в лиса полетела еще одна папка. Затем вторая, третья, четвертая... пока, наконец, бедолагу не погребло под ними с головой. – Все, работайте. И не вздумайте мне тут все рассыпать! Если увижу недостачу – накажу!

– Эм, - я в некоторой растерянности усталилась на спрыгнувшего на пол, неторопливо удаляющегося кота. - А ты нам разве не поможешь?

– Нет уж. Это ваша работа. Когда вы все выясните, ты мне потом сама все расскажешь. А я пока пойду вздремну.

С этими словами кот удалился в соседнее помещение, откуда вскоре донеслось негромкое мурлыканье. А мы с вампиром и оборотнем озадаченно переглянулись, но делать нечего – надо было работать, пока Саныч, как это порой бывало, внезапно не передумал.

Поскольку информации было море, а времени не так уж много... ещё не закончился рабочий день, если кто забыл... Так вот, поскольку до ночи прохлаждаться в морге я не могла, а кое-кому скоро надо было попасть не только на ужин, но и на процедуры, то часами разбирать все эти папки и бумажки нам было некогда. К тому же, если верить вампиру, лис недавно свалился с лестницы, его следовало осмотреть и решить вопрос о повторном рентгене. Поэтому, велел

вампиру начать разбирать бумаги, я сперва осмотрела Андрею ноги, ощупала кости, однако новых переломов этот оболтус вроде бы не заработал. К сожалению, полной картины малое диагностическое заклинание не давало, а для использования большого не было повода. Упрямый лис даже физиономию себе не оцарапал. Разве что синяк свежий на коленке появился, да бок при падении он все-таки помял.

Решив, что с такими травмами без обезболивающих он обойдется, я собралась было с головой уйти в бумаги, предварительно позвонив в отделение и предупредив, где меня искать в случае чего. Но когда я закончила говорить, то вдруг обнаружила, что предприимчивые парни вместо того, чтобы рыться в документах, по одному их вынимают и по очереди щелкают на телефон.

– Вы что делаете? – осведомилась я, когда они в темпе, даже не глядя, что там написано, отщелкали целую папку. Лис подавал, вампир щелкал.

– Как что? – удивился Андрей. – Так гораздо быстрее.

– В чем же, по-твоему, это будет быстрее? Вы тратите время сейчас на съемку, затем будете тратить его на анализ...

Лис бросил на меня снисходительный взгляд.

– Ольга Николаевна, я же программист. Сейчас все отснимем, а я потом в программку эту информацию закину. Комп все за нас сделает. И если в этих случаях есть какие-то совпадения, то через несколько часов программа нам об этом сообщит.

– У тебя что, на все случаи жизни программы есть? – не поняла я.

– Зачем? Только наработки. Но сейчас мы закончим, и я ее допишу до конца. Там и работы-то – тьфу. За час управлюсь.

Я вдруг почувствовала себя отставшей от прогрессивного молодежного общества бабулей, которой впервые в жизни показали, что такое смартфон.

– Согласен, – поддержал лиса вампир. – Сами мы несколько дней, а то и недель с этим провозимся. С программой будет гораздо быстрее.

– Только я есть хочу, – вдруг пожаловался Андрей, ковыряясь в следующей папке. – Слышь, клыкастый... может, сбегаешь наверх и принесешь нам обед?

– Еще чего. Тебе надо, ты и сбегай.

– А я не могу – у меня лапки.

Для подтверждения этих слов наглый лис даже задрал кверху ноги, но тут же схлопотал от вампира тяжелой папкой по башке и обиженно умолк.

Какое-то время они работали молча, но очень споро и сосредоточенно. Когда в телефоне вампира закончилась память, он забрал у оборотня второй и продолжил работу, заставив меня мысленно ему поаплодировать. Не знаю, по какой методике работали подчиненные майора Гаврилока, но эти парни меня поразили. И ведь додумались. Да ещё программа эта... наверное, я и впрямь отстала от жизни, если до такого не дотумкала.

Где-то через час, когда наши телефоны были под завязку набиты всевозможной информацией, я с удивлением поняла, что парни закончили работать.

– Все. Пора обедать, - забросив в последнюю папку слегка помятый лист, сказал Андрей и с облегчением растянулся на столе. – Эй, клыкастый! Тебе под силу заволочь меня на второй этаж?

– Не надо куда волоочь, – вздохнула я. – Вот же вы дикие... тут лифт есть. Только до него надо идти.

– Идти я смогу, – встрепенулся лис. – Это по лестнице сложно, а по прямой я вполне ходок. Потом вы меня покормите, я немного посплю и к вечеру уже бегать буду. Вот увидите.

– Пойдем, жертва «ленд-круизера прадо», – скептически посмотрел на него вампир. – Если ты грохнешься мордой вниз во второй раз, ловить не буду. Даже не проси.

Андрей фыркнул.

– Больно надо!

И осторожно сполз со стола, попробовав опереться на ноги.

– Надо же, держат!

– Подождите, надо все убрать, а то Саныч ругаться будет, – спохватилась я и, слевитировав папки обратно на стол, заставила их лечь друг на друга в том порядке, в каком они лежали. – Вот теперь идем. Андрей, я надеюсь, твой отец не надумает нас навестить в ближайшие пару часов?

– Не должен. А что?

– Ничего, – старательно скрывая облегчение, отмахнулась я, а потом скомандовала: – Все на выход. Бегом марш!

ГЛАВА 18

По дороге я все же настояла на повторном рентгене и, лишь убедившись, что малое диагностическое заклинание не обмануло, разрешила парням вернуться в палату. Поскольку по возвращении я демонстративно помахивала свежим снимком, то вопросов, где я так долго пропадала, у коллег не возникло. А Юрий Иванович, которого мы встретили по пути, скороговоркой сообщил, что ему снова надо уехать в горздрав, и умчался до того, как я успела осознать, что сегодня меня никто домой тоже не повезет.

«Надо же, – со смешком подумала я, слушая его быстро удаляющиеся шаги. – Я и впрямь как принцесса в драконьем замке. Вроде и пора бы сбежать, да только уже не хочется».

Ближе к вечеру, когда врачи и медсестры разошлись, и в отделении осталась лишь дежурная пара: врач-медсестра, я снова навестила парней и, понизив голос, поинтересовалась:

– Ну? И как успехи?

– Мы почти закончили, Ольга Николаевна, – не без гордости сообщил валяющийся на постели лис. – Еще полчаса, и программа выдаст результат.

– Так быстро?!

– А вы чего хотели? – хитро прищурился Андрей. - Я же толковый программист. А у клыкастого, к тому же, оказался при себе неплохой комп.

– Ну хоть что-то я за этот день услышал о себе хорошего, – проворчал с другой койки вампир.

– Да ладно, не злись, - на удивление мирно отозвался оборотень. - Я ж шутя. Когда выберемся отсюда, я тебе тачку прокачаю. Туда, если система потянет, такую прогу можно забросить, что она у тебя летать будет. Точно тебе говорю.

Я перевела недоумевающий взгляд с одного парня на другого, но они, похоже, понимали друг друга лучше, чем я их. Какой позор. Отстаю от жизни прямо на глазах.

Неожиданно ноутбук на постели оборотня тихонько пискнул, и лис подскочил, как укушенный.

– Так. Закончила. А теперь, чтобы заценить результаты, давайте куда-нибудь отсюда свалим. Как насчет куда-нибудь прогуляться?

Вампир воззрился на лиса, как на ненормального.

– Ты что, дурак? Куда ты с такими ногами пойдешь?

– А что, нужно обсуждать такие вещи в больнице? Когда в соседних палатах обитают такие же, как мы, остроухие и хорошо слышащие звери?

Вампир с сомнением посмотрел на меня. Но лис в чем-то был очень даже прав: пока старательно раздуваемая кем-то война не набрала оборотов, давать посторонним информацию о происходящем было ни к чему. А у нас за стенкой немало оборотней лежало. А слух у них будет получше моего. Что, если кто-нибудь услышит лишнее и, не разобравшись, пойдет мстить вампирам за смерть своих родичей?

– Я не могу бросить отделение, – скрепя сердце призналась я. - И вообще, я бы предпочла, чтобы эта информация как можно скорее попала на стол к майору Гаврилюку. Это ведь он занимается теми делами.

– Ему мы все передадим, как только сами во всем разберемся, - отмахнулся Андрей. – Само собой, я и отцу копии файлов скину. И Серегину тоже надо будет их отдать. Но неужели вам самой неинтересно на все это посмотреть?

– Интересно. Но я же при исполнении, если не забыл...

– Да вы что, Ольга Николаевна! Сегодня же не дежурный день! И ваша смена давно закончилась.

Хм. Ну да.

– И шеф ваш уже ушел, - льстиво улыбнулся лис. - Или что, он даже после рабочего дня не разрешает своему заместителю посидеть с друзьями в кафешке?

– Не с друзьями, а с пациентами, - проворчала я.

– С бывшими пациентами, – не преминул напомнить вампир.

Я заколебалась.

– А я почти бывший пациент, - торопливо добавил оборотень и, соскочив с постели, быстро и весьма уверенно прошелся по палате. - Видите? У меня все зажило. Я здоров. Вы подняли меня на ноги... так как, Ольга Николаевна? Сходим в соседнюю кафешку? Это прямо за углом. И пончики там ну о-очень вкусные.

– Заодно обсудим результаты, - неожиданно поддержал его вампир. – Я – за.

Я ненадолго задумалась. Но было бы странным отказываться сейчас, когда благодаря моему участию эти двое уже ввязались в авантюру. С другой стороны, оба они едва не стали жертвами неизвестного убийцы, так что это дело коснулось их ещё до того, как вмешалась я. Наконец, мы проделали некую работу, потребовавшую затрат сил, времени и ресурсов. И бросить все на полпути лишь из-за того, что мне как врачу было не слишком удобно посидеть вечером в кафе со своими бывшими или почти что бывшими пациентами...

– Бог с вами, – наконец, махнула рукой я. – Идемте. Только мне переодеться надо. И вы угощаете.

– Само собой! – в голос воскликнули нелюди, радостно переглянувшись. После чего оба кинулись к шкафу, где хранилась их одежда, и принялись торопливо переодеваться.

Через полчаса мы уже втискивались за угловой столик в той самой кафешке, откуда Андрей так упорно таскал мне сладости. Пока я оглядывалась и изучала обстановку, вампир пошел делать заказ, а лис сосредоточенно что-то изучал в ноутбуке. Народу в это время в кафешке собралось немало. Народ шел с работы. Кто-то брал пончики и плюшки для детей. Кто-то просто не хотел готовить. Небольшой зал был переполнен, но крохотной капельки магии вполне хватило, чтобы покусившаяся на примеченный мною столик парочка резко передумала ужинать и, крепко взявшись за руки, умчалась на мороз.

Ничего особенного. Просто легкие чары, усиливающие естественное влечение, так что этим двоим я не навредила, а наоборот – подарила возможность провести прекрасную ночь вдвоем.

– Ловко, – ухмыльнулись парни, когда столик опустел.

Я с достоинством отвернулась и, как приличная дама, села первой.

Еще минут через пятнадцать, когда вампир принес наш заказ, Андрей засунул в рот ещё горячий пончик и, активно жуя, проговорил:

– Ну, значит, так. Слушайте предварительные выводы.

Я тут же перестала хрустеть сладкой вафелькой, а вампир замер с трубочкой от молочного коктейля во рту. Оказывается, он тоже был неравнодушен к сладкому.

– В общем, вот что получилось, - сообщил лис, пролистывая какой-то документ. - На все возможные линии вероятностей возможностей у программы не хватило, но я завел в нее данные по убийствам и нападениям, не приведшим к смерти нелюдей, и на выходе у нас получается следующая картина. Все нападения на вампиров происходили в темное время суток, в интервале от шести до одиннадцати вечера. Чаще всего по четным числам. Нападения на оборотней, наоборот, чаще по нечетным. Но тоже вечером, примерно в те же временные рамки. Явной связи между жертвами программа не нашла, хотя надо сделать скидку на то, что анализ неполный. Но вот что интересно – большинство нападений происходили далеко от центра города. Преимущественно на второстепенных улицах, но почти всегда там, где есть камеры видеонаблюдения. У Гаврилюка на рабочем месте, оказывается, не все видео хранится. Надо будет это видео поискать в базе ГИБДД. И я даже знаю, как это сделать. Ну и самое интересное: время начала охоты за оборотнями я не могу вам сказать, потому что аварии – неотъемлемая часть жизни большого города, в том числе и с нелюдьми в качестве пострадавших. Поэтому

точное количество жертв мне установить не удалось. Однако черные джипы фигурируют в сотнях происшествий. И большинство случаев произошли за последние полгода. С вампирами проще – стреляные раны всегда идут отдельной сводкой, тем более, когда патроны разрывные. И если верить базе данных МВД, первый случай смерти вампира от подобного оружия случился не шесть, а восемь с половиной месяцев назад. На западной окраине. Выстрел в упор. Мгновенная смерть. Погибшего звали...

– Вениамин Жаров, – тихо закончил монолог лиса вампир.

Мы с Андреем с удивлением посмотрели на клыкастика.

– Откуда ты знаешь?

– Он был другом нашей семьи, – так же тихо признался Сергей. – Приехал навестить бабулю из Питера... у них в молодости, говорят, был роман. Мы получили сообщение, что он сел на поезд. Должен был приехать утром. Но до нас так и не доехал. А наутро нам сообщили о его смерти. Следователи посчитали, что убийство заказное и напрямую связано с его бизнесом.

– А чем он занимался? – насторожилась я.

– Держал фирму, занимающуюся производством гомеопатических препаратов. У них сырьевая база где-то под Питером. Свой завод. И сеть распространителей, которая уже давно и тесно сотрудничает с частными аптеками.

– Серьезный бизнес, – согласилась я. – Что в нем было незаконного?

Вампир пожал плечами.

– Ничего. Они даже планировали на серьезные препараты переключиться, уже рассматривался вариант интеграции в более крупную фармацевтическую компанию, но не успели. После смерти Вениамина фирма отошла к его жене, но та мало что понимает в бизнесе, поэтому предпочла фирму продать. Какому-то западному концерну, названием которого я не интересовался.

– «IT Pharmaseuticles», – почти сразу сообщил Андрей, порывшись в сети. – Это они выкупили фирму Жарова.

– Я про них что-то уже слышала...

– Да. Мой отец с ними сотрудничал. Еще до того, как они попались на махинациях с ценными бумагами.

– Это вампиры?

– Нет, – удивил меня лис. – Во главе корпорации, как ни странно, стоят люди. Но нелюдей на них работает тоже прилично.

– Мой отец с ними тоже когда-то сотрудничал, – неожиданно добавил Сергей. – Я вспомнил, когда услышал название, но это было давно. И, если я ничего не путаю, то «IT Pharmaseuticles» уже тогда что-то химичили с заказами. То ли не платили вовремя. То ли срок нарушали... надо спросить у отца.

– Хм. Андрей, а твой отец разорвал с ними отношения до или после скандала с ценными бумагами?

– Вроде бы до, – пожал плечами оборотень. – Если хотите, узнаю точно.

– Позже, – задумчиво обронила я, глядя в большое окно, за которым мимо кафе одна за другой проезжали машины. – Что там у нас по следующим жертвам?

– Оливер Брандт. Работник фермы по выращиванию зерновых культур.

Я вопросительно посмотрела на вампира, но тот мотнул головой: имя было ему незнакомо.

– Сергей Золотов. Управляющий одного из столичных банков.

– Нет, – снова отрицательно покачал головой вампир.

– Иван Поликарпов, старший лаборант в отделе по контролю за качеством растительного сырья...

По мере того, как Андрей озвучивал все новые и новые имена, лицо вампира становилось все мрачнее. Но я тоже не знала, что в столице было убито из похожего оружия столько нелюдей. В записях кота их было действительно пятнадцать. Но программа, полазав по сети, обнаружила ещё шесть подобных смертей за последний год. Трупы, по-видимому, вскрывал не Саныч. Не так уж много, если сравнить со смертностью от бытовых травм, но учитывая способ убийства, это было очень серьезно.

– Что по оборотням? – тяжело спросила я, когда Андрей закончил докладывать полученные программой сведения.

– Мне эти имена незнакомы. Разные профессии. Разные возраста. Даже уровень жизни очень различный, будто их выбирали наугад.

– Разве с вампирами не так?

– Нет, – мотнул головой лис. – Как минимум трое из них занимали руководящие посты в разных фирмах или имели не самые низшие должности. Все они потенциально могли быть замешаны в криминале, поэтому смерти полиция списала на род их занятий.

– Какой может быть криминал у работника фермы по выращиванию зерновых культур? – пренебрежительно фыркнул Сергей.

– Их могли выращивать с нарушениями, – посмотрел на вампира Андрей. – Как генномодифицированный продукт, например. Тебе напомнить, почему мы не едим такие продукты?

Вампир вздрогнул, а я удивленно кашлянула.

– А почему вы их не едите?

– Это плохо влияет на рождаемость, – неловко отвернулся Сергей. – Лохматым ещё можно, у них возможностей для воспроизводства больше, а для нас это может стать катастрофой.

– Хм. Запомню на будущее. Но тогда сюда можно увязать и лаборанта. К примеру, если предположить, что фирма по производству тех же зерновых решила подешевке купить генномодифицированное сырье, а затем выпустить его на рынок под видом натурального, то лаборант в отделе по контролю за таким сырьем им бы пригодился. Вы так не думаете?

Нелюди быстро переглянулись. А затем Андрей начал быстро-быстро стучать по клавишам, выискивая новую информацию. Работал он долго, не меньше часа, так что я успела доесть свой десерт, заказать новый, съесть его. Наелся. Устать от ожидания. И снова проголодаться. А

вампир в это время вылакал молочный коктейль, стгрыз оставшееся печенье и начал засматриваться на пончики. Но наконец лис со вздохом отвалился от ноутбука и с усталым вздохом сказал:

– Ольга Николаевна, вам положен приз за сообразительность.

– Что ты нашел?

– Я прогнал название фирмы, под чьей эгидой строилась ферма, где выращивают то зерно, через несколько фильтров и запустил алгоритм распознавания совпадений. Не берите в голову... это программа такая. Так вот, она вылавливает в сети имена поставщиков, сопоставляет их с официальными базами, отслеживает контракты, платежи, переводы... одним словом, ищет совпадения среди всех существующих фирм и компаний, чтобы понять, какая из них реальная, а какая фиктивная.

– Откуда у тебя такая программа?! – вытаращился на него вампир.

– Отцовская, - вздохнул оборотень. - Ее ещё дед разрабатывал, когда появились первые компьютеры. Потом отец ее усовершенствовал. И даже я немного поучаствовал, сделав ее более гибкой, доработав и введя туда пару дополнительных фишек. С новыми процессорами и серверами, которые мы поставили в прошлом году, у нее теперь очень хороший функционал и просто огромные мощности. Само собой, твой комп ее бы не потянул, поэтому я залез в наш базовый, что стоит в главном офисе. У меня есть к нему доступ. Дистанционно туда подключился, запустил... а он сделал все остальное.

Вот теперь пришла пора поперхнуться мне.

Это что же получается, у нас тут компьютерный гений завелся?!

– Что вы на меня так смотрите?– неожиданно насторожился лис, когда мы с вампиром уставились на него с одинаковым подозрением.– Я с трех лет с компом на «ты». С пяти уже программы сам писал. В восемь взломал пароль на отцовской ноутбук, а в десять отец сам привел меня в фирму и дал почти полный доступ.

– В десять?!– ошеломленно переспросил Сергей.

– Ну да. Последние шесть лет я только тем и занимался, что шлифовал для него старые программы и создавал новые. А что?

– Да так... – пробормотал вампир, отведя глаза.– Ничего.

– Вот и молчи в тряпочку. О чем я говорил? Ах, да. Фирма, на которую якобы работал тот первый убитый вампир, на самом деле фиктивная, – как ни в чем не бывало продолжил лис. - В реальности она не существует, но на ее имя оформлено немало участков земли как в России, так и за рубежом. В том числе и в нашей с вами области. Так вот. Судя по списку поставщиков, сырье и впрямь они брали самое дешевое. То, что выращивалось у нас, формально числилось как «чистое», но, если верить закупочным ценам, с ним и впрямь все было нечисто. А если учесть, что сделки проводились через банк, где работал второй вампир... а качество готового сырья у нас в области контролирует лишь одна лаборатория... короче, сами понимаете, какая связь вырисовывается между как минимум тремя смертями. Но самое поганое не это.

– Что ты ещё нарыл? – нетерпеливо приподнялся на стуле вампир.

– «IT Pharmaseuticles», - тихо уронил Андрей, заставив нас с Сергеем одновременно вздрогнуть. - Конечный владелец той фермы – это «IT Pharmaseuticles». Люди.

– Люди, которые решили массово забросить на наш рынок некачественное зерно?!

– Нет, Серег. Это люди, которые решили втайне забросить на наш рынок некачественное зерно и вполне могли начать избавляться от нелюдей, которым удалось об этом узнать.

Сказать, что я была в шоке после таких новостей, значило не сказать ничего.

Казалось, ну некачественное зерно... ну что в этом такого? Но зерно – это же хлеб, мука, это те же самые сладости, которые многие из нелюдей так любили! Испорченное сырье, способное привести к бесплодию, даже на оборотнях могло сказаться неблагоприятно. А для вампиров это фактически означало геноцид!

– Я должен позвонить отцу, - внезапно севшим голосом сказал Сергей, когда до него дошел весь смысл происходящего.

– Я тоже, – поежился хвостатый гений и, видимо, для храбрости хлебнул стоящий рядом коктейль. – Единственное, что мне непонятно, это то, почему смертей было так много. И почему никто не связал их вместе.

– Скорее всего, другие смерти были лишь прикрытием для первых трех, – скрепя сердце признала я. - Убийство легче спрятать в череде таких же преступлений. Поэтому в дальнейшем жертвы выбирались, скорее всего, случайно.

– А оборотни тогда причем?

– Если уж кто-то из людей надумал уничтожить одну расу нелюдей, то почему они должны ограничиться только вампирами? Вспомни, какое количество оборотней занимает ключевые посты в нашей стране? Да даже просто в городах и, в частности, в столице?

– Вампиры – это лишь первый шаг, - побледнел Сергей.

– Боюсь, что это может быть правдой, – мрачно подтвердила я. - Если в результате ваши кланы и стаи ослабнут, от них станет проще избавиться. Те, кто выживет в войне, станут бесплодными. А после этого вы перестанете представлять опасность. Это стратегия, парни. Подуманная, долговременная и очень поганая стратегия, направленная против всех нас.

– От людей?! – громче чем надо воскликнул вампир.

На нас начали оборачиваться с соседних столиков, и я даже порадовалась, что мы ушли из отделения. Здесь от меня потребовался лишь короткий мысленный посыл, и заинтересовавшиеся разговором посетители тут же о нас забыли. А вот оборотней так просто с толку не собьешь. Да и вампиры не так чувствительны к магии, как простые смертные.

Но это что же получается... все равно война?!

Только уже не между оборотнями и вампирами, а между людьми и нелюдьми?!

– Остается вопрос: откуда руководству «IT Pharmaseuticles» известно, кто из вас кто? – неожиданно задумалась я. – Для большинства людей оборотни и вампиры – это персонажи сказок. Добрые или злые, но одинаково нереальные. Благодаря киноиндустрии в них перестали верить даже те, кто в принципе мог бы поверить.

– Ну, наши братья за океаном не зря взяли под контроль Голливуд, – пробормотал Андрей. – Но вы задали очень правильный вопрос, Ольга Николаевна. Посвященных и у нас, и вообще по миру не так уж много. Все они наперечет. У отца есть списки.

– У моего тоже, – очнулся от шока вампир. – Надо их все поднять и проверить.

– Думаю, это уже не наша работа, – твердо сказала я и поднялась из-за стола. – Давайте-ка, парни, возвращаться. Андрей пропустил ужин. Да и тебе, Сереж, лучше за пределы клиники пока не выходить. Дела с родителями можно уладить и по телефону. В конце концов мы с вами не знаем, кто станет следующей мишенью.

Нелюди быстро переглянулись.

– Говорят, дважды снаряд в одну воронку не бьет, – неуверенно начал лис.

– Зато две пули в одну голову прилетают только так, – жестко оборвала его я. – Одна убивает, а вторая, если помнишь, контрольная.

– Ладно, уходим, – споро сложил ноутбук Андрей и тревожно огляделся по сторонам.

Сейчас, стоя у хорошо освещенной витрины, за которой царила густая темень и мелькали фары проезжающих по улице машин, я вдруг почувствовала себя неудобно. В какой-то момент показалось, что неизвестный снайпер прячется где-то рядом. Целится в нас из-за какого-нибудь парашюта. Да и кто знает? Вдруг за мальчишками и впрямь следят? И если в клинике нас оберегали заклинания, то здесь, на окраине города, в какой-то кафешке...

Черт.

Не зря ли я согласилась сюда прийти?

Уже на пороге у меня в сумочке пронзительно зазвонил телефон.

– Оля! – раздался из трубки встревоженный голос шефа. – Где ты? У тебя все в порядке?

У меня прямо зубы заныли от нехорошего предчувствия.

– На улице. Гуляю. А что?

– Над тобой висит Полог смерти! – резко бросил шеф, заставив меня испуганно вздрогнуть. – Немедленно иди домой! Усилить защиту! И ни в коем случае не оставайся одна! Я уже еду!

У меня похолодело в груди.

Черт возьми... будучи некромантом, шеф отлично чувствовал приближение смерти. Чаще всего в отношении пациентов, но иногда его «осеняло» и в других случаях. Особенно, если угроза внезапной гибели человека или нелюдя была велика. В клинике нас это не раз выручало. Думаю, и в тот день, когда привезли Алису, у Юрия Ивановича было дурное предчувствие – не зря же он тогда остался!

А теперь, получается, Полог навис и надо мной?!

– Юриваныч... я вообще-то еще на работе, – дрогнувшим голосом призналась я, и в трубке раздался короткий злой выдох. – Вернее рядом с ней. В кафешке.

– Живо в клинику! – едва не гаркнул некромант. – Бегом, поняла?!

– Мальчики, нам надо поторопиться, - пробормотала я, выскочив на улицу и наткнувшись на два недоумевающих взгляда. А затем положила парням руки на плечи и, дождавшись, когда сережки-паучки в моих ушах оживут и перепрыгнут на нелюдей, добавила: – Бежим в больницу. Андрюш, терпи, это очень важно. Сереж, тебе придется ему помочь.

– В чем дело?

– Что случилось?! – в голос воскликнули нелюди, но, увидев мое сосредоточенное лицо, предпочли замолчать, кажется, даже не заметив, как паучки перебрались на воротники их курток. После чего лис и вампир одновременно развернулись, вытащили из карманов телефоны и быстрым шагом направились прочь по левой стороне тротуара, попутно набирая нужные номера.

Пропустив их вперед... даже за раненым лисом поспевать удавалось с большим трудом... я двинулась последней, поминутно оглядываясь по сторонам, посматривая на крыши домов, на занавешенные окна, особенно на те, где что-то поблескивало. Попутно проклинала высокие каблучки, сверкающие разноцветным огнями гирлянды, которые отвлекали внимание. Зябко куталась в короткую шубку. Считала шаги, оставшиеся до родной больницы, и очень надеялась, что мы успеем добраться туда без приключений.

Увы. Юрий Иванович оказался прав: неприятности нашли нас сами.

Когда до ворот оставалось каких-то сорок шагов и всего один небольшой перекресток, нам наперерез из проулка на огромной скорости вылетел черный внедорожник. Взвизгнув тормозами, он лихо повернул, чудом не опрокинувшись на бок. Прямо на ходу у него опустились стекла со стороны пассажирского сидения. Из проема высунулось черное дуло, а затем одна за другой полыхнули ослепительно яркие вспышки.

Звуки выстрелов разнеслись по улице, как грохот от взрывающихся петард. Автоматная очередь, словно в дурном боевике, полоснула по нам наискось. Идущие первыми парни споткнулись от неожиданности и замерли, словно не веря, что стреляли именно в них. А мгновением позже вокруг нелюдей возникло два ярко-голубых купола, в которых с отвратительным чмоканьем завязли выпущенные пули.

Времени на осознание случившегося я им не дала – у моих паучков и даруемой ими защиты, к сожалению, имелся свой срок службы, да и мощность ее не была рассчитана на противостояние огнестрельному оружию. Первую автоматную очередь она, конечно, сдержала, а вот на второй, к сожалению, начала разрушаться.

С моих рук сорвался воздушный смерч, мгновенно подняв с земли целый вихрь колючих снежинок. Земля под нашими ногами оголилась. Из-под обледеневших сугробов показался асфальт. Плавно изогнувшись, напитавшийся магией смерч рванул в сторону джипа, едва не смяв по пути некстати замерших нелюдей. Одновременно с этим моя защита окончательно лопнула, и совсем рядом с нами снова свистнули пули. Большую их часть смерч, конечно, поглотил, закрутив и завертев в жутковатом хороводе. Однако не все. Несколько высекали желтые искры из стены ближайшего дома. Какая-то разбила фонарь на улице. Напугала выскочивших на шум посетителей кафе. И ещё как минимум одна со звоном разнесла стекло на первом этаже кафешки, надеюсь, никого при этом не убив.

Я отметила это мельком. Буквально за мгновение до того, как отпустила извивающийся в моих руках, гудящий и рычащий на все голоса смерч.

Шквал ледяных осколков вперемешку с пулями и сорванными с ближайших деревьев веток обрушился на джип с такой силой, что его прямо на ходу подбросило над землей и перевернуло в воздухе. Лед и металл изрешетили дорогую обшивку, словно картон. Пробив двери насквозь, они натворили в салоне немало бед. Вышибли тонированные стекла. Вырвались с другой

стороны. Даже днище у кувыркающегося внедорожника мгновенно превратилось в решето. А в довершение всего одна из пуль, похоже, попала в бензобак, после чего раздался такой взрыв, что меня в прямом смысле слова отшвырнуло в сторону.

Не ожидав такого эффекта, я совсем неизящно грохнулась навзничь, преобольно шарахнувшись затылком об асфальт. Хорошо, что капюшон был на очень плотном меху, иначе я бы в себя еще долго не пришла. Или точно что-нибудь сломала. Но обошлось. У меня только дыхание вышибло от удара, крепко приложило спиной и тем, что пониже, да во рту появился явственный привкус крови.

Кажется, я прикусила язык.

– Твою ж лохматую мать... – ошеломленно прошептал кто-то из парней, пока я изображала раздавленную лягушку, тщетно хватая воздух ртом и пытаюсь прийти в себя. – Что это за нахрен такое было?!

Я с трудом села. А затем ошарашенно воззрилась на покореженный забор, возле которого лежал на крыше и стремительно догорал искореженный внедорожник.

Вот это да! Спасибо прабабке, что научила «возвратному» заклинанию! Не зря она в Великую Отечественную воевала. Она, правда, пули по одной в свое время фрицам возвращала, но у меня просто выбора не осталось: ничего более толкового я за столь короткое время ни придумать, ни создать уже не смогла.

С трудом отдышавшись, я перевела взгляд на поднимающихся с тротуара нелюдей и перевела дух. Живые... слава богу. А когда парни обернулись в мою сторону, глаза у обоих были огромными, неверящими. И где-то там, в глубине, в них зарождалось нечто, смутно напоминающее восхищение.

– Ольга Николаевна-а-а... вот это было круто!

– Точняк! Повторить на «бис» сможете?

«Типун вам на язык», – с раздражением подумала я и протянула вперед раскрытую ладонь. На нее, блеснув блестящими глазами, проворно вспрыгнули два золотых паучка и, ловко взобравшись по шубе, снова нырнули на положенное им место.

Сергея дернулся было в мою сторону, чтобы помочь подняться, но тут у пылающего джипа с грохотом отвалилась дверца, едва не заставив нас подпрыгнуть от неожиданности. Парни, как по команде, обернулись и ошетинились. А затем, не сговариваясь, загородили меня собой.

– Ольга Николаевна, подождите здесь! – скороговоркой бросил молодой лис и, выпустив когти, пружинящим шагом направился к горячей машине. Вампир, тоже сообразив, что надо проверить, остались ли там живые, немедленно двинулся следом.

Я хотела им крикнуть, чтобы не совались. Мало ли, кто там есть. Мало ли, какое еще у них есть оружие. А вдруг гранаты? Вдруг там и вовсе бомба?! Но голос ко мне все еще не вернулся, а моего сипения парни, к сожалению, не услышали.

Все остальное случилось слишком быстро, чтобы я успела вмешаться, а они – правильно отреагировать. На крыше ближайшего дома мелькнули две новые вспышки. По внезапно опустевшей улице разнеслось долгое эхо выстрелов. Бегущие к джипу парни почти одновременно споткнулись, а затем один за другим рухнули в снег.

– Нет... только не это! Мальчики! – горестно прошептала я, увидев, как возле головы ничком лежащего Андрея медленно расплывается багровое пятно. Сергей, к счастью, оказался в

сознании и был в состоянии самостоятельно двигаться, поэтому шустро подполз к оборотню, схватил его за куртку и торопливо оттащил за машину.

– Все в порядке! Он живой! А меня на излете зацепило! – крикнул вампир уже оттуда.

Я перевела дух и заозиралась, попутно прикидывая, где бы укрыться, но новых выстрелов не последовало. Вместо этого на крыше многоэтажки, где мне недавно примерещился подозрительный блик, вдруг в полнейшей тишине вспух огромный черный шар и, сорвавшись вниз, целеустремленно рванул в мою сторону.

Одновременно с этим вампир что-то крикнул. Как мне показалось – негодуя. Затем на крыше свернула ещё одна вспышка-выстрел, от которого дрогнул опрокинувшийся на крышу автомобиль. Почти сразу с той стороны раздался скрежет, словно Сергей, облизавшись до предела, с мясом вырвал из него вторую дверь. А затем... я глазам своим не поверила... хрупкий вампир выпрямился во весь рост и, держа в руках невесть откуда взявшийся автомат, выдал по крыше длинную очередь!

Честное слово, я чуть рот не разинула, когда оттуда раздался сдавленный крик, а затем с парашюта медленно вниз полетело чье-то тело. Со свистом преодолев несколько десятков метров, оно с неприятным шлепком рухнуло на тротуар и больше не шевелилось. Вампир же, сплунув себе под ноги, с чувством выругался. А затем обессилено опустился в ближайший сугроб и уже оттуда успокаивающе махнул мне рукой. Мол, не волнуйтесь, я в порядке.

Вот это да...

Впрочем, удивляться талантам клыкастика не было времени – созданный неизвестным шар никуда не делся и продолжал постепенно, неторопливо, но неумолимо сокращать расстояние между нами.

Закливание я узнала сразу: «прах» или «пустота» – так его называли колдуны. Все, чего касалась эта гадость, в буквальном смысле слова исчезало. Истаивало. Обращалась в прах, будь то живая плоть, мертвая, металл, камень или любой другой материал. Закливание, правда, было одноразовым. Разумеется, темным. И использовалось лишь через особого рода артефакт, который спасал его обладателя от риска соприкоснуться с «пустотой».

Кто, у кого и как именно добыл этот артефакт, дело уже десятое. Надеюсь, майор Гаврилюк это выяснит. А моей задачей являлось не дать этой дряни к себе прикоснуться и не позволить ей уничтожить моих друзей.

Плохо было другое: насколько мне было известно, контрзакливания для «праха» не существовало. И справиться с ним мог лишь очень хороший некромант. У меня, правда, был вариант – чтобы избежать смерти, надо было просто отступить в сторону. Самонаведение в такой сложной магии, к счастью, никто не додумался создать. Но в этом случае «прах» улетел бы дальше: через дом, у стены которого я оказалась. Сквозь жилые комнаты. Магазин на соседней улице. Детский сад. Школу. Ничего не подозревающих прохожих...

Вот уж когда я пожалела, что в подвале нашей клиники стояли сразу три мощных артефакта, прячущих проявления магии от обычных людей в радиусе километра. В обычное время это позволяло колдовать прямо на улице, не боясь нарушить основополагающие правила магического сообщества. Но именно сейчас это было совсем некстати. Собственно, выскочившие на улицу посетители кафе видели лишь большую машину возле старого пустыря. Видели, как в нас стреляли. Но ни моего заклинания, ни летящего навстречу черного шара никто из них не замечал и искренне полагал, что стал свидетелем обычных бандитских разборок.

Эх, Юрий Иванович... как же вы мне нужны!

Но выбора нет. Нужно действовать немедленно, и в моей растрепанной голове родилась лишь одна идея, как избавить город от смертельной угрозы.

«Пустота», как любое другое разрушительное заклинание, для своей работы требовало присутствие магической энергии. Будучи вещью в себе, оно впитывало ее отовсюду – из воздуха, из домов, из разбросанных тут и там артефактов. Его длинные щупальца высасывали магию отовсюду, куда могли дотянуться. Но в этом и заключалось мое спасение, ведь, как и любое заклинание вообще, существовал некий предел, до которого «пустота» была способна эту энергию забирать. После достижения определенного порога, наступало магическое перенасыщение, и это рано или поздно приводило к дестабилизации заклятия и, как следствие, к его разрушению.

Осталось только придумать, где взять столько энергии и как заставить «пустоту» ее поглотить?

Лихорадочно оглядевшись, я принялась с дикой скоростью плести целый клубок заклятий-вампиров, которые с ходу принялись вытягивать магию из окружающего пространства. Пока «прах» выдаивал улицу с одной стороны, я делала то же самое с другой и аккумулировала собранную энергию во второй такой же шар, только светло-серого цвета.

Поскольку магов в окрестностях проживало не так много, как мне бы хотелось, то скоро бесхозная и плохо защищенная энергия в окружающем пространстве закончилась. Взламывать защитные заклинания на окнах времени не было. На то, чтобы придумать что-то более сложное, его не было тем более. Поэтому я подключила свой шар напрямую к нашей клинике и принялась его напитывать непосредственно от подвальных источников. Да, напрямую, потому что нужным уровнем доступа шеф обеспечил меня уже давным-давно.

В итоге, когда "прах" проутюжил улицу до самого перекрестка и приблизился ко мне почти вплотную, на его пути образовался почти такой же по размерам комок чистой энергии. Воздух вокруг моего шара бурлил и скручивался тугими жгутами. От напряжения у меня уже потрескивали волосы. Нити-вампиры выплескивали в него силу еще и еще. Вплоть до того самого момента, пока оба шара не соприкоснулись, и от случившегося перегруза их попросту не оборвало.

Хорошо еще, я вовремя успела от них отключиться, иначе лежать бы мне опять на земле. Но Юрий Иванович недаром меня столько лет натаскивал и называл своей лучшей ученицей: я успела. И потом только молча наблюдала, как две магические структуры с треском и гудением принялись сплавляться в единое целое, жутковато деформируясь и буквально вращая одна в другую.

Я с замиранием сердца увидела, как одна из стенок черного шара с хрустом промялась и провалилась внутрь, свидетельствуя о том, что моя задумка была удачной. Энергии в моем шаре было столько, что это почти «обесточило» клинику. Наверняка все щиты погорели, а то, может, и заклинание невидимости на пару с заклинанием для отвода глаз спалились. Шеф меня за это, конечно, по головке не погладит, но... была не была. Все равно другого выхода не осталось.

В какой-то момент процесс слияния неожиданно приостановился, и стало ясно, что черный шар все же выправился. Восстановился. И даже немного подрос, продолжая пожирать созданного мною «серого». Затем он подрос еще немного. Его щупальца облепили уменьшившийся в размерах серый шарик уже со всех сторон, и я чуть не застонала, обнаружив, что энергии в нем чуть-чуть не хватило.

Но где ее ещё взять? Из кого выкачать, если всех, кого было можно и нельзя, я и без того уже обескровила? Разве что добавить магии от себя?

Я на мгновение прикрыла глаза, а затем подняла руки и выплеснула в черного уродца все, что во мне осталось. Даже то, что, возможно, не следовало отдавать. Ведь там, за моей спиной, оставались ни в чем не повинные люди и нелюди. А я... наверное, Юрий Иванович прав, и я совсем неправильно понимаю нашу главную заповедь: «не навреди». Потому что для меня она всегда звучала как «спаси, если можешь». И я спасала. Помогала. День за днем делала один и тот же нелегкий выбор. Но при этом и тогда, и сейчас твердо знала, что поступаю единственно верно.

Говорят, что порой даже один-единственный камешек способен сорвать с горы настоящую лавину. Точно так же, как одна-единственная капля способна превратить лекарство в яд.

В моем случае этой капли как раз хватило, чтобы перенасытить магией дурацкий шар и запустить процесс саморазрушения. Меня это, конечно, истощило полностью, но я ни о чем не жалела ни тогда, когда уничтожение заклинания ознаменовалось ещё одним мощным взрывом. Ни когда я, ослепленная и обессиленная, сползала по стеночке, будучи больше не в силах удержаться на дрожащих ногах. Ни когда ощутила пугающую пустоту в груди. Ни даже когда сквозь нарастающий грохот в ушах различила визг тормозов, хлопанье дверцы и быстро приближающий топот, а затем ощутила на щеке горячее дыхание и услышала горестное:

– Ольга! Да что же ты с собой сотворила?!

ГЛАВА 19

Когда я открыла глаза, вокруг по-прежнему было темно. Небольшое помещение, светлые стены, знакомой формы плафон под потолком... кажется, я в больнице? Причем в своей, любимой. Лежу в одиночной палате, закрытая до подбородка теплым одеялом, молча таращусь в темноту, ничего не вижу, потому что не могу воспользоваться заклинанием, и тихо офигеваю от происходящего.

Хотя, наверное, удивляться нечему: куда бы еще меня принесли, если до клиники было рукой подать? Опять же, я сильно истощилась в магическом плане, ослабла и даже сейчас, судя по ощущениям, была весьма далека от выздоровления. Так что постельный режим для меня – самое то.

Как-то в детстве у меня уже был подобный опыт, когда я по собственной глупости осталась без магии. Тогда это был ужасный стресс. Как же, ни фонарик не зажечь, ни мячик в воздух не подбросить... кошмар да и только! А сейчас я испытала лишь легкую грусть и ощущение сосущей пустоты в груди, где всегда и в любую погоду тлел еле заметный, но очень теплый огонек.

Собственно, после встречи с «прахом» я, можно сказать, превратилась в обычного человека. Надеюсь, что временно. Причем как врач я не исключала, что магия не вернется. А вот как ведьма постаралась об этом не думать.

Когда я подняла взгляд, часы над дверью палаты показывали семь тридцать две. То ли вечера, то ли утра. Но рядом не было никого, кто мог бы сориентировать меня по времени, так что, похоже, придется выяснять все самой.

Встать мне удалось с первой попытки – это было хорошо, как и то, что в палате имелся отдельный санузел. Чтобы привести себя в порядок, я потратила почти полчаса и почти сразу поняла, что голову можно было и не мыть: обычно я сушила волосы магическим феном, однако теперь он стал недоступен. А для того, чтобы воспользоваться обычным (в платных палатах

пациентом предоставлялись даже такие мелочи), пришлось бы минут пятнадцать стоять возле зеркала. Я на такие подвиги пока была не способна, поэтому потащила с мокрой головой обратно в постель и облегченно вздохнула только когда снова забралась под одеяло и, прислонив подушку к спинке кровати, откинула назад голову.

В этот же самый момент дверь в палату чуть-чуть приоткрылась и оттуда раздался взволнованный шепот:

– Ольга Николаевна-а-а... как вы?

– Андрей?– изумилась я, без труда узнав голос молодого лиса.– Ты что тут делаешь?!

– Как это что? Лечусь. К вам можно?

Я на мгновение даже растерялась. Но потом вспомнила, что мальчишку тоже задело, успела порадоваться, что несильно, обеспокоилась за свой внешний вид, задумалась о том, прилично ли пациентам навещать больного доктора... а потом махнула на все рукой.

– Заходи.

За дверью тут же послышалась подозрительная возня, яростный шепот, после чего дверь распахнулась, и в палату буквально ворвались два неугомонных нелюдя. Один плечистый, напористый и всклокоченный, второй постройнее, но упрямый не меньше, чем лис. С топотом промчавшись через коротенький коридорчик, они подлетели к постели, один справа, второй слева. Затем одновременно склонились, изучая выражение крайнего изумления на моем лице. Порывисто подались вперед и... со всего маху столкнулись лбами.

– Да чтоб тебя, клыкастый! – простонал Андрей, отшатнувшись и схватившись за забинтованную голову.– Аж до звездочек!

– До кричающих уточек! – огрызнулся вампир, потеряв лоб здоровой, левой, рукой, потому что правая была забинтована от плеча до кончиков пальцев и висела на марлевой подвязке. – Смотри куда прешь!

– Сам смотри, кретин!

– Ну-ка тихо вы, оба! – неожиданно прозвучал в коридоре ещё один голос, и в палату проскользнула ещё одна фигура. По-звериному гибкая, но слишком ладная и стройная, чтобы принадлежать мужчине. – Вам что, одного раза было мало?! Хотите, чтобы вас заперли в палате на целые сутки?!

Парни устыдились и, пробормотав «извините», расселись на стоящих у стены стульях, а я озадаченно воззрилась на вошедшую Алису Лисовскую. Живую, невредимую, прекрасно выглядящую и настолько похожую на мать, что я в первый момент даже усомнилась. Все же жена у Лисовского-старшего была красавицей. И Алиска такой же стала. Очень приятная девочка. И мне стало двойне приятно от мысли, что нам удалось ее спасти.

– Алиса?! А ты тут откуда?

– Здравствуйте, Ольга Николаевна, – смущенно поздоровалась лисичка и стрельнула глазами в сторону неловко потупившихся мальчишек. – Вы уж простите этих невоспитанных нелюдей, просто они очень за вас переживали. Всю ночь от палаты не отходили. Караулили, ждали, пока вы очнетесь. Не поверите: об этих двоих ваш дежурный персонал себе все ноги отбил в попытке загнать в палату. А меня отец сюда прислал. Сразу, как только стало известно, что на вас напали...

Я вострепенулась.

– Зачем он тебя прислал к нам? Тебя что, тоже пытались...?!

– Просто тут сейчас безопаснее всего, - обезоруживающе улыбнулась Алиса и присела на краешек постели. - Юрий Иванович пошел нашим родителям навстречу и обеспечил защиту на то время, пока полиция до конца не разберется с теми, кто пытался втянуть вампиров и оборотней в войну.

– Та-а-ак. А вот с этого места поподробнее, пожалуйста...

– Да все просто, Ольга Николаевна, – все ещё неловко кашлянул вампир. – Мы ж с Андрюхой, пока сюда шли, как раз по телефону разговаривали. Когда раздалась выстрелы, и его отец, и мой это слышали, так что сразу направили сюда всех, кто был поблизости. Ну, и сами, конечно, выехали. Правда, пока они добрались до места, все самое интересное уже закончилось, но, поскольку Юрий Иванович тоже примчался на попутке, то было решено временно разместить всех у вас в больнице. Снаружи сейчас знаете какая охрана стоит?

Я поежилась.

Нет. Пожалуй, не хочу ничего знать, хотя представить, наверное, могу. Если Лисовский и Долгорукий-старший решат объединиться в попытке выяснить, кто именно пытался убить их детей, то, боюсь, в столице случится небольшой апокалипсис. Наверняка снаружи сейчас дежурит целый штат телохранителей, полицейских и бог знает кого еще. А ещё наверняка маги, ведьмы... одним словом, все, кого только можно привлечь для охраны наследников двух весьма важных столичных семейств. И с этой точки зрения пребывание здесь Алисы тоже было оправдано.

– Что-нибудь прояснилось насчет тех, кто в нас стрелял? – нахмурилась я.

– Да, - кивнул Андрей. - Отец поднял все свои связи здесь и за рубежом, но вы были правы: ниточки ведут к «IT Pharmaceuticles». Сейчас в их офисах по всему миру идут массовые обыски и аресты. Но уже сейчас есть доказательства их причастности к убийствам в столице, а также к куче других дел, до которых мы с вами не докопались.

– Они пытались сравить между собой не только нас, – мрачно добавил Сергей. - Этот сценарий они почти одновременно начали в нескольких странах. В том числе и в Европе. Даже в Штатах. Причем кое-где им удалось добиться цели, и там нелюди уже находились в состоянии открытой войны. Хорошо, отец успел вовремя вмешаться и передать им информацию по компании. Отдельные стычки, конечно, были и ещё какое-то время будут, но массовых беспорядков можно не ждать.

– Но зачем? – недоуменно переспросила Алиса. – Им что, места было мало? У отца легальный бизнес.

– Да дело не в нем, – устало ответила я. – Просто кто-то из смертных решил, что нелюди им мешают. Андрей, ты узнал, откуда у них информация по вашим расам?

– Да. Это действительно была система, Ольга Николаевна. Мы нашли предателей среди посвященных.

– Среди наших? – вздрогнула лисичка.

– Среди всех, - угрюмо повторил Андрей. – Именно они сливали информацию о наших перемещениях, привычках и слабостях тем, кто хотел от нас избавиться. Отец не велел тебе

говорить, но только в нашей семье таких нашлось двое... ПОКА двое. А сколько их на самом деле, узнаем через несколько дней.

– У нас вычислили уже четверых, – тихо добавил Сергей. – Вы же знаете: нам нужно много крови, поэтому клан постоянно ищет доноров. Но полную проверку проходят далеко не все. Хотя теперь это, наверное, изменится.

– А кто убийцы, вы тоже выяснили?

Парни быстро переглянулись.

– Майор Гаврилюк над этим работает, – проговорил вампир. – Имен нам не сообщили, но отец сказал, что проблема уже решена.

Я отвела глаза.

– А что твои родители сказали насчет метки?

– Чьей? Его? – не понял вампир. А потом хитро прищурился. – Они не возражают.

– Как это? – озадачилась я.

– Вот так, – буркнул Андрей, свирепо покосившись на клыкастого. – Наш отец тоже сказал, что не против. Считает, что для сохранения мира между нашими семьями это полезный шаг. Поэтому метку мне придется на нем обновить. Так что жди, клыкастый. Через месяц я тебя ещё покусая.

– Думаешь, мне нечем будет ответить? – фыркнул вампир. – Хотя тебя проще будет пристрелить, чем кусать. И нечего скалиться: у меня первый разряд по стрельбе!

– Да уж знаю я про твой разряд... разнести башку тому стрелку с расстояния в пару сотен шагов...

– Это и впрямь было сильно, – согласилась я, припомнив прекрасный выстрел клыкастого, и с интересом покосилась на Сергея. – Как, кстати, твои проблемы с отцом? Решились?

Вампир расплылся в ухмылке.

– Он идет на чемпионат! Сам вчера сказал. Представляете?

– Поздравляю. Только смотри там, не лопухнись, а то все старания насмарку.

– Да не. Отец сказал, что больше не возражает против моих увлечений, – неожиданно признался Сергей. – Но при условии, что я буду соблюдать осторожность и сохраню на быстром наборе номер вашего телефона.

Я хмыкнула.

– Это он правильно решил. При таком хобби помощь квалифицированных хирургов и травматологов наверняка будет требоваться ещё не раз.

– Да ну что вы, Ольга Николаевна... я защиту себе новую купил! И тренера нашел, так что, может, больше у вас и не появлюсь!

– Хотелось бы верить... Андрей, а что там с «IT Pharmaseuticles»? Наши догадки подтвердились?

На губах нелюдей появились зловещие улыбки.

– Да, – процедил Андрей, сверкнув пожелтевшими глазами. – И не только насчет генномодифицированной пшеницы. Они там столько всего планировали наделать, что отец теперь от них камня на камне не оставит.

– А мой ещё и добавит, – обнажил клыки вампир. – На местных фермах уже полыхают пожары, в офисах орудует ФСБ, за рубежом на них натравили всю местную полицию... думаю, когда закончатся суды над руководителями компании, об «IT Pharmaseuticles» можно будет забыть.

Оборотень фыркнул.

– Глядя на них, я вот думаю: а зачем нам вообще сдались люди? Для чего мы скрываемся, дарим им иллюзию безопасности и храним статус-кво, если давным-давно могли бы поделить между собой весь мир, а от них и вовсе избавиться?

Я строго посмотрела на лиса.

– Но-но. Не смей трогать человечество. Вам напомнить, кто для нас люди?

– Хорошая кормовая база? – оскалился вампир.

– Дешевая рабочая сила? – в тон ему предположил оборотень.

– Дураки вы оба, – неожиданно обиделась за простых смертных Алиса. – Люди – это единственный известный нам источник спонтанно проявляющейся магии. Именно из простых людей выходят колдуны, ведьмаки и...

– И ведьмы, – кивнула я. – Правильно. К тому же, среди них время от времени рождаются не только маги, но и генетически совместимые с вами партнеры. Так что руки прочь от смертных, мальчишки. И не забудьте, что с некоторых пор я тоже к ним отношусь.

Ребята одновременно вскинулись.

– Это ненадолго!

– Это временно!

– Вы обязательно поправитесь!

Я только усмехнулась.

Вот ведь дети... хотя беспокоятся они правильно. Для потомственной ведьмы нет ничего хуже, чем остаться без магии, поэтому мы все надеемся, что угасший дар – это временное явление. Но жизнь штука сложная. Обратного процесса может и не случиться. Я понимаю это, но по-прежнему не хочу в это верить. И именно поэтому сейчас мне так тяжело. Без магии я наполовину ослепла, оглохла и словно лишилась половины чувств, которые испытывала раньше. Ни магических потоков, ни аур, ни опутывающих клинику заклинаний... в новом для себя мире я слаба, открыта, беспомощна и до неприличия уязвима. Мои сережки-паучки мертвы. Моя заколка-змейка тоже осталась без магии. Уснувшие в драгоценностях заклинания могут больше никогда не отозваться. Но если бы у меня была возможность еще раз пережить те жуткие минуты и изменить прошлое, то я, даже зная о последствиях, все равно поступила бы так же.

В этот же самый момент в коридоре раздалися шаги.

Я встрепенулась, парни испуганно притихли, а когда дверь в палату снова открылась, Алиса инстинктивно схватилась за мою руку и с тревогой уставилась на возникший на пороге массивный силуэт.

– Ольга? – с нескрываемым подозрением осведомился он голосом шефа, а затем в «предбаннике» зажегся свет. – Так. А вы что тут делаете?! Да ещё и в темноте! Я же велел ее не беспокоить!

– Мы уже уходим, – пробормотал вампир, подскочив со стула как ужаленный. – Простите, Ольга Николаевна. Поправляйтесь. Выздоровливайте. Всего хорошего.

Следом за Сергеем со стула поднялся Андрей и, бросив на меня извиняющий взгляд, тоже попятился к выходу. Одна Алиса задержалась на пару секунд, чтобы наклониться и торопливо чмокнуть меня в щеку. После чего тоже вспорхнула с постели и, подхватив брата под руку, выскользнула в коридор.

Шеф посмотрел на меня с укором.

– Оля... ну, что ты опять творишь? Ты же прекрасно знаешь, что в твоём случае необходим длительный отдых. И чтобы без всяких эмоциональных потрясений.

– Юрий Иванович, насколько все плохо? – в лоб спросила я. Без магии я даже собственное состояние была оценить не в силах. А он-то видел все. Даже то, о чем я не хотела думать.

На мой вопрос шеф не ответил. Вместо этого он придвинул к постели стул, взял меня за руку, на несколько мгновений прикрыл глаза, явно изучая мое состояние с помощью диагностического заклинания. А когда снова на меня посмотрел, я поняла, что дело дрянь.

– Оль, ты... очень сильно пострадала, – тихо сказала шеф, осторожно сжав мою кисть.

– Насколько сильно? Не юлите, Юрьиваныч. Я ведь все равно узнаю.

Некромант отвел взгляд.

– На тот момент, когда я тебя увидел, процент выгорания дара достиг отметки девяносто четыре. И сейчас... ничего не изменилось.

– Сколько прошло времени?

– Почти сутки.

– То есть, сегодня уже четверг? – неестественно ровно осведомилась я.

– Да, Оль. Половина седьмого вечера.

Я снова посмотрела на часы над дверью и через мгновение вздрогнула.

– Боже мой! У нас же сегодня дежурство!

– Лежи, – придержал меня за плечи учитель. – Я вызвал вторую бригаду, так что мы справимся, Оль. Твоя помощь не понадобится.

Я прикусила с досады губу.

Тьфу ты. А ведь он прав: от меня там не будет никакого проку: без магии... без умения левитировать предметы и зашивать раны заклинанием... что я вообще могу?! Блин! Вот об этом-то я и не подумала: без магии я не смогу нормально работать в клинике! Без магии я даже не врач. Не хирург. Не руководитель. Разве что бумажки перебирать шеф меня тут оставит? Или полы мыть? Шваброй, как все обычные люди. А для моей карьеры это будет полная катастрофа.

– Сутки – недостаточный срок, чтобы с уверенностью судить о состоянии твоего дара и делать какие-то прогнозы, – тем временем добавил шеф, по-прежнему глядя в сторону. – Тебе нужно больше есть, спать и ни в коем случае не испытывать никаких эмоциональных потрясений. Поэтому я тебя сейчас усыплю.

– Юрий Иванович!

– Да, Оль, – строго посмотрел на меня некромант. – Именно что усыплю, потому что в противном случае ты уже через пять минут помчишься в приемное и будешь пытаться кого-то спасти.

Я помрачнела.

Да. Побегу. И буду пытаться, потому что иначе просто не могу. А если у меня не получится... вернее, КОГДА у меня не получится... что там говорил шеф по поводу эмоционального покоя?

– Ладно, усыпайте, – неохотно согласилась я, еще неохотнее сползая с подушки и забираясь под одеяло. – Только ужин принесите сначала, что ли?

Шеф покачал головой.

– Сегодня через вену тебя покормим. И еще я попробую тебя насытить магией. Может, это подтолкнет твой дар к более быстрому восстановлению. А завтра с утра переведем тебя на обычный режим и повторим диагностику. Хорошо?

Я вместо ответа только вздохнула. А когда почувствовала, как на плечи с новой силой наваливается усталость, покорно закрыла глаза и провалилась в долгий целительный сон. К счастью, без сновидений.

Открыв глаза во второй раз, я с удивлением поняла, что чувствую себя гораздо лучше. Противная слабость почти ушла, голова работала ясно, мысли снова были четкими, хотя на магическом даре это никак не сказалось. К сожалению, ни одного, даже простенького, заклинания мне создать не удалось. Но отчаиваться было рано: за сутки можно было ожидать, в лучшем случае, сдвигов на один-два процента наполнения дара, не больше. А такие крохотные изменения я бы по любому не смогла ощутить: использовать заклинания можно при наполнении хотя бы в десять процентов. Так что мне надо было лишь дожидаться обхода или подняться на третий этаж и попросить шефа ещё раз использовать диагностическое заклинание.

За окном едва-едва рассвело, но часы в палате показывали девять.

Кажется, я и впрямь продрыхла остаток вечера и всю ночь. А судя по отсутствию шума в коридоре, еще и завтрак благополучно пропустила.

Ну и ладно.

Голода я особого не ощущала. Левый локтевой сгиб слегка саднило, но иголки там уже не было. Да и пустые бутылки из-под растворов нигде не стояли, из чего следовало заключить, что меня

действительно большую часть ночи «капали», а сняли с иглы буквально полчаса назад. Или даже позже.

Порывшись в шкафу и выудив на свет божий свою одежду, я достала из кармана телефон и радостно дрогнула: на дисплее высветилась не просмотренная смс-ка, начинающаяся словами: «зачисление заработной платы».

Ура! Кажется, Юрий Иванович разрешил бухгалтеру начислить зарплату на пару дней раньше! Да оно и понятно – в понедельник уже тридцать первое, банки наверняка работать не будут, а оттягивать выплаты до девятого января было бы нечестно по отношению к сотрудникам!

На радостях даже не заглянув в смс-ку и не выяснив, сколько денег у меня на счете, я быстренько переоделась, влезла в родные туфли, которые какая-то добрая душа притащила сюда из моего кабинета. А затем выглянула в коридор и, обнаружив, что там никого, кроме дежурной медсестры нет, помчалась вверх в надежде услышать от шефа хорошие новости. Ну и узнать заодно, не отпустит ли он меня из клиники на часок-другой, чтобы я могла, наконец, выкупить свою машинку со штраф-стоянки и договориться с мастером о ремонте.

Ведь, наверное, после проявленного накануне героизма, мне должны выдать больничный? Хотя бы на недельку. Ну, или отпуск, к примеру, оформить. За это время я как раз успею разобраться с долгами, отпраздновать Новый год, а после праздников, надеюсь, все-таки вернусь на работу.

В кабинет шефа я летела как на крыльях. Почти бегом поднялась по лестнице, буквально промчалась через весь коридор. Но услышав из-за приоткрытой двери голоса, на всякий случай приостановилась.

У Юрия Ивановича посетитель?

Хм. Ладно, подожду.

Я нетерпеливо заметалась туда и сюда, будучи не в силах справиться с бурлящей во мне энергией и нетерпением. Сперва просто мерила шагами расстояние от стены до стены, а затем поняла, что раздающийся из кабинета голос мне подозрительно знаком, и на цыпочках подошла поближе.

– ...Уволить, – сухо и жестко сообщил гость Юрия Ивановича, в котором я с тревогой признала Александра Лисовского. – Она исчерпала мое терпение и не соответствует занимаемой должности.

У меня что-то противно заныло в груди.

Проклятье! Он-то что здесь забыл?!

В ответ донеслось неразборчивое бормотание, шелест бумаг, а затем снова послышался ледяной голос лиса.

– Вы меня правильно поняли: уволить. Сегодня же оформить приказ... Да. Именно по статье «служебное несоответствие».

И снова – невнятное бормотание, словно шеф в кои-то веки принялся перед кем-то оправдываться. Или же... защищать? Да нет! Не может быть!

– Я ее один раз предупредил, – снова раздался бесстрастный голос Лисовского. – Но Ольга Николаевна, к сожалению, не вняла. Поэтому с сегодняшнего дня она на нас больше не работает.

У меня что-то оборвалось внутри.

Что это все значит? Как этот гад вообще может меня уволить?! В конце концов, что такого я ему сделала, чтобы он отзывался обо мне в таком тоне?!

– Юрий Иванович, - все тем же тоном продолжил невидимый оборотень. – О, я вижу, вы уже все подписали?

– Да, – тихо подтвердил шеф. – Договор вступит в силу с первого января. С этого дня наша клиника является собственностью «Global IT Corporation», а вы, как генеральный директор, вольны распоряжаться ею по собственному усмотрению.

– Отлично. Но вмешиваться в вашу внутреннюю кухню я не собираюсь. У вас это получится лучше. Единственное, на чем я настаиваю, это на некоторых кадровых перестановках...

От таких новостей у меня потемнело в глазах.

Что?!

ЧТО?!

Лисовский выкупил нашу клинику, и с первого января следующего года она перейдет в его полное распоряжение?! Он нас что, банально КУПИЛ?! И шеф согласился на предложенную им цену?!

Боже мой... неужели у Юрия Ивановича ничего не получилось в горздраве? У него же были планы, экономисты что-то там даже подсчитали и набросали план дальнейшего развития клиники! Неужто нам не дали ссуду в банке на постройку нормальной поликлиники? Нам отказали в гранте? Вышвырнули из проекта «высокотехнологичная поликлиника»? Или полностью отказали помогать оставшиеся спонсоры? Понятно, что в нынешней ситуации Долгорукий был слишком занят, чтобы уделять этому вопросу внимание. У него сейчас других дел невпроворот. Вся эта ситуация с едва не случившейся войной, внезапно ставший к нему ближе сын, недавние покушения... конечно, ему слегка не до нас. Но как шеф мог принять предложение от Лисовского?! Зачем Лисовскому понадобилось тратить деньги на приобретение нашей клиники?! Что ему, делать больше нечего, как вешать на себя такую обузу?! Или же... дело не столько в клинике, сколько в чем-то другом?

А может, в ком-то другом?!

Я устало прислонилась к стене и закрыла лицо руками.

Из кабинета все ещё доносились голоса, Юрий Иванович отвечал быстро, слегка взволнованно, словно и сам до конца не верил в благополучный исход этой сделки. Потом они снова о чем-то заспорили, но это уже стало неважно. Вероятно, перспектив у моего дара все-таки не было. А без дара я кто? Так, обычная смертная, которая даже скальпель толком в руках держать не умеет. Кем я останусь здесь в этом случае? Руководителем? Вот уж нет. Врачом – нет тем более. Медсестрой? Санитаркой? Секретаршей? Или шеф придумал бы для меня фиктивную должность, которая позволила бы выжить на то время, пока я не найду другую работу?

Будь шеф один, он бы, несомненно, так и сделал.

Но он только что подписал договор о передаче всех прав на клинику другому лицу. А Лисовскому не было смысла тратить время и деньги на бесполезный балласт, в который я неожиданно превратилась. Он ведь бизнесмен. Для него прибыль всегда стояла на первом

месте. С меня в моем нынешнем состоянии прибыли не было никакой, поэтому он принял самое логичное и простое в данной ситуации решение.

Уволить...

С трудом отлепившись от стены, я краем уха слышала, как мужчины принялись что-то по третьему кругу обсуждать, но не стала вникать. Я услышала достаточно. Поэтому, дойдя до своего кабинета, тихонько туда зашла, мельком покосилась на уныло поникших зайцев на полках. Села за комп. Какое-то время смотрела на темный экран. А затем тяжело вздохнула и выдвинула верхний ящик стола: надо было собрать вещи.

Нет, я ни на миг не усомнилась, что шеф попытается выторговать для меня какие-то условия. Хотя бы полмесяца. Ну месяц. Другую должность или просто временную подработку.

Он бы не предал меня. Только не шеф. Но я бы не хотела, чтобы он унижался перед новым боссом или выпрашивал для меня какие-то преференции. К тому же, останься я тут на условиях и исключительно благодаря милости Лисовского, это значило бы, что я стану ему обязана. Но именно ему я не хотела и не собиралась быть обязанной ни в чем, поэтому вытерла некстати набежавшие слезы, упрямо поджала губы и, взяв ручку, быстро написала заявление на увольнение.

На сборы много времени не ушло. Я переделалась, сгрестила в сумку всю косметику, покидала туда многочисленные личные вещи, оставила заявление на чистом столе, чтобы его не пришлось долго искать. Затем накинула на плечи шубу. Вышла из кабинета. И, оставив в двери ключи, так же тихо ушла.

Уже выбравшись на улицу, я позвонила Игорю и сказала, что буду долечиваться дома. Затем предупредила родителей, что слегка приболела и могу какое-то время не выходить на связь. После этого набрала домашний номер и тут же отключилась. Три рада подряд. дождалась, пока трубку снимет Кузьма, с которым мы уже давно уговорились в экстренных случаях связываться по стационарному телефону именно таким способом. Попросила домового позаботиться о квартире. Сообщила, что какое-то время буду недоступна. Получила от него заверения, что без меня он не пропадет. И после этого выключила телефон насовсем.

На улице завывала метель.

Едва оказавшись на крыльце, я скрипнула зубами, обнаружив на стоянке серебристый джип со знакомыми номерами. Сволочь ты, Лисовский... жаль, что у меня не осталось магии, чтобы выразить тебе всю степень моего возмущения. Но крупных пакостей я пока не в силах тебе устроить, а делать мелкие было не солидно, поэтому я подняла голову повыше и просто прошла мимо.

Минут через десять, занесенная снегом и проклинающая мерзкую погоду на все лады, я ввалилась в то самое кафе, где мы вампиром и оборотнем сидели вечером в среду. Стекло в нем уже успели поменять, но сама кафешка после той перестрелки еще не открылась, о чем мне поведал молоденький уборщик. У него же я позаимствовала планшет и всего через полчаса снова выбралась на мороз, но уже целенаправленно поймала попутку и, заговорив водиле зубы, упростила его подбросить меня в центр. К центральному офису одного из банков, куда буквально минуту назад направила запрос на выдачу кредита.

В банке меня встретили приветливо и без особых проволочек выдали требуемую сумму. Часть перевели на карту. Часть я попросила выдать наличными. Здесь же, в банке, при свидетелях расплатилась с водилой, а заодно выкупила его вместе с машиной еще на два часа и прошвырнулась по магазинам, приобретя новые шмотки, обувь, купальник, солнцезащитные очки и большой чемодан.

Я ведь однажды говорила, что хотела встретить Новый год на море?

Ну вот и настало время исполнить свою мечту. Мы, ведьмы, народ решительный, легкий на подъем и не привыкли отказываться от своих слов. Поэтому, помимо запроса в банк, я, пока рылась в чужом планшете, заглянула на сайты столичных туристических фирм и заказала первую попавшуюся горящую путевку. На юг. На Сейшелы. Хотя мне, в принципе, было все равно куда лететь, лишь бы вылет состоялся сегодня и желательно прямо сейчас.

Увы. На «прямо сейчас» путевок нигде не оказалось, поэтому пришлось обождать до вечера. Зато я спокойно купила все необходимое, съездила в турфирму, оплатила путевку наличными, благо все необходимые документы, включая загранпаспорт, надолго уезжая из дома, по привычке взяла с собой. Затем отпустила на редкость любезного водителя, которого нещадно эксплуатировала на протяжении нескольких часов, и потом только ждала, когда объявят вылет. Благо что ждать оставалось не так уж долго.

Уже сев в самолет и поглядев на заснеженное поле рядом с аэропортом, я с грустью подумала, что, наверное, ещё не скоро захочу сюда вернуться. Но в то же время знала и то, что обязательно сюда вернусь. Здесь мой дом, семья, родные и немногочисленные друзья. Здесь Кузька, в конце концов. И оставшаяся скучать на штраф-стоянке, милая моему сердцу машинка, которую один мой знакомый маг клятвенно пообещал выкупить и привести в порядок за праздники. Откуда вообще взялись это пораженческие настроения? Я молода, недурна собой, кое-какими навыками даже без дара по-прежнему владею. Да и неделя на Сейшелах – это совсем не вечность. Хотя кто знает, как оно дальше сложится? Сегодня моя жизнь перевернулась с ног на голову всего за пару минут. А там у меня будет целых семь дней, чтобы прийти в себя, переосмыслить события последних двух недель и окончательно решить, как жить дальше.

ГЛАВА 20

На протяжении первых суток после приезда я отсыпалась, отдыхала, плавала в море и гуляла по пляжу, радуясь тому, что в этот сезон туристов было немного, и отели стояли наполовину пустыми. За небольшую доплату я заселилась в большое бунгало прямо на берегу моря, предварительно выяснив, что соседей у меня не будет. И после этого вволю оторвалась, не желая никого видеть, слышать и не имея ни малейшего желания с кем-либо общаться.

Горячее солнце, ласковый шелест волн, белоснежный песок под ногами... Никаких людей, скандалов, стрельбы и метелей. Совсем другой мир. Не чета заснеженной, полной непрекращающихся вьюг и старательно готовящейся к празднованию Нового года столице. Казалось бы, что ещё нужно, чтобы расслабиться и забыть о проблемах?

Но, видимо, я не была готова просто так взять и все забыть, поэтому время от времени в моих мыслях упорно возникал образ нелюбимого мною нелюдя, по вине которого возникло столько проблем.

Это было невероятно, неприятно – раз за разом прогонять из памяти врезавшуюся в нее фотографию с сайта. Александр Александрович Лисовский... успешный бизнесмен, оборотень, который всего за две недели умудрился меня оскорбить, попытался унижить и успел достать до самых печенок. Из-за него я была вынуждена уехать из дома. Потеряла машину. Свое хваленое спокойствие, которым когда-то гордилась. Я все эти дни провела на нервах. Ела, спала и ночевала исключительно на работе. Он лишил меня свободы передвижений. Заставил чувствовать себя зависимой от обстоятельств. Сломал мой привычный жизненный уклад. А в конечном итоге, вернув к жизни двух его детей, я потеряла магический дар и даже работу.

Всего лишь потому, что он посчитал зазорным оставить мне хоть какую-нибудь должность в дорожной клинике, на благо которой я честно трудилась столько лет.

Безусловно, больничные за эти дни мне оплатят, да и никто не выпишет меня к труду до возвращения. Пособие по безработице в столице тоже платят не копеечное. Так что пропасть я, конечно, не пропаду.

Собственно, я и не ждала, что Лисовский станет благодарить, как-то изменится или пойдет мне навстречу. Но этот лис... этот проклятый, прочно обосновавшийся в моих мыслях лис... просто выкинул меня с работы, будто я – сломанная игрушка, с которой он наигрался вдоволь.

Такое отношение несказанно бесило. А еще больше бесило осознание собственной беспомощности. И понимание того, что, каким бы ни был Лисовский-старший, я успела привязаться к его удивительным, прекрасным, отзывчивым детям, ради спокойствия которых я и уехала из столицы подальше.

Обычно мы, ведьмы, народ мстительный. И изобретательный на всякие гадости. Если бы не Алиса и Андрей, я бы уже строила планы мести их отцу и вполне бы этим удовлетворилась. Но сделать им больно было бы нечестно по отношению к ним. А бить по Лисовскому через них... через самое дорогое, что у него было... я посчитала несправедливым. Поэтому я маялась на пляже в одиночестве. И поэтому же не знала, какое решение принять.

Чтобы хоть как-то отвлечься от мысленных споров с самой собой, на второй день я отправилась гулять по соседним пляжам. Период одиночества прошел, ласковое море и пустынный берег не помогли, поэтому я решила найти подходящую компанию. Не в том смысле, чтобы присоединиться к чьей-нибудь пенной вечеринке, а найти хотя бы одного подходящего собеседника. Если хотите, партнера. Да боже мой... просто любовника! Не будучи замужем, я могла себе позволить маленькую интрижку и несколько мимолетных встреч без каких бы то ни было обязательств.

Правда, найти подходящего кандидата оказалось не так просто, как я считала. Многие приезжали отдыхать сюда парами. А из тех, кто не имел второй половинки и не носил обручальных колец, мне никто не приглянулся. Один был слишком молод, другой слишком стар. Этот – слишком толстым. Тот, напротив, слишком худым. Третий – слишком высоким, четвертый – слишком низким. Перекачанных и объевших стероидами мачо я в принципе не уважала. Робкие и стеснительные меня тоже не привлекали. Компанию узкоглазых и татуированных ребят родом откуда-то из Азии я благоразумно обошла стороной. Выходцев с Кавказа тоже, по вполне банальной причине – меня всегда раздражала излишняя растительность на мужских телах. Еще пара каких-то типов успела ко мне приклеиться ближе к вечеру, но эти оказались чересчур навязчивыми и сильно походили на обычных разводил, поэтому их я тоже отшила. Парочка брутального вида самцов, проявивших ко мне вполне определенный интерес, оказались оборотнями, так что по понятным причинам я и их забраквала. С ходу. Едва учуяла характерный запах, ставший особенно острым на жаре, из-за которой даже оборотни умудрялись потеть. Ну а из тех, кто остался, выбрать оказалось попросту нечего.

В какой-то момент я вдруг осознала, что непроизвольно сравниваю встречающихся мужчин все с тем же Лисовским, и настроение после этого испортилось окончательно.

Что... ну что меня так зацепило в этом лисе, что я до сих пор не могу выкинуть его из головы?! Обида? Да бросьте, я же не девочка, у которой украли конфету. Злость? Ярость? Да, есть немного. Желание отомстить? Хм... пожалуй, что так, но и это не главное. Ну а что тогда? Что в нем было такого, в этом оборотне, что я уже второй день ходила и упрямо спорила сама с собой? И почему после встречи с теми оборотнями-волками мне полночи снились его желтые глаза и, будто вживую, слышался бархатный рык, которым его зверь одарил меня при первой встрече?

Неудивительно, что на третий день пребывания на курорте я встала утром не выспавшаяся, растрепанная и злая.

«Ну хватит», – подумала я, яростно раздирая свалявшиеся за ночь колтуны. – «Надо пойти и выловить первого попавшегося мужика. Где-то я вчера видела объявление про свидание вслепую... отлично. Вечером как раз туда и отправлюсь. Развеюсь. Повеселюсь. Сегодня же Новый год? Вот и устрою себе маленький праздник. И даже подарок сама себе выберу».

Приняв решение, я наконец-то успокоилась и обрела некое подобие душевного равновесия. После обеда снова прогулялась по пляжам, отыскала отель, где вчера увидела объявление. Более внимательно прочитала условия участия. Нашла их вполне приемлемыми. После чего отправилась гулять дальше, попутно все больше убеждаясь, что ничего пристойного в этом сезоне на Сейшелах ожидать не стоит, а мужчину для грядущей ночи, если и выбирать, то исключительно вслепую. Чтобы потом не разочароваться.

Ближе к полуночи я навела марафет, переделалась в нечто легкое, кружевное и воздушное. Распустила волосы. Накрасилась. От парфюма, подумав, решила отказаться – в жару подходящий аромат выбрать сложно, так что лучше было не рисковать. Наконец, нацепила на ноги удобные босоножки и, прихватив крохотную сумочку, отправилась искать свой «подарок».

Поскольку нужный отель располагался недалеко, то я направилась туда пешком, по пути притянув немало заинтересованных взглядов. Но ни на кого не отреагировала: впереди меня ждала гораздо более захватывающая игра.

Большой закрытый бар с расположенным внутри танцполом находился прямо на берегу моря. И, как обещала реклама, был специально оборудован для удобства клиентов. Предназначался он для анонимных встреч любителей пощекотать себе нервы. И, если объявление не соврало, внутри бара царил тьма кромешная. Именно для того, чтобы клиенты могли ориентироваться исключительно на тактильные, слуховые ощущения и, конечно же, обоняние.

Когда я зашла внутрь и изъявила желание оплатить участие, мне предложили выбрать маску, а на руку повязали фосфоресцирующий браслет с порядковым номером. Браслет был красным, как у всех леди в зале. Мужчинам, соответственно, доставался синий. Это для того, чтобы пары не перепутались. Хотя, насколько я успела понять из правил, которые были написаны на английском, создавать однополые пары не возбранялось. Тем более что ни сами партнеры, ни их соседи не могли впоследствии ткнуть тебя пальцем в грудь и сказать какую-нибудь гадость. Для гарантии, чтобы инкогнито не раскрылось, у каждого были маски наподобие моей. Их можно было по желанию снять. А можно оставить до самого утра, чем наверняка охотно пользовались.

Надо ли говорить, что подобные развлечения пользовались спросом?

У меня, к примеру, на браслете красовался сорок второй номер. А вскоре я увидела мужчину с номер «шестьдесят», так что о масштабах мероприятия можете судить сами.

О том, для чего понадобились номера, я узнала из того же объявления: оказывается, если партнеры желали продолжить знакомство, но при этом не хотели приглашать гостя в свой отель, то на берегу имелось много пустующих бунгалов, которые можно было занять на одну ночь. Бунгало тоже были пронумерованы, аренда уже входила в стоимость билета. Да. Вот так просто и удобно. Тем более что наутро человек мог отправиться к себе, даже не узнав, с кем именно провел прошлую ночь.

Именно то, что мне нужно.

Выбрав первую попавшуюся маску в виде страшновато оскалившей обезьяны, я вошла в указанную служащим отеля дверь и оказалась, в прямом смысле слова, в кромешной тьме. Судя по всему, помещение и впрямь было достаточно большим. Где-то за плотной занавесью медленно и достаточно громко играла музыка. Края зала были обозначены крохотными цепочками огоньков, чтобы гости не натыкались на стены. И, по-видимому, тут не обошлось без магии, потому что даже стоя под самым огоньком было невозможно разглядеть ни лица, ни фигуры того, кто подошел к тебе познакомиться.

Стоило мне войти и задуматься над тем, почему же никто в такой тьме не спотыкается и не падает, как мимо проскользнул овеянный слабым белесоватым ореолом официант. Перед моим лицом оказался уставленный бокалами поднос, но я отрицательно качнула головой, и официант тут же испарился, волшебным образом так и не позволив мне увидеть никого из тех, кто находился поблизости.

Светящихся в ночи браслетов было много. Некоторые уже разбились по парам и медленно танцевали в центре зала в такт льющейся отовсюду музыке. Какие-то оставались на месте. Но большинство гостей неторопливо перемещались, то и дело останавливаясь, чтобы испытать удачу.

Неожиданно моей руки кто-то коснулся.

Мужчина. Порядковый номер шестнадцать. Судя по расположению браслета, одного со мной роста. Но от него так сильно пахло каким-то резким ароматом, что я сделала отрицательный знак.

Кстати, забыла сказать: одним из условий пребывания на такой встрече являлось молчание. Партнерам настоятельно не рекомендовалось говорить до того момента, пока они не покинут зал. Поэтому я не ответила. Просто махнула рукой с сияющим на ней браслетом. И незнакомец тут же исчез. А я мимоходом подумала, что наличие номера существенно облегчало задачу ищущим, потому что позволяло не наступать дважды на одни и те же грабли.

Следующим ко мне подошел номер «три». Узкая кисть, влажная и холодная ладонь... нет, мальчик. Ты мне не подходишь. Жаль, что, явившись сюда одним из первых, ты до сих пор не нашел себе пару, но я тебе в этом не помогу.

Следом за ним в мою сторону осторожно двинулся красный браслет с номер «двадцать один».

О, нет. Я не по этой части.

Неизвестная женщина поколебалась, но, получив второй отрицательный знак, развернулась в другую сторону, а я облегченно вздохнула. И тут же почувствовала, как к моему плечу кто-то прикоснулся.

Я настороженно обернулась.

Мужчина. Номер «семьдесят семь». Похоже, высокий. И далеко не робкого десятка. Не успела я решить, хочу ли с ним общаться, как браслет молча скользнул вниз, и мою ладонь обхватили теплые, мягкие, но при этом сильные пальцы.

Я подумала и чуть сжала чужую руку, показывая, что не против. А затем ощутила, что меня аккуратно тянут в сторону центра зала, и последовала за незнакомцем.

Музыка играла медленная, специально для парного танца, когда каждый из партнеров мог прикоснуться к другому и осторожно изучить предполагаемого избранника.

Мужчина, который увлек меня на танцпол, и впрямь оказался выше меня на полголовы или даже чуть больше. У него оказались приятные на ощупь руки. Закатанная до локтей рубашка позволяла ощутить гладкую и ровную кожу, лишенную посторонней растительности. Мягкие подушечки пальцев подсказывали, что мой партнер определенно не работник физического труда. Что он не играл на гитаре. Не увлекался видами спорта, способными оставить на его коже грубые следы или рубцы от многочисленных травм. Но при этом он явно держал себя в форме – проведя ладонью по мощному предплечью, я с удовольствием ощутила, как под кожей перекачиваются крепкие мышцы, и уже без опаски позволила увлечь себя в танец, попутно исследуя и изучая незнакомца, который точно так же аккуратно и ненавязчиво исследовал и изучал меня.

Мы не танцевали что-то определенное или навязанное музыкой.

Нет, мы свободно кружили друг вокруг друга, при этом стараясь не задеть соседей. Что-то в этом было такое... загадочное. Соблазнительное. Манящее. Просто молча танцевать в полнейшей темноте и пытаться разгадать чужую загадку.

Кто он?

Что именно привлекло его в не самый популярный сезон на Сейшелах?

Женат ли он? Если ли у него дети?

Хотя нет, не женат. Или же снял кольцо, прежде чем надеть браслет и маску. Да и какая разница, в конце концов? Это всего лишь ночь. Просто мимолетная встреча, после которой мы больше никогда не увидимся.

В какой-то момент мужчина оказался у меня за спиной, и я улыбнулась, почувствовав, как он провел рукой по моим волосам. Ему понравился их запах. Я слышала, как он жадно его вдыхает. А затем и улыбнулась, когда во время следующего поворота ощутила, как он бережно перебирает распущенные локоны.

Чем именно пахнет он сам, я до сих пор не разобрала. Сильным парфюмом, как номер шестнадцать, он не увлекался. Зато поблизости от нас в молчаливом танце кружилась пара, где партнерша, наверное, вылила на себе полпузырька «Шанели». Это раздражало. Заставляло сторониться пахучих соседей. И, поддавшись моей молчаливой просьбе, партнер увел меня в сторону, умудрившись сделать это на редкость красивым пируэтом.

В какой-то момент мне даже показалось, что мы давно знакомы и хорошо знаем друг друга. Мужчина прекрасно чувствовал музыку, он ни разу не сбился с шагу. Его не смущало обилие народа вокруг. И он, уверенно ведя в танце, тем не менее чутко прислушивался к моим желаниям.

С ним оказалось на редкость приятно общаться. Он понимал меня так, словно по-прежнему видел. А может, просто был чутким от природы, поэтому и от неприятной леди увел, и не настаивал до поры до времени на более близком знакомстве, предоставляя мне решать, как далеко мы сможем зайти.

Собственно, за те пятнадцать или двадцать минут, что мы танцевали, он ни разу даже не облапал меня как следует. Нет, его руки постоянно меня касались, одной он неизменно придерживал мою ладонь, предупреждая сжимая пальцы каждый раз, когда я отстранялась слишком далеко. При этом он не дергал меня на себя. Не вынуждал подойти ближе. А вторую его руку я постоянно чувствовала то на талии, то на спине, то на локте, отчего создавалось впечатление, что партнер повсюду. И готов в любой момент отреагировать, если я все-таки надумаю уйти.

Это было и волнующе, и приятно.

Похоже, возникшая между нами симпатия была обоюдной. И в то же время партнер оказался ненавязчивым, на удивление терпеливым и, кажется, наслаждался нашим странным, непредсказуемым, чувственным, свободным и рождающимся прямо здесь, сейчас, танцем так же, как наслаждалась им я.

В какой-то момент я захотела подойти к мужчине вплотную, и он охотно приблизился, обняв меня со спины и прижавшись всем телом. Крепким телом, надо признать. Твердым как скала. Таким будоражающим, что от мимолетного, случайно вырвавшегося из чужой груди вздоха по моей коже пробежали волнующие мурашки.

Черт возьми...

Это было сексуально до безумия!

Медленные, тягучие и плавные движения. Чужое дыхание на моей щеке. Бережные объятия, в которых было уютно и тепло. Сильные мышцы, обвивающие его обнаженные предплечья. Жар его тела, которое я чувствовала теперь особенно остро. Кромешная тьма вокруг. И льющая из этой тьмы музыка, которая, кажется, звучала теперь лишь для нас двоих.

«Боже, что я делаю?!» — мелькнуло в голове паническое, когда партнер уткнул лицо в мои волосы и выдохнул едва слышное «м-м-м!». Но мысль как пришла, так и ушла, растворившись в ощущении блаженного тепла и в крепких объятиях обнимающего меня незнакомца.

Откинув назад голову, я устроила ее на плече выбранного мною мужчины. Почувствовала, как он благодарно потерся щекой о мою кожу. И наконец-то ощутив его слабый, с трудом пробивающийся сквозь массу посторонних запахов аромат, неожиданно замерла.

Боже... мне был знаком этот парфюм! Волшебный, безумно притягательный даже для такой привереды как я... тот самый аромат, которым пользовались оба Лисовских! Но боже! Нет! Нет, нет и нет! Потому что такого не могло и попросту не должно было произойти!

При мысли от том, что я могла совершить ужасную ошибку, я отпрянула и чуть не вырвалась из объятий растерявшегося от неожиданности мужчины. Если бы он не успел меня перехватить, я бы точно сбежала. А то ещё и наговорила ему незаслуженных гадостей. Но он среагировал практически сразу и, стоило мне рвануться прочь, как он тут же вырос на моем пути, крепко обнял, аккуратно, но настойчиво притянул к себе, одной рукой обхватил меня за талию, другой прижал мою голову к своей груди. И замер, тихонько баюкая меня на руках, как испуганную девочку, а затем прижался щекой к моей макушке и тихо-тихо... так, что даже я с трудом услышала, прошептал:

– Тш-ш-ш... тш-ш-ш... mi bella ... no tengasmiedo ...

Не знаю, что со мной такое случилось, но чужой язык, прозвучавший в темноте переполненного зала, словно вырвал из меня какой-то стержень.

Не он!

Я задрожала и уткнулась лицом мужчине в грудь, одновременно с этим обнаружив, что и там у него абсолютно ровная и гладкая кожа. Для оборотня это было невозможно. Так что да, это был не ОН. Не Лисовский, чтоб ему пусто было. Рядом стоял совсем другой мужчина. Спокойный, внимательный, ласковый. Просто парфюм у них был похожим, а я, как дура, до сих пор не удосужилась выяснить, кто же его производил.

И почему у этого испанца не могло быть такого же парфюма?

Набор продаваемой туалетной воды для мужчин, особенно элитных марок, имел довольно ограниченный перечень наименований. Поэтому ничего удивительного, что у двоих состоятельных мужчин были сходные вкусы и одинаковые марки любимой туалетной воды. Это ведь естественно. Да и пахло от испанца гораздо слабее. Тогда как я едва не напридумывала себе всяких ужасов и чуть не бросила партнера, который оказался гораздо мудрее и, наверное, старше меня, раз сумел так быстро и правильно меня успокоить.

Облегченно выдохнув, я обняла его за талию и благодарно уткнулась носом в чужую шею. Хотела извиниться, но вовремя вспомнила, что тут не положено разговаривать, поэтому промолчала. А когда руки мужчины снова расслабились, я приподнялась на цыпочки, коснулась губами ямочки над его ключицей, после чего ощутила, как он вздрогнул, и умиротворенно вздохнула.

Сколько мы так стояли, обнявшись и едва заметно покачиваясь под размеренно звучащую музыку, затрудняюсь сказать. Мне было хорошо. Чужой запах все ещё смущал, но я постепенно привыкала, осваивалась, а затем все-таки осмелела. Причем настолько, что в какой-то момент не удовлетворилась ощущением на талии теплых рук и принялась аккуратно ощупывать лицо своего избранника.

У него оказались средней длины, тщательно зачесанные назад волосы, на которых ощущалось присутствие средства для укладки. Такая прическа мне не очень нравилась, но мужчина оказался не против, когда я зарылась пальцами в его шевелюру и слегка ее растрепала. Затем провела пальцами по его лбу, изучила скулы, нос. Провела кончиками пальцев по краю нижней челюсти, добравшись до самого подбородка. Пожалела, что дальше мешалась маска, но не стала ее трогать. Вместо этого я коснулась приоткрытых губ незнакомца и улыбнулась, когда он чуть прихватил мой палец губами, но тут же отпустил, снова предоставив мне решать, что делать дальше.

Заметив, что горящих во тьме браслетов заметно поубавилось, я прищурилась и попыталась понять, кого же именно умудрилась поймать на этом свидании вслепую. С одной стороны, мужчина позволил мне выбирать, не демонстрировал нетерпение и не настаивал на переходе знакомства в горизонтальную плоскость, хотя ради этого, собственно, все и затевалось. С другой, стоило мне испугаться и попытаться уйти, он быстро меня остановил. И не отпускал до тех пор, пока не стало ясно, что я успокоилась.

Что это? Он по жизни такой собственник? Или ему просто нравилась игра? А может, ему понравилась я сама, поэтому он и нарушил свои же собственные правила?

Я снова провела кончиками пальцев по его лицу, постепенно спускаясь на шею.

Гладко. Как на руках. Ни волоска, ни шрама. Прекрасная кожа, как у модели. Или же у стриптизера?

От последней мысли я едва не рассмеялась, но пора было заканчивать с играми и решаться на что-то большее. Или же не решаться совсем. Мужчина стоял молча, ненавязчиво придерживая меня за талию. Дышал ровно. Тоже, кажется, разглядывал меня сквозь прорези своей маски. Танцпол между тем практически опустел. Оставшиеся сегодня без пар бедолаги обоих полов начали постепенно расходиться. А мы все стояли, молчали, изучали, слушали.

Наконец, я отступила на шаг и, взяв своего избранника за руку, двинулась в сторону выхода. Над ним очень кстати мигала зеленая табличка, так что можно было не бояться промахнуться.

Выйдя из зала, мы оказались в таком же темном коридорчике, где нас уже ждал «светящийся» официант. Я молча протянула ему руку. Он так же молча исчез за занавеской. Затем вернулся и вручил ключ от бунгало под номером «сорок два».

Мой номер.

Смешно, но по правилам отеля ключ от бунгало могла забрать только женщина. Тогда как его стоимость включалась в билет именно мужчины. Интересные правила, да?

Выйдя на улицу, я отпустила чужую руку и, немного отойдя в сторону, обернулась. Здесь, где не было искусственно затемненного пространства, я могла лучше рассмотреть своего загадочного партнера.

И впрямь довольно высокий. Не особенно загорелый, но и не бледный как поганка. В простой клетчатой рубашке и свободных хлопковых штанах. С подвернутыми до локтей рукавами и расстегнутой на груди рубашкой. Без часов, без перстней. Но в определенно дорогой обуви. Он молча смотрел на меня из-под маски в виде какой-то невнятной кракозябры и все ещё чего-то ждал.

Когда я подошла, он неожиданно поднял руку и взялся за край маски, словно решил, что именно поэтому я до сих пор сомневаюсь. Но прежде, чем он открыл лицо, я покачала головой и, перехватив его руку, прошептала:

– Не надо.

Он послушно остановился, а я в это время приподнялась на цыпочки и аккуратно его поцеловала. Совсем чуть-чуть, на пробу. И так нежно, что он, может, и вовсе бы этого не заметил...

Однако он не только заметил, но и бурно отреагировал. Стоило мне к нему прижаться, как вокруг моей талии капканом сомкнулись крепкие руки. Его губы ожили. Меня неожиданно приподняло над песком, а затем с такой силой прижало к чужой груди, что я растерянно выдохнула. Но затем все-таки не выдержала, рассмеялась и поцеловала его снова, глубже, жарче. Так, как только что целовал меня он. И надолго потерялась в чужих объятиях, в его запахе, в той чувственной магии, которую будил во мне этот необычный аромат.

Какой гений его создал? Что за феромоны в нем содержались?

Я не знала и знать уже не хотела. Но ещё тогда, в первый раз, когда меня окутало облако из этого мягкого и, вместе с тем, возбуждающего аромата, я поняла, что отныне он – моя слабость. Я всегда была чувствительна к таким вещам. Знала, что магия запахов влияет на меня особенным образом. И именно поэтому понимала, что происходит с оборотнями от неподходящего парфюма, и поэтому же крайне редко пользовалась духами сама.

А сегодня от этого аромата у меня кружило голову. Он пьянил, сводил с ума, заставлял тело плавиться в чужих руках и охотно выгибаться в объятиях загадочного незнакомца. В тот момент я не думала ни о чем. Я хотела его. Мечтала быть с ним. Поэтому, когда его руки подхватил меня под ягодицы, я лишь обвила ногами его талию и крепко прижалась, не желая отстраняться даже на миг. На самое крохотное мгновение, за время которого все это волшебство могло исчезнуть и заставить меня задуматься над тем, что же я такое творю.

Собственно, я даже не помню, как мы добрались до бунгало с нужным номером. Тем более, не знаю, как мой испанец нашел его в темноте. Помню только, как он возился с ключом, но потом не выдержал и просто пнул дверь ногой, вышибив замок к чертовой матери. После чего мы, все ещё жадно целуясь, ввалились в скупо обставленное помещение и уже тогда окончательно перестали вспоминать о приличиях.

Моя звериная маска вскоре оказалась на полу, сорванная нетерпеливой мужской рукой. Вместо нее мою кожу щедро покрыли поцелуи. Его маска, кажется, улетела в тартарары чуточку позже,

а следом за ней в угол отправилась его рубашка, мое платье, белье, сразу за ним – его брюки, ботинки, боксеры и даже носки.

Пожалуй, меня ещё ни разу не накрывало такой бешеной страстью и таким воистину звериным магнетизмом, как в ту незабываемую ночь. Случайно встреченный мужчина и впрямь сумел свести меня с ума. Напористый, резкий и при этом внимательный, способный на невероятную, совершенно неожиданную, но очень искреннюю нежность. Он стал для меня настоящим открытием в эту ночь. Наваждением. Опорой, спасением и надеждой. Мой случайный любовник. Мой самый лучший, самый прекрасный и такой неожиданный новогодний «подарок».

МОЙ мужчина.

Мой хотя бы потому, что в ту ночь я действительно его любила. Так пылко и страстно, как не любила ещё никого и никогда.

ГЛАВА 21

Разбудил меня поутру игривый солнечный зайчик и ворвавшийся сквозь открытое окно ветерок. Я сладко потянулась, зевнула, в кои-то веки ощущая себя не ведьмой, а обласканной вниманием домашней кошкой. Но потом ощутила на бедре горячую ладонь. Замерла. Как-то очень уж ярко вспомнила прошедшую ночь. Порозовела, вспомнив, что недавно творила в этой самой спальне. Еще больше порозовела, разглядев внизу обнаженную мужскую руку. После чего тихо-тихо выползла из-под одеяла и принялась озираться в поисках одежды.

Мда. Набедокурили мы этой ночью страшно. Ботинки в одной стороне, штаны в другой, рубашка в клочья...

Ой. Неужели это моя работа?!

Вспомнив, как срывала эту самую рубашку со своего «новогоднего подарка», я окончательно смутилась и, торопливо нагнувшись, принялась собирать разбросанные по всей комнате элементы гардероба. Платье, слава богу, осталось целым. Кажется, любовник больше заботился о сохранности моей одежды, чем я – о целостности его рубашки.

Хотя нет.

Белье тоже разорвано в клочья, так что мы с ним, можно сказать квиты. Босоножки, наверное, я уже никогда не найду – они остались где-то на пляже. Ну да и бог с ними. Подумаешь, леди вышла прогуляться на берег моря босиком? Если ветра не будет, и подол не взвьется до небес, никто даже не догадается косо посмотреть на вполне элегантную...

Я осторожно потрогала колтун на голове.

Ну, или не вполне элегантную леди, которая, может, ночью просто в ураган попала. С порывистым ветром вместо объятий, громогласным рыком вместо раскатов грома и очень даже симпатичным ежиком волос, который во-о-он там выглядывает из-под скомканного одеяла.

С трудом расплетя перепутавшиеся пряди, я натянула на себя платье и, осторожно переступая через скомканную мужскую одежду, направилась к выходу. Но у самой двери все же не

выдержала – обернулась и не отказала себе в удовольствии пару минут полюбоваться на разметавшегося на постели мужчину.

Он был красив, мой «подарок», хотя и немного неряшлив. На кровати он лежал почти наискосок, на животе, уткнувшись лицом в подушку и даже не потрудившись прикрыться. Еще у него оказалось великолепное тело, в меру накачанное, но без болезненно выпирающих мышц. На широкой спине пламенело несколько длинных царапин... ну и ладно. Я иногда бываю агрессивной в сексе. Особенно когда меня так быстро и бесповоротно сводят с ума.

Ого. А ещё на левом плече у любовника остались отпечатки моих зубов.

Хм. Да. Временами я еще и кусаюсь. Но он сам виноват. Нельзя свести с ума ведьму и остаться при этом без памятного сувенира. У меня после него тоже все тело ноет. Но приятно ноет, не скрою. Я бы не отказалась повторить. Но новогодняя сказка на то и есть сказка, что случается лишь раз в году и больше никогда не повторяется.

Еще у моего наваждения оказались густые темные волосы, которые на свету отливали рыжиной. Красивый оттенок. Вчера я его не заметила. Но ещё долго буду помнить, каковы на ощупь эти мягкие волосы. И, пожалуй, очень скоро забуду восхитительный запах его кожи.

Сейчас, когда он бесстыдно раскинулся на постели, мой взгляд беспрепятственно ласкал и обнаженную спину, и подтянутые ягодицы, переходящие в красивые сильные бедра и такие же четко очерченные, потрясающей формы икры.

Стриптизер? Модель? Просто хорошо следящий за собой парень?

Кто же ты, загадочный незнакомец?

Впрочем, нет. Спи, мой прекрасный принц. Я ничего не хочу о тебе знать. Ни имя, ни возраст, ни кто ты и откуда. Ночь прошла, ее волшебство тоже закончилось. И сейчас, при свете дня, я не хочу видеть твоего лица. Не хочу испытать разочарование, если ты окажешься совсем не таким, как я ожидаю. Собственно, я и сама еще не поняла, кого именно хотела бы сейчас увидеть. Вернее, где-то глубоко внутри я все-таки знаю ответ, но никогда и никому его не озвучу. Не произнесу вслух этого имени. Хотя сравнивать, наверное, не перестану.

Мой взгляд упал на лежащие на полу маски: обезьянья и тигриная... самые обычные, довольно скверно сделанные и явно не первый раз используемые. Ничего общего со мной. Ничего общего, вероятно, и с ним. Можно было бы, конечно, подойти и проверить, но я не буду.

Все, хватит. Пора набраться мужества и уходить, пока не стало поздно.

Поддавив тяжелый вздох, я отвернулась и двинулась прочь, стараясь ступать абсолютно бесшумно. Но то ли я утратила осторожность, то ли мне на роду было написано влипнуть в неприятные ситуации... стоило мне коснуться дверной ручки, как сзади послышался шорох простыней и спокойный голос:

– Далеко собралась?

От неожиданности я застыла на середине движения и испытала целую гамму ощущений, от возмущения (он все-таки русский!) до самого настоящего, хоть и мимолетного, стыда. Какое-то время просто стояла и просто осмысливала сам факт того, что случилось. А потом поняла, что мне ЗНАКОМ этот голос, и медленно-медленно, все еще не веря, повернулась.

Он стоял у постели и, прищурив пожелтевшие глаза, бесстыдно смотрел на меня почти в упор. Его не смущала собственная нагота. Не волновал тот неоспоримый факт, что я провела эту ночь

с ним. Кажется, его вообще ничего не волновало, кроме того, что моя рука до побелевших костяшек вцепилась в ручку двери и уже готова была ее открыть.

Александр Лисовский...

Проклятый лис... вконец обнаглевший оборотень, мое наваждение, мой самый страшный сон и случайный любовник, которого я меньше всего на свете ожидала сейчас увидеть.

Но как?! Откуда?! Почему он здесь?!

Вопросов было так много, что у меня всего за миг распухла голова. В ней... видимо, от испуга... мелькнула даже дурацкая мысль, что это не может быть правдой. Что это не Лисовский. Просто кто-то похожий... Но увы. Отрицать эту кошмарную правду было бы глупо. Не узнать мужчину, с которым провела ночь, и не увидеть отпечатков своих же собственных зубов на его плече было невозможно. Да еще этот запах...

Я обреченно прикрыла глаза.

Значит, вчера я правильно догадалась. Нутром почувствовала, что что-то не так. Но все же поддалась на его обаяние, расслабилась. Почему? Да потому, что, похоже, слишком долго обманывала сама себя. А поутру этот проклятый запах стал ещё сильнее, ярче. От него снова, как и вчера, кружилась голова. Всклоченные после сна волосы лиса топорщились в разные стороны, но только сейчас я поняла, что непонятный рыжеватый оттенок им придала обычная пенка для укладки. А тот факт, что на его теле не было не единого лишнего волоска, совершенно элементарно объяснялся одним-единственным словом: эпиляция.

Мамочка... ну как меня могло угораздить ТАК вляпаться?!

Александр Лисовский.

Господи, где же я так провинилась, что вот уже вторую неделю этот треклятый лис не дает мне проходу?!

– Оля... – настороженно переспросил оборотень, когда я воочию убедилась, что мне это не приснилось, и сжала зубы, чтобы не обложить его матом. Хотя по большому счету материться на него не имело смысла: я ведь сама его выбрала. Сама запретила ему снимать маску. Сама бросилась на шею.

И от этого становилось только хуже.

– Оля!– рыкнул оборотень, когда я развернулась и, рванув дверь на себя, ринулась на улицу.

Не хочу его больше видеть. Никогда. Ни слышать. Ни чувствовать этот запах... куда угодно, только не рядом с ним!

Меня в мгновение ока поймали, остановили, прижали к груди и, как вчера, одной рукой обхватили за голову, поглаживая растрепанные волосы с такой подкупающей нежностью, что вкупе со сводящим с ума ароматом его кожи меня это едва не добило. И я чуть не расплакалась от ощущения совершенного предательства. От обиды. От простого понимания чудовищной ошибки, которая в конечном итоге должна была меня уничтожить.

– Оля... Оленька... – на удивление ласково проговорил лис, прижав меня еще крепче, а затем для чего-то чмокнув в макушку.– Ну, что же ты такая упрямая? Сколько еще я должен за тобой бегать, чтобы ты поняла, что все это не случайность?

Я до боли прикусила губу и попыталась вырваться, но куда там – без магии наши силы были неравны.

– Что? Добился своего?! – прошипела я, вскинув голову и чуть не разбив проклятому лису нос.

Лисовский отвел с моего лба непослушную прядку, наклонился и, легонько поцеловав меня в нос, спокойно сказал:

– Нет еще. Оля, выходи за меня замуж?

От неожиданности я поперхнулась. Но лис смотрел серьезно, внимательно. Держал по-прежнему крепко, будто всерьез думал, что я драться полезу. Хотя, может, если бы он не прижал мои руки к туловищу, я бы точно попыталась. Но этот дикий, совершенно непонятный вопрос напрочь выбил меня из колен.

Наконец, когда ко мне вернулся дар речи, я сипло каркнула:

– Ч-што?!

– Выходи за меня, – так же спокойно повторил оборотень и пытливо заглянул в мои растерянные глаза.

– Ты... ты спятил?!

– Нет, Оля. Я серьезен как никогда. Выходи за меня. Замуж. Пожалуйста.

– Да я... да ты... да как ты вообще посмел делать мне такие предложения?! С какого собственно случая?! – наконец, прорвало меня. – Ты, мерзавец, забыл, что хотел меня купить?!

Лисовский едва заметно улыбнулся.

– Я бы и сейчас не отказался. Но в качестве любящей и любимой супруги ты привлекаешь меня гораздо больше.

Что?! Любящая и... мать его так... любимая?! Это он вообще мне сказал, песец проклятый?! Обо мне посмел так неприлично отозваться?! Да я его в порошок сотру! Переспали мы по обоюдному желанию, признаю. Но считать, что после этого я растекусь перед ним безвольной лужицей и в зубах буду тапочки приносить по первому требованию... пошел к черту! Я ведьма, а не фаворитка, которой можно крутить как хочешь! И во второй раз он меня на слабости поймать уже не сможет!

– Убери руки! – ледяным тоном потребовала я, заподозрив, что надо мной опять изощренно издеваются. – Немедленно!

От моего командного тона у Лисовского и впрямь дрогнули ладони. Но – лишь на долю мгновения. После чего он вздохнул, наклонился и, подхватив меня с пола, спокойно двинулся обратно в комнату. Вырваться, как я ни брыкалась и не царапалась, он мне не позволил. А когда добрался до постели, то аккуратно сгрузил на разворошенные простыни. Немедленно получил за это в нос. Сморщился, но, кажется, не особенно пострадал. После чего понял, что просто так со мной не справится, и... до такой степени обнаглел, что просто лег на меня сверху, придавив собственным телом и умело спеленав по рукам и ногам.

От возмущения я едва не закипела, как перегревшийся чайник.

Я барахталась под ним, осыпая его плечи ударами. Кусалась. Царапалась. Даже дралась и без всякого стеснения звала на помощь в надежде, что кто-нибудь окажется в такую рань на пляже,

услышит сквозь открытое окно мои вопли и вырвет меня из лап дурного лиса за какое-нибудь символическое вознаграждение.

Неужто все рыцари на Руси... то есть, на Сейшелах... уже перевелись? Хотя какие тут, к черту, рыцари? Мелкие, тощие, смуглые, как сарацины... а этот зверь вон какой здоровый! Такого попробуй, тронь!

Тьфу!

Лисовский все это время спокойно сносил мои удары и терпеливо ждал, когда у меня закончится запал. Ноги мои он спеленал своими. Руки в конце концов перехватил и завел мне за голову, чтобы больше не рисковать. Щелкающие перед самым его носом зубам попросту проигнорировал. А смотрел на меня с таким снисходительным и каким-то понимающе-всепрощающим выражением, что это бесило ещё больше. И я, наверное, ещё минут двадцать бушевала, пока вдруг не почувствовала, что по ногам меня бережно гладит что-то мягкое, теплое и... пушистое?

От неожиданности я замерла и ошутимо напряглась.

– Это что, хвост?

У Лисовского вопросительно приподнялась бровь.

– Ты о чем?

Я снова ощутила, как по пальцам ног прошлось пушистое опахало: туда-сюда, слева-направо. И повысила голос:

– Вот об этом. Это что, твой хвост?!

Над головой лиса мелькнула и пропала ослепительно белая кисточка.

– Песец... – обреченно выдохнула я.

– Где песец? – не понял он.

– Да ты, блин, песец. Мой персональный! Большой, толстый и бесповоротный!

Оборотень зубасто усмехнулся.

– Не угадала: я не толстый. И совсем не белый.

– Покажи! – потребовала я, лежа под ним, как под каменной плитой. Причем очень горячей, гладкой и бесстыдно обнаженной плитой, от близости которой уже не так сильно хотелось кричать и возмущаться.

Когда же над плечом лиса и впрямь дразняще мелькнул краешек пушистого хвоста, я судорожно вздохнула: он действительно был белым лишь на самом кончике. А дальше у зверя Лисовского шел совершенно бесподобный черно-серебристый мех. Настолько густой, что мне немедленно захотелось его себе на шубу. И до того мягкий, что до зубовного скрежета понадобилось зарыться туда сразу обеими руками.

Эх, вот бы увидеть его целиком... интересно, во время частичной трансформации откуда у него растет эта штука? Из копчика? Или откуда-то повыше? Может, наоборот, пониже? Надо бы посмотреть, а то вдруг больше никогда не увижу...

Неожиданно до меня дошло, о чем я думаю, и я протестующе дернулась.

– Да пусти же меня, сволочь!

– Драться не будешь? – совершенно спокойно поинтересовался Лисовский.

Я подумала и призналась:

– Буду.

– Тогда лежи, – пожал плечами лис и снова замолчал, испытующе поглядывая на мое возмущенное лицо и продолжая размеренно щекотать мои ноги пушистым хвостом.

Слева-направо... справа-налево...

Размеренные движения успокаивали, умиротворяли, даже усыпляли. Мягкие шерстинки тихонько гладили мою кожу, ненавязчиво ласкали и словно молча говорили: не надо, не злись, пожалуйста... я же не злюсь? Смотри, я просто лежу рядом, весь такой спокойный и совсем неопасный. Здесь нет угрозы. Здесь тепло. Здесь ты дома...

«Он полностью контролирует своего зверя», – обреченно подумала я, не зная, как выбраться из-под тяжеленного лиса. Если бы он не опирался на один локоть, точно бы раздавил. А еще хорошо, что постель оказалась мягкой. И если вспомнить о том, что мы творили тут ночью...

Я зажмурилась и тихо застонала.

Ну за что мне все это?!

– Оля? – мгновенно встрепенулся Лисовский и приподнялся на постели. – Тебе больно?

– Да! – свирепо рявкнула я, приподнявшись следом. Но тут лис наклонился и с чувством меня поцеловал, одновременно с этим обняв мои ноги хвостом и издав какой-то новый, совершенно необычный, непонятный, но пробирающий до дрожи горловой звук, мощная вибрация от которого что-то сдвинула, изменила, внезапно перевернула в моей рассерженной душе и заставила ответить на непрошенный поцелуй.

– Какой же ты все-таки гад... – выдохнула я, как только оборотень оторвался. – Как ты мог... ты!

– Оля, ты можешь перестать ругаться и послушать меня хотя бы пару минут?

– Зачем? – насупилась я.

– Затем, что я не хочу с тобой ссориться.

– Раньше надо было об этом думать. До ресторана!

– Ну, прости, – покаялся лис. – Черт меня тогда за язык дернул. Не хотел я тебя обидеть. Мне просто нужно было увидеть твою реакцию.

Я снова зашипела.

– На что?! На плохо завуалированное оскорбление?!

– В том числе... Что тебе известно о брачных метках?– вдруг без предупреждения поменял тему лис, но сверху снова не навалился. Ждал, оценивал, следил за моей реакцией. И явно был готов рухнуть сверху, если я опять начну буйнить.

Подумав и решив, что задохаться под ним мне больше не хочется, я осторожно ответила:

– Почти ничего. Это старый обычай. Исключительно ваш, звериный. Типа означает любовь до гроба и всякая такая лабуда. Но в чем прикол, мне неизвестно.

Лис прищурился. Глаза у него из желтых снова стали карими, спокойными. После чего оборотень сполз с постели. Дождался, когда я сяду. После чего присел на корточки и испытующе глянул на меня снизу вверх.

– А ты знаешь, как мы ищем себе партнеров?

– Невелика тайна,– фыркнула я.– Конечно, по запаху. Генетически совместимый партнер для вас пахнет особенно хорошо.

Лис улыбнулся, показав мне кончики клыков.

– Верно. Запах подходящего партнера, как выражаются твои коллеги, вызывает в нашем организме гормональную бурю. Это может спровоцировать некоторую эмоциональную нестабильность, а порой и потерю контроля над зверем.

– И что с того?

– Когда я впервые тебя увидел, я был... встревожен,– неожиданно признался оборотень.– Звонок твоего шефа и известие о том, что Алиска при смерти, застало меня врасплох. У меня есть враги, и немало. Но таких, чтобы рискнули покуситься на жизнь моих детей, на тот момент не было... по крайней мере, мне так казалось. Поэтому я не сразу отреагировал и слишком поздно понял, что оба моих ребенка в опасности.

– Когда мы встретились, я тоже была зла,– снова фыркнула я, на что лис лишь сокрушенно покачал головой.

– Ты отчитала меня как мальчишку. Ты, ведьма, посмела не просто мне перечить, но и лишила возможности повидаться с дочерью... я был в бешенстве,– обронил оборотень.– Я давно ничего подобного не испытывал. Обычно мой зверь послушен. И он далеко не глуп. Поэтому, когда ему захотелось вцепиться тебе в горло, я несколько растерялся.

– То есть, ты поэтому решил забрать из клиники Алису?– неожиданно дошло до меня.

Оборотень кивнул.

– Если зверь стал бы так на тебя реагировать и дальше, это могло стать опасным. В том числе и для меня: неуправляемый оборотень во главе компании – это беда. Поэтому я не захотел рисковать. Если бы не твое упрямство, я бы забрал Лиску в тот же день...

Я насупилась.

– Она не захотела тебя видеть. Она заплакала, когда услышала, что ты рядом! Что я должна была подумать?!

– Я ни в чем тебя не обвиняю,– спокойно отозвался Лисовский, по-прежнему сидя на корточках и глядя на меня снизу-вверх.– Просто пытаюсь объяснить... хочу, чтобы ты понимала...

– Что я должна понять? Что твой отказ означал не недоверие мне как врачу, а всего лишь нежелание меня убивать?

– Не только. Жаль, я тогда не сообразил, что происходит. Я был слишком зол. Слишком, Оль... тогда у меня перед глазами стояло лишь твое горло. А все, что я помнил, это твой запах, который сводил меня с ума.

Я вздрогнула.

– Нет-нет-нет... только не говори, что мы с тобой...

– Генетически совместимы, – снова оскалился лис и чуть подался вперед, демонстративно втянув ноздрями мой запах. – Все верно, Оль. Ты для меня отличный партнер. Гораздо лучше, чем Алина. От тебя у меня могли бы родиться здоровые дети.

– Ни за что! – твердо сказала я, тщательно пытаясь от него отпихнуться. – Даже не заикайся. Никаких детей. И тем более замужества. Только не с тобой!

– Оля, ты не дослушала, – ничуть не огорчился Лисовский, аккуратно придерживая мои колени и на всякий случай прикрыв собственный пах толстым хвостом. – До меня тоже не сразу дошло. Твой запах вышиб из меня почти весь налет свойственной человеку разумности и рассудительности. Едва не уничтожил все то, что я создавал годами. Все барьеры. Все запреты. Но только после того, как я уехал из клиники, а твой запах по-прежнему продолжал меня будоражить, я сообразил, что мне до зубовного скрежета хочется тебя не убить, а... пометить.

Я отшатнулась.

– Да иди ты!

– Я тебя прекрасно понимаю, – усмехнулся лис. Но невесело усмехнулся, я бы даже сказала, горько. – А когда в ту же ночь обнаружил, что лежу в сугробе под твоим окном, да ещё и в боевой ипостаси, попутно размышляя, как бы взобраться по стене так, чтобы никто не увидел, мне стало совсем невесело.

– Ты что, обернулся?!

– Непроизвольно, – кивнул он. – Впервые за тридцать последних лет. И для меня это стало таким шоком, что я не знал, как реагировать. Обычно мы спокойно переносим присутствие потенциального партнера. Его запах нас будоражит, привлекает, вынуждает совершать какие-то действия, чтобы понравиться и склонить к близости. Когда мы были дикими, за партнера оборотни сражались в боевой ипостаси. Когда влились в цивилизованное общество, в ход пошли подарки, ухаживания... но при виде тебя мой зверь сошел с ума. Я не знал, с чем это связано. Не догадывался, что простая ведьма может стать для меня настолько подходящим партнером, что зверь не захочет не только тебя отпустить, но даже с привязи сорвется, лишь бы быть рядом. Я не мог оставить это без внимания. Но прежде, чем принимать какое-то решение, нужно было все проверить.

– Что же ты сделал? – настороженно спросила я.

– Поднял все свои связи. Выяснил о тебе все, что было можно и нельзя. Твою родословную, твои школьные успехи, сведения об учебе, половых партнерах, все места, где ты работала или даже собиралась работать... вплоть до того, где ты любишь отдыхать и почему так тяготеешь к сладкому.

– То есть, ты не просто так гулял в субботу в торговом центре?!

– Нет, конечно. Брат попросил выгулять свою младшую. У нее в воскресенье день рождения был, вот он и попросил куда-нибудь ее свозить, чтобы родители могли подготовить сюрприз. Ну я и взял ее с собой. Заодно, думал, посмотрю, в какие магазины ты любишь ходить, и что дарить, если и впрямь придется за тобой ухаживать. Кто же знал, что ты тоже там окажешься? Обычно ты по воскресеньям выбираешься за покупками.

Я свирепо выдохнула.

– Ты что, что мной шпионил?! Или это тебе майор Гаврилюк рассказал?!

– Всего помаленьку. Но не суть важно. В торговом центре я снова почуял твой запах, – покачал головой лис. – И пошел за тобой как привязанный, из магазина в магазин. Юлька что? Она даже не поняла, зачем мы потащились по ювелирным. А я не смог удержаться. Наверное, зря?

Я поджала губы.

– Ты вообще не был похож на чело... нелюдя, который чем-то сильно увлечен.

– Я все же не совсем зверь, – криво улыбнулся оборотень. – Днем сдерживаться проще. Но было бы дело ночью, я бы, наверное, перекинулся. И тащилась бы ты домой с непредсказуемым лисом на поводке, потому что сам я бы точно не ушел. Ни тогда, ни потом. Особенно потом, когда увидел тебя в красном платье... в ресторане... и понял, что надо срочно что-то предпринимать.

– Вместо этого ты отобрал у меня машину, – буркнула я.

– Прости. У ведьм скверная репутация.

– И что? Это повод, чтобы бросаться оскорблениями?!

– Если бы ты тогда не ушла, я бы набросился на тебя прямо в зале, – прошептал лис, и глаза у него снова опасно загорелись. – Оказывается, злость делает твой запах одуряющим. Когда ты злишься, рядом с тобой очень трудно сдерживаться, но тогда я об этом не знал. Мне просто нужно было проверить твою реакцию.

– Зачем?!

– Близость полноценного партнера делает нас от него зависимым, – так же тихо признался оборотень. – Это наша слабость. Но впасть в зависимость от ведьмы я не мог себе позволить: за мной стоит бизнес, деловые партнеры, репутация... и если зверю начхать на все это с высокой башни, то человеку совсем не все равно.

Я горько усмехнулась.

– Конечно. Ведьмы – это зло. Мы жадные, сварливые, охочие до денег, драгоценностей...

– И сладостей, – едва заметно улыбнулся он.

– Стоп! Не хочешь ли ты сказать, что это с твоей подачи Андрей надумал накормить меня плюшками?!

– С моей, – не стал отпираться Лисовский. – От меня ты бы не стала принимать подарки, поэтому пришлось подсказать. И все равно ты оказалась лучше, чем я думал. Сильная, честная, строгая... мои дети от тебя в восторге. С Андрюхой было нелегко в последние годы. И только к тебе он начал прислушиваться. А когда ты вернула мне их обоих... когда я своими глазами

увидел, как ты работаешь... честное слово, Оль, ты меня покорила. Жаль только, я так и не нашел способа сказать тебе об этом. Хотя я пытался. Честно.

– Когда это ты пытался?– недобро прищурилась я.– Когда снимал деньги с моего счета? Или когда приказывал создать фиктивный чек, в котором была прописана вдвое большая сумма, чем реально требовалась на ремонт твоей машины?! Ты ведь знал, сколько денег у меня на счету!

Лисовский виновато развел руками.

– Знал, конечно. И насчет машины ты тоже права: мне действительно проставили в чек именно ту сумму, которую я велел.

– Зачем? Хотел знать, продамся ли я ради денег?

– Да. Так задумывалось.

– И как? Доволен?!

– Нет, Оль. У меня просто не было другого выхода.

– Да?! А оставлять меня без средств существования у тебя был выход?!

Я почувствовала, что снова закипаю, но оборотень снова покачал головой.

– Оль, я, может, и лис, но не подлец. Зачем мне твои деньги? Я узнал, что хотел. И этого было достаточно. Машину твою мои ребята на следующее утро забрали в техцентр. За два дня ее отремонтировали. И с тех она стоит у тебя во дворе. Под окном. Вместе с большим... теперь, наверное, уже превратившимся в сосульку... шоколадным тортом и письмом с моими искренними извинениями.

Я вздрогнула.

– Ты отремонтировал моего «жука»?!

– Да, – кивнул Лисовский. – Капот тебе заменили целиком, разбитую фару тоже. Все покрасили, рисунок восстановили. В автосервисе предлагали ещё и движок перебрать, но я решил, что это долго, поэтому не стал ничего делать. И уже во вторник машина стояла у тебя во дворе. Но, насколько я понял, ты об этом так и не узнала.

– Н-нет,– сглотнула я, уставившись на лиса расширенными глазами.

У нас во дворе и впрямь стояла чья-то занесенная снегом тачка. По размерам вроде подходила под описание. Но за неделю, пока меня не было дома, ее так занесло метелью, а затем ещё и приморозило, что в образовавшемся сугробе даже очертаний было не разглядеть. Да и кто бы мог подумать, что у Лисовского хватит совести за свой счет восстановить моего «жука»?!

– Почему же ты тогда не вернул те сто тысяч?– непонимающе переспросила я.– Если тебе не нужны были деньги...

Лис внимательно на меня посмотрел.

– Оля. Я вообще их не трогал, веришь? Их никто с твоего счета даже не снимал.

– Но как же... а смс-ка?!

– Боже... ты что, вообще не проверяла банковский счет?

– Нет. А зачем?

Лисовский уставился на меня с прерванным выражением, а до меня начало медленно доходить.

– Это что... та смс-ка была фальшивкой?– вконец растерялась я.– Это ты все подстроил?!

– У меня друг работает в банке,– подтвердил оборотень.– В совете директоров заседает. Кое-какие связи имеет. Отправить тебе смс с номера банка особого труда не составило, тем более что это было обычное сообщение. И деньги на счету действительно никто не трогал. Мне казалось, что ты контролируешь свои расходы. Что ты сама скоро все увидишь, поймешь. И согласишься хотя бы поговорить, чтобы я мог объяснить остальное.

– Мне даже в голову это не пришло,– неловко призналась я, отведя глаза.– Я так на тебя злилась, так хотела отомстить...

Лис вздохнул.

– Ну, вот он я. Мсти. Я даже не буду уворачиваться.

– Да я вроде уже и не хочу,– следом за ним вздохнула я.– Даже после того, как ты меня уволил.

– Я уволил?! – совершенно искренне опешил оборотень.– Когда это я мог тебя уволить?!

– В пятницу. Я слышала ваш разговор в кабинете шефа.

Оборотень поднял на меня растерянный взгляд.

– Так вот почему ты уехала...

А потом бережно взял мои руки в свои, поднес к губам и осторожно поцеловал.

– Глупенькая. Зачем мне выкупать клинику, в которой не будет тебя? Зачем поставлять туда новое оборудование, если ты не будешь на нем работать? Когда я в третий раз не смог до тебя достучаться, мне пришлось обратиться к твоему шефу напрямую. Он оказался умным мужиком. Быстро сообразил, что к чему, а остальное я уже рассказал ему сам. После этого он дал мне твой номер, но честно предупредил, что помогать не станет. А ещё сказал, что ты... что у тебя кто-то есть.

Я смущенно кашлянула, а лис ненадолго прикрыл глаза.

– В ту ночь я был готов сорваться с места и начать убивать тех, кто посмел претендовать на твое внимание. И я бы сделал это, Оль, если бы был уверен, что это поможет тебя очаровать.

– Почему же ты не приехал?– сглотнула я, представив, чем могла закончиться невинная с виду шутка. – И потом ничего не сказал?

– Потому что в ту ночь я уехал на бойню... я держу под столицей свиную ферму. Специально. Там я нашел кого убить.

У оборотня дернулась щека, но, когда он снова поднял на меня взгляд, там стояла боль.

– И только наутро стало ясно, что я поступил правильно, потому что чужим мужчиной от тебя по-прежнему не пахло. Я мог испортить все ещё больше, чем было до этого. Но у меня получилось сбросить злость на других. Хотя бы на какое-то время.

– Прости,– невольно вырвалось у меня. – Я не знала, что это так страшно!

Лис покачал головой.

– Это как раз не страшно, Оль. Свиной все равно готовили на убой. Я лишь ускорил этот процесс... а вот когда я увидел тебя в холле после ссоры с Андреем... когда понял, что ты смотришь лишь на него и боишься исключительно за него... – у лиса из груди вырвался прерывистый вздох.– Вот тогда я испугался по-настоящему.

– Ты что...?!

– Я мог бы,– очень тихо признался оборотень, когда я испуганно ахнула.– И оказался очень близок к этому, поэтому и ушел. Тогда на ферме случился ещё один внеочередной забой скота. Не знаю, скольких тогда убил. Я почти ничего не соображал от бешенства. Но думаю, что месячную норму точно им перевыполнил, а заодно напугал сотрудников до мокрых штанов.

Еще бы. Представить страшно, что способно натворить двухметровое, обезумевшее от ярости чудовище с когтями длиной с мою ладонь и с зубами, как у саблезубого тигра. Надо думать, что после ухода господина Лисовского сотрудники фермы неделю там кровь отмывали!

Неужели все это лишь из-за того, что его зверь счел меня достойной парой?

Я заглянула в бесконечно уставшие, больные, пожелтевшие от волнения глаза лиса и поняла: вот поэтому он и захотел меня проверить. Вот поэтому и рискнул. Становиться НАСТОЛЬКО зависимым от кого-то он и впрямь не мог себе позволить. Это было равноценно самоубийству. Но кто мог знать, что у него хватит соображения и совести извиниться за такую жестокую проверку? И кто вообще мог подумать, что я не только не догадаюсь за все это время заглянуть в свой личный кабинет в банке, но и любимую машину под снегом не узнаю!

– Кого же ты тогда увольнял?– нерешительно переспросила я, когда лис замолчал.

– Секретаршу свою. Ольгу... тоже, как ни странно, Николаевну,– поморщился он.– Два месяца испытательный срок. Заранее ее предупредил, что неуставных отношений не будет. Но нет. Мало того, что секретарь из нее не очень, так ещё и простые слова не доходят. В четверг, когда вернулся из больницы, застал эту идиотку у себя в кабинете в одних трусах. Если бы сама не убежала, точно бы порвал на куски.

– А... а что ты делал в четверг в больнице?– нерешительно спросила я.

– С тобой сидел,– признался оборотень.– Когда Андрей позвонил и сказал, до чего вы додумались, а потом прямо в трубке раздались выстрелы, я перекинулся посреди белого дня. Хорошо, машина под боком стояла. Хорошо, что водитель у меня толковый. В два счета домчал до места, иначе я бы прямо так... зверем... Но, пока мы ехали, немного успокоился. Когда позвонил Долгорукий и сообщил, что тоже в пути, я успокоился ещё больше: у него под рукой столько клыкастых головорезов, что рядом с ними ни тебе, ни детям ничего не грозило. Но когда я увидел, как ты падаешь... хорошо, твой шеф прибыл почти одновременно с нами и успел оглушить меня какой-то гадостью. Полдня в себя приходил. А когда очнулся, оказалось, что с тобой все в порядке. Долгорукие предложили помощь в поиске организаторов покушений, отказать я не мог, поэтому пришлось ненадолго уехать. Но перед этим я все же поговорил с твоим шефом, предложил выкупить клинику и подготовить к пятнице договор. Он подготовил, как обещал. Я приехал его подписать. Потом спустился к тебе в палату и понял, что там тебя нет. Кабинет открыт, ключи в замке, на столе заявление об увольнении...

Лисовский с укором на меня взглянул.

– Я решил, что меня прокляли. Ты отключила телефон, дома не появилась, и никто не знал, куда ты исчезла. А главное, никто не мог внятно объяснить, куда ты вообще могла деться. И почему сорвалась из клиники, хотя Юрий Иванович был уверен, что ты до вечера не очнешься. Я даже сперва подумал, что тебя могли похитить. Мне назло. Но камеры наблюдения засекли тебя выходящей на улицу. В моргах твоё тело не появлялось, в больницах тоже.

Я неловко потупилась.

Ну, что на это сказать? Неправильно поняла. Расстроилась. Психанула. Бывают же у девушек плохие дни?

– Я думал, с ума сойду за эти сутки, пока мне не дали выписку из твоего банка, – вздохнул оборотень, снова коснувшись губами моей руки. – Взяла кредит. Сняла крупную сумму наличными. Оставалось лишь выяснить, куда ты могла их потратить, и проверить аэропорты... вот скажи, Оль, зачем тебе понадобилось двести тысяч рублей?

Я порозовела.

– А Сейшелы эти грешные зачем? – продолжал стыдить меня лис. – Мне пришлось бросить все дела, оставить разборки с «IT Pharmaceutics» на Долгоруких. Срочно выводить из ангара самолет и лететь на край света в попытке выловить тебя для разговора. В надежде, что за это время ты не натворишь никаких глупостей.

– Я вообще-то ответственная, серьезная и очень даже приличная ведьма, – проворчала я, упрямо пялясь в пол и очень стараясь не думать о том, почему вообще сбежала из страны.

– Да знаю я, какая ты ответственная, – с новым вздохом сказал оборотень, после чего наконец встал, снова подхватил меня на руки. Уселся на измятую постель вместе со мной и, приподняв мое пунцовое лицо за подбородок, заглянул в глаза. – Оля... честное слово, вчера ты поразила меня до глубины души. Свидание вслепую? Ты что, серьезно думала, что у тебя что-то получится?

– Ну... могло бы получиться. Ко мне два симпатичных молодых человека вон подходили...

– Вот скажи, неужели тебе нужна смерть этих несчастных? – ласково осведомился лис. – Я ведь не зря в начале спросил, что тебе известно о брачных метках.

Я фыркнула.

– А я не зря ответила, что не знаю о них почти ничего. Вы же сами ничего на эту тему не говорите!

– Потому что это закрытая тема, – невозмутимо отозвался оборотень. а затем взял мою руку, приложил к своей груди и через некоторое время осведомился. – Ну? Теперь понимаешь?

– Нет, – честно призналась я.

– Слушай. Просто слушай, Оль... да не меня! Себя слушай! Что ты слышишь?

Я честно попыталась понять, но все, что я слышала, это ровный стук его сердца. Тук-тук... тук-тук... тук-тук... в какой-то момент я даже глаза прикрыла, кончиками пальцев ощущая вибрацию грудной клетки после каждого удара. Чувствуя исходящее от кожи оборотня тепло. Ее неестественно ровную, гладкую, бархатистую поверхность. Настолько приятную на ощупь, что было сложно удержаться, чтобы ее не погладить.

И я погладила.

Сперва бережно и осторожно. А затем все увереннее, настойчивее. Чувствуя, как от каждого прикосновения по моей собственной коже разливается мягкое тепло. Буквально слыша слабенький шорох от каждого движения. Ощущая, как быстрее разливается по венам кровь. Как в ответ на прикосновение его сердце начинает стучать все чаще. С новой силой. С новым ритмом. До тех пор, пока в унисон ему не зазвучало еще одно сердце. А вместе с ним в моей душе не ворохнулось что-то необъяснимое. Какая-то чужая, волнующая и невероятно трепетная нежность. Желание оберегать, защищать, заботиться, встать стеной на пути у любой угрозы.

Я вдруг ощутила, что рядом находится что-то по-настоящему для меня дорогое. Не просто ценное, а именно МОЕ. Мой человек. Мой оборотень. Моя пара. Настолько удивительно мне подходящая, что при желании я могла бы даже слышать его мысли.

И тут до меня внезапно дошло.

Я ахнула, вскинула голову и вдруг увидела все то, что сейчас почувствовала, в глазах лиса! Это была его нежность! Его желание заботиться и оберегать! И это его сердце грохотало сейчас так взволнованно! И его старательно сдерживаемое желание бурлило во мне со вчерашнего дня!

– Боже мой... что ты наделал?! – прошептала я, уставившись на оборотня, как на чудовище из сказки.

Он молча поднял мою руку, на которой уже три дня не было никакой повязки. Ту самую руку, на которой ещё вчера красовались четыре подживших отметины от клыков Андрея, а сегодня виднелся уже полноценный, свежий отпечаток, причем совсем-совсем не мальчишеских зубов.

– Ты что, меня пометил?!

– Андрей сказал, чтобы я без брачной метки даже не возвращался. – Лисовский обнажил в жутковатой улыбке зубы. – А Алиска добавила, что, если я не смогу тебя соблазнить, она перестанет меня уважать как главу семейства. Я не мог их подвести. Поэтому у тебя нашел.

– Но ты меня пометил! – возмутилась я.

– Да.

– И это же нечестно! Ты!

Но проклятый лис только беззвучно рассмеялся.

– Вообще-то ты начала первой, – он кивнул на свое плечо. – Я пытался удержать себя в руках. Думал: сперва, как честный оборотень, сделаю предложение, а там уже по обстоятельствам. Но после такого... разве я мог оставить незавершенной метку?

– Какую еще метку? Вот эту?!

– Брачные метки ставятся обоими партнерами, – промурлыкал мне на ухо лис. – На пике страсти и исключительно по обоюдному желанию. Подделать такое невозможно. Так что, Оленька, отпираться ты больше не сможешь: я тебе нравлюсь. С самого начала нравился. Просто у тебя не было причин об этом задуматься и признаться в этом хотя бы самой себе.

Я свирепо выдохнула.

– Это все твоя туалетная вода виновата! Это из-за нее у меня крыша поехала!

– Оленька,– доверительно шепнул лис, наклонившись к самому моему уху.– Солнышко, я никогда в жизни не пользовался туалетной водой. Не переошущу на себе чужеродные запахи, представляешь?

– Как это?– в который уже раз за утро растерялась я. – Но такого не может быть. Я же чувствовала!

Губы оборотня растянулись в ослепительной улыбке.

– Это мой природный запах. И раз он тебе понравился, значит, мы действительно генетически совместимы. Причем полностью, Оля. Понимаешь?

Я вздрогнула всем телом.

Полная генетическая совместимость в случае с оборотнями могла означать только одно...

– Нет! – неверяще воскликнула я. – Нет! Я же обычная ведьма!

– Значит, не совсем обычная,– снова мурлыкнул лис.– Ты чувствуешь меня. Ты отозвалась на мой зов этой ночью. Ты первой поставила на мне метку. Ты меня приняла и не так давно этот выбор полностью подтвердила. А это значит, хотя бы раз в твоей родословной мелькнул кто-то из нас. Жаль, я не сразу об этом подумал. Жаль, что мне понадобилось слишком много времени, чтобы объяснить перепады твоего настроения в моем присутствии. Но вчера, когда ты даже после подавителя запаха на меня среагировала, сомнений не осталась: ты одна из нас, Оля. И этой ночью ты по собственной воле, на одних только инстинктах, несмотря ни на что, но все равно меня выбрала.

Я испуганно замерла, а он жадно втянул мой запах.

– Теперь ты действительно моя,– довольно прошептал мне на ухо оборотень.– А я теперь весь твой, с потрохами. Брачная метка позволит нам чувствовать и лучше понимать друг друга. Она сделает нас единым целым. Именно поэтому она так важна. Поэтому же мы никогда не изменяем тому, кого единожды выбрали. Поэтому и верны партнерам до гроба. Мы не люди, Оля. Это верно. Но именно сейчас я считаю, что это правильно как никогда.

ЭПИЛОГ

Наверное, для меня этого оказалось слишком много: новостей, событий, эмоций. Слишком много потрясений для одного-единственного утра, поэтому довольно долго я в каком-то оцепенении сидела на коленях оборотня и отстраненно размышляла обо всем, что между нами произошло.

Рядом с лисом было легко, уютно, тепло и настолько комфортно, словно мы полжизни прожили вместе и научились определять настроение друг друга с полуслова, если не с полувздоха. И я чувствовала его даже сейчас. Его горячее дыхание на своей щеке. Ровное биение его сердца под моими пальцами. Все ту же необъяснимую нежность, которой он неизвестно когда успел ко мне проникнуться. Желание оберегать, защищать, трепетно хранить от всего остального мира. И до последнего вдоха биться за право быть со мной рядом. Право, которое он был готов подтвердить прямо здесь и сейчас.

Ощущать это, знать и чувствовать свою власть над ним было необычно, но на редкость приятно. Сказать, что это вот так сразу взяла и появилась любовь, было нельзя. Это даже на

влюбленность не особенно походило. Но в то же время я чувствовала, что уже не смогу от него уйти. Не сумею предать. И не рискну поранить, потому что это было бы подлостью. А я после того, как простила его, больше не хотела ни мстить, ни причинять ему даже мимолетную боль.

Но все же одна мысль упорно не давала мне покоя.

– Оля?– настороженно спросил лис, когда понял, что я молчу слишком долго.– Ты все еще на меня злишься?

– Пожалуй, что нет,– после небольшой паузы была вынуждена признать я.

– Тогда почему ты расстроена?– не понял он.– Я ведь чувствую: ты напряжена, насторожена... едва ли не больше, чем в начале нашего разговора. Почему ты грустишь?

– Я не хочу потерять свою магию,– тихо сказала я, отведя глаза.– Если ты прав насчет зверя, то скорее всего он стал сильнее именно потому, что у меня перегорел дар. Это может означать, что магия уже не вернется. А я не хочу... даже ради тебя не хочу разменивать ее на вторую ипостась и возможность носить брачную метку.

Лис фыркнул.

– И всего-то?

– Ты считаешь, этого мало?– так же тихо спросила я. На что оборотень лишь с укором вздохнул, обнял меня крепче и выдохнул в самое ухо:

– Никто не проводил исследований на наличие у нас магического дара. И никто не доказал, что это в принципе невозможно. Если твоя магия за столько лет не уничтожила твоего зверя, значит, она по определению на это не способна. А если под воздействием зверя твоя магия за столько лет не испарилась сама по себе, значит, они более или менее совместимы.

Я подняла на него недоверчивый взгляд, но в душе все-таки затеплилась надежда.

– Ты думаешь?

– Оля,ты же врач,– неслышно рассмеялся лис.– Тебе эти материи лучше известны. Тем более, твой шеф сказал, что определенные подвижки у тебя уже случились, хоть и не такие быстрые, как он хотел бы. Твой дар УЖЕ потихоньку восстанавливается. Просто на это понадобится время. И ради такого случая шеф продлил тебе больничный до конца января.

У меня словно гора с плеч упала.

Фу-у-у... я не останусь простой смертной. И наличие, хоть и слабого или просто спящего зверя никак на мой дар не повлияет. Какое счастье!

– Ты неисправима, Оля, – совершенно правильно расценил мой шумный выдох лис, а затем уткнулся носом мне в шею.– Но мне это ужасно нравится. Я знаю одно: ты нужна мне любой. Хоть с магией, хоть без. С наличием второй ипостаси или же без оной. Я даже настаивать не буду, чтобы ты попробовала перекинуться. Мне достаточно того, что ты просто есть. Хотя, конечно, не отказался бы узнать, к какому виду ты в действительности относишься...

– Да что тут гадать-то? – смутилась я. – Полная генетическая совместимость означает близкую родственность видов. Так что, если меня выбрал в качестве пары лис,то и я должна быть такой же.

– Ну... мы ведь еще не знаем, какой ты расцветки,– промурлыкал оборотень.

Я демонстративно приподняла смоляную прядь.

– Вообще-то это мой натуральный цвет.

– М-м-м. Тем лучше, чернбурочка ты моя.

Я вздрогнула, когда он бесцеремонно лизнул мое ухо и проникновенно заурчал. Его хвост обвился вокруг моих ног, руки крепче стиснули талию, а кожу на моей шее обожгло горячее дыхание.

– Саш, перестань, – попросила я, когда лис лизнул меня снова, на этот раз настойчивее и с определенным прицелом.

Оборотень жадно втянул ноздрями мой запах.

– Что ещё тебя тревожит? Ты ведь не все мне сказала?

– Да, – вздохнула я. – Есть еще кое-что. И для меня это очень важно.

Лис мурлыкнул.

– Хорошо. Я тебя внимательно слушаю.

– Я... я не думаю, что нам стоит торопить события, – отвела глаза я и попыталась убрать с талии его руку. – То, что между нами произошло вчера, это всего лишь химия. Обычная реакция нейромедиаторов, которая, хоть и вынуждает нас тянуться друг к другу, но совсем не означает, что мы можем стать по-настоящему близки.

– Хм... – прищурился оборотень. – Это ты сейчас так заковыристо пытаешься сказать, что не любишь меня?

Я тяжело вздохнула.

– Что-то вроде того. С тобой хорошо. Ты сильный, надежный и все такое... но я не чувствую себя влюбленной. Я даже не могу сказать, что именно испытываю, когда ты рядом.

– Вот же глупенькая... – неожиданно рассмеялся лис.

Я же, напротив, насупилась.

А что в этом, позвольте спросить, смешного? Нет, насчет метки вопросов нет – сама поставила, сама и расхлебывать буду. От Лисовского тоже куда не денусь – с меткой от него далеко не убежишь. Да и надоело мне от него бегать. В постели он тоже хорош. К тому же, богат. Известен. Физически не способен причинить мне серьезный вред. Казалось, бы все замечательно и просто прекрасно, но...

Да, вот именно что «но».

Я, как любая женщина, хотела большего, чем дорогие подарки, цветы и хороший секс по обоюдному желанию. Я хотела любви. Не просто страсти, замешанной на химической реакции в мозгу, а того незабываемого чувства полета, нереальной легкости, воздушности и всего того, о чем снимают кино, пишут в книгах, поют в песнях... Глупо, наверное, но мне действительно этого хотелось. Чтобы и слезы радости, и счастливая улыбка до ушей, и желание мчаться домой со всех ног лишь потому, что там меня ждут и готовятся обнять с таким же нетерпеливым желанием, от которого сгораю я сама.

Не зная, как объяснить все это грубоватой мужской душе, я замолкла, опасаясь, что оборотню, за плечами которого уже была женитьба и у которого подрастали дети, мои наивные девчачьи мечты покажутся смешными. Но он неожиданно посерьезнел. Пытливо заглянул мне в глаза. После чего обнял ладонями мое лицо, притянул к себе и тихо-тихо пообещал:

– У тебя все это будет. Оля, ты мне веришь?

Я судорожно сглотнула.

– Я все сделаю, чтобы ты никогда об этом не пожалела. Ты будешь летать. Кричать и плакать от счастья. Хочешь?

– Хочу,– прошептала я, с громко колотящимся сердцем всматриваясь в его глаза.– Только не представляю, как ты собираешься это сделать...

Лис бережно меня поцеловал, оборвав фразу на середине.

– Это уже моя забота. А чтобы ты больше не сомневалась, позволь я кое-что покажу.

Я шмыгнула носом и кивнула.

– Закрой глаза,– попросил оборотень, снова коснувшись моих губ. А когда я прикрыла веки, едва слышно выдохнул:– Слушай себя. Дыши. Расслабься. И постарайся мне довериться.

Я послушно обмякла в его объятиях, позволив лису целовать себя дальше. Он прикоснулся совсем легко, едва заметно, осторожно, словно в первый раз. Будто и не было у нас до этого бурной ночи. Будто мы только сейчас по-настоящему познакомились и сближались. И это было до того захватывающе, что вскоре я и впрямь ощутила то самое, необъяснимое, до трепета, волнение первого поцелуя, которого мне так не хватало.

Оборотень целовал меня с такой нежностью, что от нее мгновенно защемило сердце. Его рука зарылась в мои волосы, потихоньку поглаживая их, лаская, направляя, но не заставляя прижиматься к нему все ближе. Вторая ладонь так же медленно и неторопливо опустилась на мою спину. Но все это было по-прежнему нежно, чувственно и настолько непохоже на наши вчерашние безумства, что я ощутила, что вот-вот расту.

Именно в этот миг я как-то разом вспомнила, что такое настоящий поцелуй. Первые прикосновения, первое признание – молчаливое, ненавязчивое, но настолько откровенное, что на него невозможно было не ответить.

Мы целовались долго, неторопливо, со вкусом, узнавая друг друга заново и даря один другому те самые мгновения нежности, на которые вчера попросту не хватило времени. И вот тогда я потянулась ему навстречу. Вот тогда поверила, что между нами возможна не только страсть, но и такое, пока еще робкое, неуверенное чудо взаимного притяжения.

– Оля... – пробормотал вдруг лис, когда я запустила пальцы в его волосы и ответила на поцелуй.– Честное слово,ты сводишь меня с ума. Но я хотел показать тебе совсем не это... Оля... Оля, подожди. Я сделаю все, что ты захочешь. Но сейчас очень нужно, чтобы ты остановилась. На минутку. И представила, что вместо тебя я... обнимаю другую женщину.

ЧТО-О?!

При мысли о том, что на моем месте могла оказаться другая, я мгновенно рассвирепела. Меня кинуло сперва в холод, потом в жар. Волосы на загривке встали дыбом. Пальцы судорожно

сжались, впившись в кожу лиса до багровых отметин. А из моей груди неожиданно вырвался такой жуткий рык, что от него завибрировали стены бунгало.

Это было что-то вроде озарения, смешанного с поистине звериной яростью. С каким-то всеобъемлющим, напрочь лишаящим разума бешенством. Бушующим от злости океаном эмоций, посреди которого упорно билась совершенно четкая, не требующая подтверждения и не имеющая ни малейших сомнений мысль: это был МОЙ мужчина. Только МОЙ. Тот, кто согласился жить для меня. Тот, ради кого согласилась бы жить я. И без кого мое существование стало бы бессмысленным.

Это все ещё была не любовь в том смысле, в каком я раньше ее понимала.

Нечто большее.

Нечто, настолько всеобъемлющее, что делало этого мужчину не просто дорогим моему сердцу – он стал для меня единственным. Никто, кроме него, больше не был нужен. Никому, кроме него, я бы не позволила к себе прикоснуться. Никому бы не отдалась. Точно так же, как и он не посмел, да и не захотел бы прикоснуться ни к одной другой женщине.

Мы были не просто парой, а единым целым. Не будет его, не станет и меня. С этого момента и навсегда. И именно поэтому никто не смел на него претендовать. Никто не смел заявлять на него права. Как и на меня, впрочем. А тех, кто рискнет оспорить наше право и посмеет отнять у меня мою пару...

– Р-р-разорву!– рявкнула во весь голос я, испытывая дикое желание кого-нибудь убить.

И, так же неожиданно опомнившись, испуганно замерла.

Ой.

Что это сейчас было?!

Я в шоке замерла, вцепившись в оборотня обеими руками и силясь понять, что же со мной творится. Растерянно таращилась на лиса. Силилась что-то сказать, но из горла, кроме жалкого сипения почему-то ничего не удавалось выдать. А потом на лице Лисовского расцвела какая-то дикая, сумасшедшая и озорная, почти как у Андрея порой, хитрющая улыбка. После чего он порывисто меня обнял, притянул к себе и, жадно поцеловав, поинтересовался:

– Теперь тебе достаточно доказательств?

От возмущения я даже не нашлась что сказать.

Это было чудовищно. Гадко. Просто подло – так со мной поступать. Нет, вы представляете?! Этот гад меня спровоцировал! Само собой, после такого было уже невозможно отрицать мою звериную природу, как и то, что я целиком и полностью признала этого негодяя своим. Более того, я именно сейчас поняла, что не просто его не отдам, а в буквальном смысле глотку перегрызу тому, кто посмеет встать между нами. Но все равно! Как он мог?! Вот так, без подготовки... а если бы я кого-то поранила? А если бы перекинулась?!

Хотя, может, он именно этого сейчас и добивался?

Я уставилась на лиса со смесью злости, раздражения и возмущения.

– Ты...

– Я,– с новой улыбкой подтвердил этот хвостатый гад.– Надеюсь,теперь ты согласишься выйти за меня замуж?

У меня сузились глаза.

– Ни за какие коврижки!

– М-м-м... а так?– хитро улыбнулся оборотень и, ловко спеленав мои руки, провокационно лизнул меня за ухом, отчего по моей спине прогарцевал целый табун некстати появившихся мурашек.

– Пусти,– процедила я,тщето пытаюсь отцепить от себя его загребущие лапы.– Пусти сейчас же!

– Отпущу, как только ты скажешь «да». Выйдешь за меня?

– НЕТ!

– А вот так?

– Тем более!

– А может, все-таки подумаешь?– продолжал искушать меня лис, с чувством выцеловывая дорожку на моей шее. От каждого прикосновения я вздрагивала, покрывалась новыми мурашками, но упорно твердила:

– Нет! Нет! И НЕТ! Никогда!

– Никогда – это слишком долго,– промурлыкал этот подлец, ловким движением перевернувшись и опрокинув меня на постель.– Теперь, когда ты знаешь, кто ты есть, и больше не усомнишься, что мы – одно целое, у меня появилось предложение: давай бросим эти твои скучные Сейшелы и отправимся в Альпы?

– Никуда я с тобой не поеду!– процедила я, упрямо пытаюсь увернуться от поцелуев.

– У меня там домик,– ничуть не огорчившись, лис принялся целовать мою шею.– Маленький, симпатичный, всего триста с небольшим квадратов... знаешь, какая там замечательная спальня?

– НЕТ!

– Помнишь, что сказал твой шеф? - промурлыкал этот бессовестный гад, продолжая свое грязное дело. – Чтобы дар восстановился полностью, тебе нужен покой и много положительных эмоций. Покой я тебе обеспечу. И режим... к примеру, постельный. А уж положительных эмоций там будет столько, что у тебя не останется ни единого повода жаловаться.

Я только застонала: проклятый лис прекрасно знал, что делал. Благодаря метке, он чувствовал все, что со мной происходит. Прилагал массу усилий, чтобы я как можно быстрее забыла о том, что злилась. У него явно был богатый опыт в этом нелегком деле. Более того, то желание, которое я в нем ощутила с самого начала, он больше не сдерживал. И вкупе со всем остальным, это производило такой убойный эффект, что всего через пару минут настойчивых ласк у меня не осталось ни сил, не желания противиться.

– Оленька, я буду любить тебя долго-долго,– прошептал он, когда я обмякла на простынях.– Сладко. Нежно. Так, как ты захочешь. И до тех пор, пока ты не скажешь мне «да» или не согласишься пощады.

